
В МИРЕ
ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Непобедимый
Станислав Лем

Аннотация
Станислав Лем. Непобедимый
Черный дождь
Среди руин
«Кондор»
Первый
Туча
Гипотеза Лауды
Группа Рохана
Поражение
Длинная ночь
Разговор
«Непобедимый»

Аннотация

Крейсер «Непобедимый» совершает посадку на пустынную и ничем не примечательную планету Регис III. Жизнь существует только в океане, по неизвестной людям причине так и не выбравшись на сушу...

Целью экспедиции является выяснение обстоятельств исчезновения звездолета год назад на этой планете, который не вышел на связь несколько часов спустя после посадки.

Экспедиция обнаруживает, что на планете существует особая жизнь, рожденная эволюцией инопланетных машин, миллионы лет назад волей судьбы оказавшихся на этой планете.

Станислав Лем. Непобедимый

Черный дождь

«Непобедимый», крейсер второго класса, самый большой корабль, которым располагала База в системе Лиры, шел на фотонной тяге. Восемьдесят три человека команды спали в туннельном гибернаторе центрального отсека. Поскольку рейс был относительно коротким, вместо полной гибернации использовался очень глубокий сон, при котором температура тела не падает ниже десяти градусов. В рулевой рубке работали только автоматы. В поле их зрения, на перекрестке прицела, лежал кружок солнца, немногим более горячего, чем обычный красный карлик. Когда кружок занял половину площади экрана, реакция аннигиляции прекратилась. Некоторое время в звездолете царила мертвая тишина. Беззвучно работали кондиционеры и счетные машины. Погас вырывавшийся из кормы световой столб, который, пропадая во мраке, как бесконечно длинная шпага, подталкивал корабль, и сразу же прекратилась едва уловимая вибрация. «Непобедимый» шел с прежней околосветовой скоростью, притихший, глухой и, казалось, пустой.

Потом на пультах, залитых багрянцем далекого солнца, пылавшего на центральном экране, начали перемигиваться огоньки. Зашевелились ферромагнитные ленты, программы медленно вползали внутрь все новых и новых приборов, переключатели высекали искры, и ток уплывал по проводам с гудением, которого никто не слышал. Закружились электромоторы, преодолевая сопротивление давно застывшей смазки и поднимаясь с басов на высокий стон. Матовые слитки кадмия выдвигались из вспомогательных реакторов, магнитные помпы сжимали жидкий натрий в змеевиках охлаждения, по обшивке кормовых отсеков пробежала дрожь, и одновременно легкий шорох из-за бортовых переборок — словно целые стада зверьков носились там, постукивая коготками о металл, — сообщил, что приборы автоматического контроля уже отправились в длинное путешествие, чтобы проверить каждое соединение лонжеронов, герметичность корпуса, прочность металлических швов. Весь корабль наполнился шумами, движением, — он пробуждался, и только команда его еще спала.

Наконец очередной автомат, проглотив свою программу, послал сигнал в мозг гибернатора. К струям холодного воздуха примешался будящий

газ. Между рядами коек из палубных решеток повеяло теплым ветром. Но люди словно не хотели просыпаться. Некоторые беспомощно двигали руками; пустоту их ледяного сна заполняли бред и кошмары. Наконец кто-то открыл глаза. Корабль уже ждал. За несколько минут до этого темноту длинных коридоров, шахт подъемников, кают, рулевой рубки, рабочих помещений, шлюзов разогнал бледный свет искусственного дня. И пока гибернатор наполнялся бормотаньем, вздохами и бессознательными стонами, корабль, словно ему было невтерпеж, не дожидаясь пробуждения команды, начал предварительный маневр торможения. На центральном экране вспыхнули полосы носового пламени. В оцепенение околосветового разгона ворвался толчок, могучая сила носовых двигателей стремилась уничтожить энергию восемнадцати тысяч тонн массы покоя «Непобедимого», помноженных сейчас на его огромную скорость. Повсюду зашевелились, как бы оживая, плохо закрепленные предметы. Стук, звяканье стекла, звон металла, шорох пластиков волной прошли по всему кораблю от носа до кормы. В это время из гибернатора уже доносился шум голосов; люди от небытия, в котором они находились в течение семи месяцев,

через короткий сон возвращались к яви.

Корабль терял скорость. Планета закрыла звезды, вся в рыжей вате облаков. Выпуклое зеркало океана, отражавшее Солнце, двигалось все медленнее. На экран выполз бурый, испещренный кратерами континент. Люди, находившиеся в отсеках, ничего не видели. Глубоко под ними в титановом чреве двигателя нарастало сдавленное рычание, чудовищная тяжесть стягивала пальцы с рукояток. Туча, попавшая в огненную струю, засеребрилась ртутным взрывом, распалась и исчезла. Рев двигателей на мгновение усилился. Бурый диск расплющивался, планета превращалась в материк. Уже были видны перегоняемые ветром серпообразные барханы. Полосы лавы, расходящиеся от ближайшего кратера как спицы колеса, переливаясь, отразили пламя ракетных дюз.

— Полная мощность на оси. Статическая тяга.

Стрелки лениво передвинулись в соседние секторы шкал. Маневр был произведен безошибочно. Корабль, как перевернутый вулкан, извергающий огонь, висел над рябой равниной с утонувшими в песке скальными грядами.

— Полная мощность на оси. Уменьшить статическую тягу.

Уже было видно место, где рвущийся вертикально вниз столб огня ударял в грунт. Там поднялась рыжая песчаная буря. Из кормы, беззвучные в оглушительном реве газов, стреляли фиолетовые молнии. Разность потенциалов выровнялась, молнии исчезли. Двигатели выли, корабль падал без единого толчка, как подвешенная на невидимых канатах стальная гора.

— Половина мощности на оси. Малая статическая тяга.

Кольцевыми гребнями, как валы настоящего моря, во все стороны разбегались дымящиеся волны песка. Эпицентр, в который с небольшого расстояния било кустистое пламя, уже не дымился — кипел. Песок исчез, он превратился в багровое зеркало, в кипящее озеро расплавленного кремнезема, в пену грохочущих взрывов и, наконец, испарился. Обнаженный, как кость, старый базальт планеты начал размягчаться.

— Реакторы на холостой ход. Холодная тяга.

Голубизна атомного огня погасла. Из дюз вырвались наклонные струи бороводорода, и в одно мгновение пустыню, склоны кратеров и тучи над ними залила призрачная зелень. Базальтовый монолит, на который должна была осесть широкая корма «Непобедимого», уже не грозил

расплавиться.

— Реакторы ноль. Холодной тягой на посадку.

Сердца людей забились быстрее, глаза приблизились к приборам, рукоятки вспотели в сжатых ладонях. Эти слова означали, что возвращения уже нет, что ноги встанут на настоящий грунт, пусть это только песок пустынного мира, но там будет восход и заход солнца, горизонт, и тучи, и ветер.

— Посадка в точке надира.

Корабль был наполнен воем турбин, нагнетающих вниз горючее. Зеленый, конусно расходящийся столб огня соединил его с дымящейся скалой. Со всех сторон поднялись тучи песка, перископы центральных отсеков ослепли, только в рубке на экранах радаров неизменно появлялось и гасло изображение местности, тонущей в хаосе тайфуна.

— Стоп в момент контакта.

Огонь гневно бурлил под кормой, его миллиметр за миллиметром сдавливала спускающаяся громада звездолета, зеленое пекло стреляло длинными брызгами в глубь грохочущих песчаных туч. Промежуток между кормой и обожженным базальтом скалы стал узкой щелью, ниточкой зеленого пламени.

— Ноль-ноль. Все двигатели стоп.

Один-единственный удар словно бы огромного разорвавшегося сердца. Звездолет стоял. Главный инженер сжимал рукоятки аварийного реактора: скала могла податься. Все ждали. Стрелки секундомеров продолжали двигаться своими насекомьими скачками. Командир некоторое время не отводил глаз от указателя вертикали: серебристый огонек ни на волосок не отошел от красного нуля. Все молчали. Разогретые до вишневого каления дюзы начинали сжиматься, издавая характерные звуки, похожие на хриплое покашливанье. Красноватая туча, подброшенная на сотни метров, опускалась. Из нее вырос тупой нос «Непобедимого», его корпус — опаленный трением в атмосфере и поэтому приобретший цвет старой скалы шершавый двойной панцирь. Рыжая пыль все еще клубилась и завихрялась у кормы, но сам корабль стоял прочно, как будто давно уже стал частью планеты и теперь ленивым движением, продолжающимся века, вращался вместе с ее воздухом, под фиолетовым небом, в котором были видны наиболее яркие звезды, гаснущие только в непосредственной близости от красного солнца.

— Нормальная процедура?

Астрогатор выпрямился над бортовым журналом, куда вписал условный знак посадки, время и добавил название планеты: «Регис III».

— Нет, Рохан. Начнем с третьей степени.

Рохан старался не показать своего изумления.

— Слушаюсь. Хотя... — добавил он с фамильярностью, которую Хорпах иногда ему позволял, — я предпочел бы не быть тем, кто сообщит об этом команде.

Астрогатор, как бы не слыша слов своего подчиненного, взял его за плечо и подвел к экрану, словно к окну. Отброшенный в стороны реактивной струей песок образовал что-то вроде неглубокой котловины, увенчанной осыпающимися барханами. С высоты восемнадцати этажей сквозь трехцветную плоскость электронного преобразователя, точно воспроизводившего все, что было снаружи, они видели скалистую пилу кратера, находившегося на расстоянии трех километров от корабля. На западе она исчезала за горизонтом. На востоке под ее обрывами громоздились черные непроницаемые тени. Широкие потоки лавы, выступающие из песка, были цвета засохшей крови. Яркая звезда сверкала в небе, под верхним обрезом экрана. Катаклизм, вызванный появлением «Непобедимого», кончился, и

вихрь пустыни, бурный поток воздуха, постоянно несущийся от экваториальных областей к полюсу планеты, уже втискивал первые песчаные языки под корму корабля, словно стараясь терпеливо зализать рану, нанесенную пламенем двигателей. Астрогатор включил систему наружных микрофонов, и злобный далекий вой вместе с шорохом песка, трущегося по обшивке, наполнил на мгновение высокое помещение рубки. Потом он выключил микрофоны, и стало тихо.

— Так это выглядит, — сказал он медленно. — Но «Кондор» не вернулся отсюда, Рохан.

Рохан стиснул зубы. Он не мог спорить с командиром. Они пролетели вместе много парсеков, но не сдружились. Может быть, разница в возрасте была слишком велика. Или пережитые вместе опасности не так уж значительны. Этот человек, с волосами почти такими же белыми, как его одежда, был беспощаден. Без малого сотня людей неподвижно стояла на постах, кончив напряженную работу. Почти сотня людей, которые месяцами не слышали шума ветра и научились ненавидеть пустоту так, как ненавидит ее лишь тот, кто хорошо знает. Но командир, наверное, не думал об этом. Он медленно прошелся по рубке и, опершись рукой о спинку кресла, буркнул:

— Мы не знаем, что это, Рохан.

И вдруг — резко:

— Чего вы еще ждете?

Рохан быстро подошел к распределительным пультам, включил внутреннюю систему связи и голосом, в котором все еще дрожало подавленное возмущение, бросил:

— Все отсеки, внимание! Посадка закончена. Планетная процедура третьей степени. Восьмой отсек, — подготовить энергоботы! Девятый отсек, — включить блоки экранировки! Техники защиты, — на свои посты! Остальным занять места по рабочему расписанию! Конец.

Когда Рохан говорил это, глядя на мигающий в такт модуляциям голоса зеленый глазок усилителя, ему казалось, что он видит их потные, поднятые к репродукторам лица, застывшие от удивления и гнева.

— Планетная процедура третьей степени начата, командир, — сказал он, не глядя на старика.

Тот посмотрел на него и неожиданно улыбнулся уголком рта.

— Это только начало, Рохан. Может, будут еще долгие прогулки, кто знает...

Он вынул из небольшого стенного шкафчика тонкий высокий том и, положив его на ощети-

нившийся ручками белый пульт, произнес:

— Вы читали это?

— Да.

— Их последний сигнал, зарегистрированный седьмым гипертранслятором, дошел до ближайшего буя в зоне Базы год назад.

— Я знаю его содержание на память. «Посадка на Регис III закончена. Планета пустынная, типа суб-дельта 92. Высаживаемся на сушу по второй процедуре в экваториальной области континента Эваны».

— Да. Но это был не последний сигнал.

— Знаю. Через сорок часов гипертранслятор зарегистрировал серию импульсов, похожих на азбуку Морзе, но совершенно бессмысленных, а затем — неоднократно повторенные странные звуки. Хертель назвал их «мяуканьем кошек, которых тянут за хвост».

— Да... — протянул астрогатор, но было видно, что он не слушает.

Он снова подошел к экрану. Над нижней кромкой экрана выдвинулись шарнирные звенья аппарели, по которой ровно, как на параде, один за другим сползали энергоботы — тридцатитонные машины, покрытые огнеупорными силиконовыми панцирями. Съезжая с аппарели,

боты глубоко окунались в песок, но шли уверенно, вспахивая барханы, которые ветер уже наносил вокруг «Непобедимого». Они расходились в разные стороны, и через десять минут корабль был окружен кольцом металлических черепах. Остановившись, каждый бот начинал мерно зарываться в песок, пока не исчезал, и только поблескивающие пятна, равномерно расположенные на рыжих склонах барханов, указывали места, где выступали купола эмиттеров Дирака. Покрытый пенопластом стальной пол рубки вздрогнул под ногами. Тела людей прошила короткая, как молния, отчетливая, хотя и едва ощутимая дрожь, а изображение на экране размазалось. Это не длилось и полсекунды. Вернулась тишина, прерванная отдаленным, плывущим из нижних ярусов, урчанием запущенных двигателей. Пустыня, черно-рыжие скальные откосы, шеренги лениво ползущих песчаных волн резко обозначились на экранах. Все осталось прежним, но над «Непобедимым», закрывая доступ к нему, раскинулся невидимый купол силового поля. На аппарели появились инфороботы — металлические крабы с вращающимися мельничками антенн. У них были сплюснутые туловища и изогнутые, расходящиеся в стороны металлические

ноги. Увязая в песке и словно с отвращением вытягивая из него глубоко проваливающиеся конечности, членистоногие разбежались и заняли места в разрывах кольца энергоботов. По мере того как развивалась операция защиты, на центральном пульте рубки зажигались контрольные огоньки, а шкалы импульсных счетчиков набухали зеленоватым светом. Будто десяток больших застывших кошачьих глаз смотрел сейчас на людей. Стрелки всех приборов стояли на нулях, свидетельствуя о том, что никто не пытается проникнуть сквозь невидимую преграду силового поля. Только указатель потребляемой мощности поднимался все выше, минуя красные черточки гигаваттов.

— Я спущусь вниз, перекушу. Проводите стереотип сами, Рохан, — сказал поскучневшим вдруг голосом Хорпах, отрываясь от экрана.

— Дистанционно?

— Если для вас это имеет значение, можете послать кого-нибудь... или пойдите сами.

С этими словами астрогатор раздвинул двери и вышел. Рохан еще мгновение видел его профиль в слабом свете лифта, потом кабина беззвучно провалилась вниз. Он взглянул на пульт индикаторов поля. Ноль. «Нужно было начинать с

фотограмметрии, — подумал он. — Облетывать планету до тех пор, пока не получили бы полного комплекта снимков. Возможно, этим способом и удалось бы что-нибудь обнаружить. Визуальные наблюдения с орбиты немного стоят; континенты — это не море, а все наблюдатели, вместе взятые, — не матросы на марсе. Правда, на комплект снимков потребовался бы без малого месяц».

Лифт вернулся. Рохан вошел в кабину и спустился в шестой отсек. На большой платформе у входа в шлюз толпились люди, которым, собственно, здесь больше нечего было делать, тем более что четыре сигнала, извещающие о наступлении времени основного приема пищи, повторялись уже минут пятнадцать. Перед Роханом расступились.

— Джордан и Бланк. Пойдемте со мной на стереотип.

— Полные скафандры?

— Нет. Только кислородные приборы. И один робот. Лучше из арктанов, чтобы не завяз в этом проклятом песке. А почему все здесь? Аппетит потеряли?

— Хотелось бы сойти... на берег.

— Хоть на пару минут...

Поднялся гомон.

— Спокойно, ребята. Придет время — сойдете. А сейчас — третья степень...

Расходились неохотно. Тем временем из грузовой шахты вынырнул подъемник с роботом, который был на голову выше самых рослых людей. Джордан и Бланк, уже с кислородными приборами, возвращались на электрокаре. Рохан ждал их, опершись о поручни коридора, который теперь, когда корабль стоял на корме, превратился в вертикальную шахту. Он чувствовал над собой и под собой раскинувшиеся ярусы металла, где-то в самом низу работали медленные транспортеры, было слышно слабое чмоканье гидравлической системы, а из глубины сорокаметровой шахты всплывала струя холодного чистого воздуха от кондиционеров машинного отделения.

Двое из шлюзовой команды открыли им дверь. Рохан проверил положение захватов и прижим маски. Джордан и Бланк вошли за ним, а потом плита тяжело заскрежетала под шагами робота. Раздался пронзительный, протяжный свист воздуха, втягивающегося внутрь корабля. Открылся наружный люк. Аппарель для машин находилась четырьмя этажами ниже. Чтобы спускаться вниз, люди пользовались малым подъемником, вы-

двинувшимся из обшивки. Его решетчатая ферма упиралась в вершину бархана. Клеть подъемника была открыта со всех сторон. Воздух был немного холоднее, чем внутри «Непобедимого». Они вошли в клеть вчетвером, магниты отключились, и они плавно спустились с высоты одиннадцати этажей. Рохан машинально проверял состояние обшивки: не очень-то часто случается осматривать корабль снаружи.

«Да, поработал», — подумал он, разглядывая бороздки от метеоритных ударов. Местами плиты обшивки утратили блеск, словно разъеденные сильной кислотой.

Лифт, кончив свой короткий полет, мягко осел на песчаную волну. Люди спрыгнули и тотчас провалились выше колен. Только робот, предназначенный для работы в заснеженных местах, шествовал смешным, утиным, но уверенным шагом на своих карикатурно расплющенных ступнях. Рохан приказал ему остановиться, а сам с Джорданом и Бланком тщательно, насколько это было возможно снаружи, осмотрел устья кормовых дюз.

— Им не помешает небольшая шлифовка и продувка, — пробормотал он.

Только выйдя из-под кормы, он увидел, какую

огромную тень отбрасывает корабль. Словно широкая дорога, тянулась она через холмы, освещенные уже заходящим солнцем. В правильности песчаных волн было особое спокойствие. Их впадины были залиты голубыми тенями, верхушки розовели в сумерках, и этот мягкий румянец напоминал Рохану краски, которые он видел когда-то в детской книжке с картинками. Такой он был неправдоподобно нежный. Рохан медленно переводил взгляд от бархана к бархану, находя все новые оттенки золотистого пламени. Дальше краски становились бурыми, их рассекали серпы черных теней, и, наконец, сливаясь в желто-серую пелену, они обволакивали грозно торчащие плиты голых вулканических скал.

Рохан все стоял и смотрел, а его товарищи — без спешки, движениями, ставшими в результате многолетнего навыка автоматическими, производили обычные измерения, набирали в маленькие контейнеры пробы воздуха и песка, переносным зондом, бур которого поддерживал арктан, определяли радиоактивность грунта. Маска прикрывала только нос и рот, глаза и голова были открыты, так как Рохан снял легкий защитный шлем. Он чувствовал, как волосы трогает ветер, как на лице оседают мельчайшие

зернышки песка, как, щекоча, они забиваются между пластиковой кромкой маски и щекой. Беспокойные порывы ветра играли штанинами комбинезона, огромный, словно опухший, солнечный диск, на который можно было смотреть безнаказанно целые секунды, торчал теперь за самой макушкой звездолета. Ветер протяжно свистел, силовое поле не задерживало движения газов, поэтому Рохан не мог угадать, где встает из песка невидимая стена. Ширь, раскинувшаяся перед ним, была мертвой, как будто никогда не ступала сюда нога человека, как будто не эта планета поглотила корабль с экипажем в восемьдесят человек, корабль класса «Непобедимого», — огромный опытный космопроходец, способный в доли секунды развить мощность в миллиарды киловатт, преобразовать ее в энергетические поля, которые не пробьет никакое материальное тело, сконцентрировать в уничтожающее излучение с температурой звезд, способное обратить в прах горную цепь или высушить море. И все-таки он пропал здесь, этот могучий стальной организм, построенный на Земле, плод многовекового развития технологии, исчез непонятным образом, без следа, без сигнала SOS, словно растворился в рыжей однообразной

пустыне.

«И весь этот континент выглядит так же», — подумал Рохан. Он помнил это хорошо. Видел с высоты оспины кратеров и единственное движение, которое существовало на планете, — неустанное, медленное движение облаков, тащивших свои тени через нескончаемую лавину барханов.

— Активность? — спросил Рохан, не оборачиваясь.

— Ноль, ноль-два, — ответил Джордан и поднялся с колен. Его лицо раскраснелось, глаза блестели. Маска делала голос невнятным.

«Это значит — меньше, чем ничего, — подумал Рохан. — Впрочем, они не могли погибнуть от такой грубой неосторожности, автоматические индикаторы подняли бы тревогу, даже если бы никто не позаботился о контрольном стереотипе».

— Атмосфера?

— Азота семьдесят восемь процентов, аргона два, двуокиси углерода ноль, метана четыре, остальное кислород.

— Шестнадцать процентов кислорода?! Это точно?

— Точно.

— Радиоактивность воздуха?

— Практически ноль.

Странно! Столько кислорода! Рохан подошел к роботу, который тотчас же поднес к его глазам кассету с индикаторами. «Может, пробовали обойтись без кислородных приборов?» — подумал он, прекрасно понимая, что это невозможно. Правда, время от времени случалось, что какой-нибудь космонавт, больше других тосковавший по дому, вопреки приказам, снимал маску — окружающий воздух казался таким чистым, таким свежим — и отравлялся. Но такое могло случиться с одним, максимум с двумя...

— Закончили?

— Да.

— Возвращайтесь.

— А вы?

— Я еще останусь. Возвращайтесь, — повторил он нетерпеливо.

Ему хотелось побыть одному. Бланк закинул за плечи связанные за ручки контейнеры. Джордан подал роботу зонд, и они пошли, тяжело увязая в песке; арктан шлепал за ними, так похожий сзади на человека в маскарадном костюме.

Рохан подошел к крайнему бархану. Вблизи он увидел выступающий из песка раструб эмиттера,

одного из создававших защитное силовое поле. Не столько для того, чтобы проверить существование поля, сколько из какого-то детского каприза он зачерпнул горсть песку и бросил ее вверх. Песок полетел струйкой и, как бы наткнувшись на невидимое наклонное стекло, вертикально осыпался на землю.

У него просто руки чесались снять маску. Он хорошо знал это чувство. Выплюнуть пластмассовый мундштук, сорвать зажимы, наполнить грудь воздухом, затянуться им до самого дна легких...

«Расклеился я», — подумал Рохан и медленно вернулся к кораблю. Пустая клеть подъемника ждала его, платформа мягко погрузилась в бархан, а ветер успел за несколько минут покрыть металл тоненьким слоем песка.

В главном коридоре пятого отсека он взглянул на стенной информатор. Командир был в звездной каюте. Рохан поднялся наверх.

— Одним словом — идиллия? — суммировал астрогатор его слова. — Никакой радиоактивности, никаких спор, бактерий, плесени, вирусов, ничего — только кислород... Во всяком случае, пробы нужно высадить в питательную среду...

— Уже в лаборатории. Может быть, жизнь раз-

вивается тут на других континентах, — заметил Рохан неуверенно.

— Сомневаюсь. Инсоляция за пределами экваториальной области очень невелика: вы видели толщину ледовых шапок на полюсах? Ручаюсь, что там минимум восемь, если не все десять километров ледовой коры. Скорее, уж океан — какие-нибудь водоросли, — но почему жизнь не вышла из воды на сушу?

— Нужно будет в эту воду заглянуть, — сказал Рохан.

— Слишком рано спрашивать наших ученых, но планета кажется мне старой — этому трухлявому яйцу миллиардов шесть лет. Впрочем, солнце тоже довольно давно вышло из периода активной деятельности. Это почти красный карлик. Да, отсутствие жизни на суше странно. Особый род эволюции, которая не переносит суши. Ну, ладно. Это бы объяснило присутствие кислорода, а не исчезновение «Кондора».

— Какие-нибудь формы жизни... Какие-нибудь подводные существа, которые создали цивилизацию там, на дне, — подсказал Рохан.

Они оба смотрели на большую карту планеты, в Меркаторовой проекции, очень неточную, так как она была сделана на основании полученных

еще в прошлом веке данных автоматических зондов. На ней были показаны лишь контуры основных континентов и морей, границы полярных шапок и несколько самых больших кратеров. В сетке пересекающихся меридианов и параллелей под восьмым градусом северной широты виднелась обведенная черным кружком точка — место, где сел «Непобедимый». Астрогатор нетерпеливо передвинул бумагу на столе.

— Вы в это сами не верите, — обрушился он на Рохана. — Трессор был не глупее нас... Он бы не поддался никаким подводным... Чушь. А впрочем, даже если бы в воде и развились разумные вещества, одной из первых задач было бы освоение суши. Ну, скажем, в скафандрах, наполненных водой... Совершенная чушь, — повторил он, не для того чтобы окончательно уничтожить концепцию Рохана, а потому, что думал уже о чем-то другом.

— Постоим здесь некоторое время... — сказал он наконец и прикоснулся к нижнему краю карты, которая с легким шелестом свернулась и исчезла в глубине одной из полок большого стеллажа. — Подождем и посмотрим...

— А если ничего?.. — спросил Рохан осторожно. — Поищем их?

— Рохан, будьте благоразумны. Шестой звездный год, и такое... — Астрогатор искал нужное определение, не нашел и заменил его небрежным жестом. — Планета величиной с Марс. Как их искать? Я имею в виду «Кондор», — уточнил он.

— М-да... Грунт железистый, — неохотно согласился Рохан.

Действительно, анализы показали большое содержание окислов железа в песке. Значит, ферроиндукционные индикаторы здесь бесполезны. Не зная, что сказать, Рохан умолк. Он был убежден, что командир найдет в конце концов какой-нибудь выход. Не вернутся же они с пустыми руками, без всяких результатов. Он ждал, глядя на насупленные кустистые брови Хорпаха.

— Честно говоря, я не верю, что ожидание в течение сорока восьми часов что-нибудь нам даст, однако инструкция этого требует, — внезапно признался астрогатор. — Садитесь-ка, Рохан. А то вы стоите надо мной как укор совести. Регис — самое нелепое место, какое только можно себе вообразить. Верх бесполезности. И за каким чертом послали сюда «Кондор»?.. Впрочем, не будем о том, что уже случилось...

Хорпах остановился. Как обычно, когда бывал в плохом настроении, он стал разговорчив,

втягивал в спор и даже позволял некоторую фамильярность, что всегда было немного небезопасно, так как в любой момент он мог закончить разговор какой-нибудь резкостью.

— Короче говоря, так или иначе мы должны что-то сделать. Знаете что?.. Выведите-ка несколько малых фотозондов на экваториальную орбиту. Но чтобы это была максимально точная окружность, и на небольшой высоте. Километров так семьдесят.

— Это еще в пределах атмосферы, — запротестовал Рохан. — Они сгорят через несколько десятков витков...

— Пусть горят. Но до этого сфотографируют что смогут. Я бы даже посоветовал шестьдесят километров. Сгорят, возможно, уже на десятом витке, но только снимки, сделанные с такой высоты, могут что-нибудь дать. Вы знаете, как выглядит звездолет с высоты ста километров, даже в лучший телеобъектив? Булавочная головка рядом с ним покажется горным массивом. Сделайте это сейчас... Рохан!!!

На этот окрик навигатор обернулся уже от двери. Командир бросил на стол протокол с результатом анализа:

— Что это? Что за идиотизм? Кто это писал?

— Автомат. А в чем дело? — спросил Рохан, стараясь говорить спокойно, потому что и в нем начал нарастать гнев.

«Будет теперь ворчать!» — подумал он, подходя умышленно медленно.

— Читайте. Здесь. Вот здесь...

— Метана четыре процента... — прочитал Рохан и ошеломлено остановился.

— Метана четыре процента, а? А кислорода шестнадцать? Вы знаете, что это? Взрывчатая смесь! Может быть, вы мне объясните, почему вся атмосфера не взорвалась, когда мы садились на бороводороде?

— Действительно... не понимаю... — пробормотал Рохан. Он быстро подбежал к пульту наружного контроля, засосал в датчики немного воздуха и, пока астрогатор в зловещем молчании прохаживался по рубке, смотрел, как анализаторы старательно постукивают стеклянными сосудами.

— Ну и что?

— То же самое. Метана четыре процента... кислорода шестнадцать... — сказал Рохан.

Правда, он не понимал, как это возможно, однако почувствовал удовлетворение: по крайней мере Хорпаху не в чем теперь его упрекать.

— Покажите-ка... Хм... Метана четыре, м-да... А, к дьяволу, ладно. Рохан, зонды на орбиту, а потом прошу прийти в маленькую лабораторию. В конце концов для чего у нас ученые?! Пускай поломают себе головы...

Рохан спустился вниз, взял двух ракетных техников и повторил им распоряжение астрогатора. Потом вернулся во второй отсек. Здесь размещались лаборатории и каюты специалистов. Он прошел мимо ряда узких впресованных в металл дверей с табличками: «Г. И.», «Г. Ф.», «Г. Б.». Двери маленькой лаборатории были широко открыты; сквозь монотонные голоса ученых время от времени пробивался бас астрогатора. Рохан остановился у порога. Здесь собрались все «главные» — главный инженер, биолог, физик, врач — и все технологи из машинного. Астрогатор сидел молча под программирующим устройством настольной счетной машины, а оливковый Модерон со сплетенными руками, маленькими, как у девушки, говорил:

— Я не специалист в химии газов. Во всяком случае, это, вероятно, не обычный метан. Энергия связей другая. Разница лишь в сотых, но есть. Он реагирует с кислородом только в присутствии катализаторов, и то неохотно.

— Какого происхождения этот метан? — спросил Хорпах. Он вертел пальцами.

— Углерод в нем, во всяком случае, органического происхождения. Это немного, но нет сомнения...

— Есть изотопы? Какой возраст? Как стар этот метан?

— От двух до пятнадцати миллионов лет.

— Ну и точность!

— У нас было всего полчаса времени. Пока мы ничего больше не можем сказать.

— Доктор Гастлер! Откуда появляется такой метан?

— Не знаю.

Хорпах поочередно оглядел своих специалистов. Казалось, он сейчас взорвется, но он вдруг усмехнулся.

— Друзья, вы люди опытные. Мы летаем вместе не первый день. Прошу высказать свое мнение. Что мы должны сейчас делать? С чего начинать?

Поскольку никто не спешил взять слово, биолог Юппе, один из немногих, кто не боялся раздражительности Хорпаха, сказал, спокойно глядя командиру в глаза:

— Это не обычная планета класса суб-дельта 92. Если бы она была такой, «Кондор» бы не по-

гиб. Поскольку на его борту были специалисты не хуже и не лучше, чем мы, наверняка можно сказать только одно — их знаний оказалось недостаточно, чтобы избежать катастрофы. Отсюда предложение: мы должны продолжать действовать по процедуре третьей степени и исследовать сушу и океан. Думаю, что нужно начать геологическое бурение и одновременно заняться здешней водой. Все остальное было бы гипотезами, а в этой ситуации мы не можем позволить себе такой роскоши.

— Хорошо. — Хорпах стиснул зубы. — Бурение в границах силового поля — не проблема. Этим займется доктор Новик...

Главный геолог кивнул головой.

— Что касается океана... Как далеко береговая линия, Рохан?

— Около двухсот километров... — ответил навигатор, совершенно не удивившись, что командир знает о его присутствии, хотя и не видит его: Рохан стоял в нескольких шагах за его спиной, у двери.

— Немного далековато. Но не будем трогать корабль. Возьмите столько людей, сколько сочтете необходимым, Рохан, Фитцпатрика или еще кого-нибудь из океанологов и шесть энергобо-

тов резерва. И отправляйтесь на берег. Работать будете только под силовой защитой; никаких прогулок по воде, никаких погружений. Автоматами тоже прошу не разбрасываться — их у нас не слишком много. Ясно? Можете приступать. Да, еще одно. Здешний воздух пригоден для дыхания?

Врачи пошептались между собой.

— В принципе да... — сказал наконец Стормонт, но без особой убежденности.

— Что значит «в принципе»? Можно им дышать или нельзя?

— Такое количество метана небезопасно. Через некоторое время наступит насыщение крови, и это может дать легкие мозговые явления. Обморок... Но не сразу, через час, возможно, через несколько часов.

— А какой-нибудь поглотитель метана?..

— Нет. Производство таких поглотителей просто не окупится, их придется часто менять... Ну а, кроме того, содержание кислорода все-таки низкое. Лично я за кислородные приборы.

— М-м... А остальные тоже?

Витте и Элдъярн согласно кивнули. Хорпах встал.

— Итак, за дело, Рохан! Что с зондами?

— Сейчас будем их запускать. Могу я еще раз проверить орбиту перед запуском?

— Можете.

Рохан прикрыл двери, оставив за ними шум лаборатории. Когда он вошел в рубку, солнце почти село, виден был только краешек темного, фиолетово-пурпурного диска. На его фоне с неестественной четкостью вырисовывался зубастый контур кратера. Небо, в этой области Галактики густо усеянное звездами, казалось сейчас слишком уж огромным. Все ниже вспыхивали большие созвездия, как бы поглощая исчезавшую во мраке пустыню. Рохан связался с носовым постом. Там как раз приступали к запуску первой пары фотоспутников. Следующие должны были уйти вверх через час. Завтра дневные и ночные снимки обоих полушарий планеты дадут картину всего экваториального пояса.

— Минута тридцать одна... азимут семь. Навожу, — повторял в громкоговорителе певучий голос.

Рохан уменьшил громкость и повернул кресло к контрольному пульту. Он никому бы в этом не признался, но его всегда забавляла игра огоньков при запуске зондов на околопланетную орбиту. Сначала запылали рубиновым, белым и голубым

контрольки бустера. Потом застучал стартовый автомат. Когда его тиканье вдруг прервалось, корпус крейсера слегка вздрогнул. Тотчас пустыня на экранах осветилась фосфорическим блеском. С тонким, предельно напряженным воем, обливая корабль потоком огня, миниатюрный снаряд вырвался из носовой шахты. Блеск удаляющегося бустера плясал на склонах холмов все слабее и наконец угас. Вой затих, зато безумие световой горячки охватило весь пульт. В спешке вырывались из мрака продолговатые огоньки баллистического контроля, подтверждающе подмигивали жемчужные лампочки дистанционного управления, потом появились похожие на украшенную разноцветными огнями елочку сигналы об отделении очередной выгоревшей ступени, и, наконец, над всем этим радужным муравейником вспыхнул белый, чистый четырехугольник — сигнал того, что спутник вышел на орбиту. Посреди сверкающей снежной поверхности появился серый островок, который превратился в число 67. Это была высота полета. Рохан еще раз проверил элементы орбиты: и перигей, и апогей находились в заданных границах. Ему больше нечего было делать. Он взглянул на бортовые часы, которые показывали восем-

надцать, потом на действительные сейчас часы локального времени — одиннадцать часов ночи — и на мгновение закрыл глаза. Он радовался путешествию к океану. Любил действовать самостоятельно.

Рохан ощущал сонливость и голод. Немного поразмышлял, не принять ли тонизирующую таблетку, но решил, что достаточно будет ужина. Вставая, он почувствовал, насколько устал, удивился и от этого немного пришел в себя. Он спустился вниз, в кают-компанию. Там были участники завтрашней экспедиции — два водителя транспортеров, один из них Ярг, которого Рохан любил за его постоянно хорошее настроение, и Фитцпатрик с двумя своими коллегами, Брозой и Кехлином. Они уже кончили ужинать. Рохан заказал горячий суп, вынул из стенного автомата хлеб и бутылку безалкогольного пива. Он шел с подносом к столу, когда пол слегка вздрогнул. «Непобедимый» запустил очередной спутник.

Ехать ночью командир не разрешил. Отправились в пять часов по местному времени, перед восходом солнца. Строй, в котором они вынуждены были двигаться, из-за его нудной медлительности в шутку называли похоронной

процессией. Открывали и замыкали строй энергоботы, которые эллипсоидным силовым полем защищали остальные машины — универсальные вездеходы на воздушной подушке, вездеходы с радиостанцией и радарными установками, кухню, транспортер с самоустанавливающимся герметичным жилым бараком и малый лазер непосредственного поражения на гусеничном ходу. Рохан устроился вместе с тремя учеными в первом энергоботе. По правде говоря, это было неудобно, они едва поместились, но, по крайней мере, давало иллюзию более или менее нормального путешествия. Скорость приходилось приноравливать к самым медленным машинам колонны, то есть к энергоботам.

Поездку нельзя было отнести к разряду изысканных удовольствий. Гусеницы скрежетали и вязли в песке, турбинные двигатели ревели, как комары величиной со слона, из решетчатых кожухов вырывалась струя воздушного охлаждения, а весь энергобот болтался, как тяжелая шлюпка на волнах.

Скоро черная игла «Непобедимого» скрылась за горизонтом. Некоторое время колонна двигалась в горизонтальных лучах холодного и красного, как кровь, солнца по однообразной пустыне. По-

степенно песка становилось все меньше, из него начали высовываться каменные плиты, которые приходилось объезжать. Кислородные маски и вой двигателей на располагали к беседе. Все внимательно рассматривали линию горизонта, но картина была все время одна и та же — нагромождение скал, большие выветрившиеся камни, потом равнина начала опускаться, на дне оврага между отлогими скатами показался узенький, наполовину высохший ручей, вода которого блестела, отражая красный свет. Слой гальки, тянувшийся по обоим берегам ручья, доказывал, что иногда он несет значительно больше воды. Вода была совершенно чистой, довольно жесткой, с примесью окислов железа, и ничтожными следами сульфидов. Отряд двинулся дальше, теперь уже немного быстрее, гусеницы хорошо шли по каменистой почве. На западе появились небольшие утесы.

Последняя машина поддерживала непрерывную связь с «Непобедимым», антенны радаров вращались, операторы, склонившиеся к экранам, грызли плитки концентрата, иногда из-под какого-нибудь вездехода стремительно вылетал камень и, как будто вдруг оживая, взмывал вверх. Потом дорогу экспедиции преградили отлогие

холмы, голые, с лысыми верхушками. Ученые на ходу взяли несколько проб, и Фитцпатрик крикнул Рохану, что кремнезем органического происхождения. Наконец, когда черно-синей полосой блеснуло зеркало воды, обнаружили и известняк.

К берегу машины с грохотом спускались по маленьким плоским камням. Когда до океана, вблизи зеленоватого и с виду совершенно земного, оставалось сто метров, умолк скрежет гусениц и вой турбин. Теперь началось сложное маневрирование; для того чтобы защитить рабочую группу полем, нужно было ввести головной энергобот в воду на довольно значительную глубину. Предварительно герметизированная машина, управляемая с другого энергобота, вошла в волны, которые бурлили и пенились. Она уползала все глубже, пока не стала едва заметным темным пятном. Только после этого, по сигналу с центрального поста, затопленный колосс выдвинул на поверхность эмиттер Дирака, и когда поле установилось, покрывая невидимым полушарием часть берега и прибрежных вод, началась работа.

Океан был немного менее соленым, чем земной, и никаких потрясающих результатов анализы не

приносили. Через два часа было известно примерно столько же, сколько и вначале.

В открытое море выслали два дистанционно управляемых телезонда, и на экранах в центральном посту наблюдали их движение. Но только когда зонды удалились за горизонт, пришли первые существенные известия. В океане жили какие-то животные, внешне напоминающие костистых рыб. При появлении зонда они исчезали с огромной скоростью, скрываясь в глубине, которая была здесь, по показаниям эхолотов, полтораста метров.

Броза заявил, что ему совершенно необходимо иметь хотя бы одну такую рыбу. Началась охота. Зонды гонялись за мелькающими в зеленом мраке тенями, стреляли электрическими разрядами, но рыбы демонстрировали изумительную ловкость. Только после довольно долгой охоты удалось поразить одну из них.

Зонд, схвативший ее своими клешнями, сразу же вызвали к берегу.

Кехлин и Фитцпатрик, управляющие другим зондом, собрали пробы плавающих в волнах волокон, которые показались им чем-то вроде водорослей. Зонд послали на самое дно, на глубину четверть километра. Сильное придонное течение

затрудняло управление, зонд все время сносило на груду подводных камней. В конце концов камни удалось обойти; как правильно предполагал Кехлин, под их прикрытием помещалась целая колония гибких кистевидных организмов.

Когда оба зонда вернулись под защиту поля и биологи принялись за работу в расставленном за это время бараке, Рохан, Ярг и пятеро остальных участников экспедиции впервые за этот день поели.

Время до вечера ушло на сбор образцов минералов, исследование придонной радиоактивности, измерения инсоляции и еще сотню таких же канительных занятий, которые, однако, необходимо было выполнить добросовестно, даже педантично, чтобы получить достоверные результаты. К наступлению темноты все что можно было сделано, и Рохан со спокойной совестью подошел к микрофону, когда его вызвал Хорпах с «Непобедимого».

Океан был населен живыми существами, упорно избегавшими прибрежной полосы. В организме анатомированной рыбы не удалось найти ничего особенного. Эволюция, по приблизительным данным, продолжалась на планете несколько сотен миллионов лет. Обнаружено

значительное количество зеленых водорослей, что объясняло наличие кислорода в атмосфере. Разделение царства живых организмов на растения и животных было типичным; типичными также были костные структуры позвоночных. Единственным органом, обнаруженным у пойманной рыбы, аналогичного которому на Земле биологи не знали, был особый орган чувств, реагировавший на чрезвычайно незначительные изменения напряженности магнитного поля. Хорпах приказал экспедиции возвращаться как можно скорее и, кончая разговор, добавил, что есть новости: похоже, удалось найти место посадки «Кондора».

Несмотря на все протесты биологов, утверждавших, что и несколько недель для исследований было бы слишком мало, барак собрали, запустили моторы, и колонна двинулась на северо-запад. Рохан не мог сообщить товарищам никаких подробностей о «Кондоре», он и сам их не знал. Он стремился как можно скорее попасть на корабль, так как надеялся, что командир даст ему какое-нибудь более многообещающее задание. Конечно, сейчас прежде всего необходимо исследовать предполагаемое место посадки «Кондора».

Рохан выжимал из машин всю мощность, и

экспедиция возвращалась под аккомпанемент кошмарного скрежета перемалывающих камни гусениц. После наступления темноты зажглись большие прожекторы; картина была необычная и даже грозная — каждую минуту движущиеся столбы света вырывали из тьмы бесформенные, как будто тоже движущиеся силуэты чудовищ, которые оказывались всего лишь скалами — последними остатками выветрившейся горной цепи. Несколько раз пришлось задерживаться у глубоких расщелин, зияющих в базальте. Наконец, уже далеко за полночь они увидели празднично освещенный со всех сторон, сверкающий издали, как металлическая башня, корпус «Непобедимого». Во всем пространстве, защищенном силовым полем, сновали вереницы машин, разгружались припасы, топливо, группы людей стояли под аппарелью в ослепительном сиянии прожекторов. Над пляшущими огнями возносился молчаливый, облизываемый световыми пятнами корпус звездолета. Голубые вспышки обозначили проход сквозь силовую защиту, и засыпанные толстым слоем мелкого песка машины одна за другой въехали внутрь кольцевого пространства. Едва спрыгнув на землю, Рохан бросился к одному из стоявших вблизи людей, в

котором узнал Бланка, и засыпал его вопросами.

Но боцман толком ничего не знал. Рохан услыхал от него немного: перед тем как сгореть в плотных слоях атмосферы, четыре спутника передали одиннадцать тысяч снимков. По мере поступления снимки наносились на специально обработанные пластины в картографической каюте.

Чтобы не терять времени, Рохан вызвал к себе техника-картографа Эретта и, принимая душ, одновременно расспрашивал его обо всем, что произошло на корабле.

Эретт был одним из тех, кто искал на полученной фотокарте «Кондор». Зернышко стали в океане песка пытались обнаружить около тридцати человек одновременно. Кроме планетологов, были мобилизованы картографы, операторы радаров и все пилоты. Они непрерывно просматривали поступающий материал, записывая координаты каждого подозрительного пункта планеты. Но сообщение, переданное Рохану командиром, оказалось ошибкой. За корабль приняли очень высокий пик, который отбрасывал тень, удивительно похожую на правильную тень ракеты. Так что о судьбе «Кондора» по-прежнему ничего не было известно.

Рохан хотел доложить командиру о своем прибытии, но тот уже ушел отдыхать. В десять часов утра, когда Рохан стоя пил кофе в малой кают-компании радарных операторов, его разыскал Эретт.

— Что, нашли?! — крикнул Рохан при виде возбужденного лица картографа.

— Нет. Но нашли что-то большее. Вас срочно вызывает астрогатор...

Рохану казалось, что застекленный цилиндр лифта ползет невероятно медленно.

В полутемной каюте астрогатора было совершенно тихо, только стрекотали реле, а из подающего механизма выползали все новые, поблескивающие влажной поверхностью снимки, но никто не обращал на них внимания. Два техника выдвинули из стенной ниши что-то вроде эпидиаскопа и погасили еще горевшие светильники в тот момент, когда Рохан отворил двери. Тут же засеребрился опущенный сверху экран. В тишине, среди приглушенных вздохов Рохан протиснулся поближе к большому светлому полотнищу. Снимок был не блестящим и вдобавок черно-белым. Среди мелких, беспорядочно разбросанных кратеров обозначилось голое плато, обрывающееся с одной стороны такой ровной

линией, словно скалу отсек гигантский нож. Это была береговая линия, остальную часть снимка заливала однородная чернь океана. В некотором отдалении от обрыва раскинулась мозаика не очень четких форм, в двух местах закрытая клочьями облаков и тенями от них. Не было никаких сомнений, что эта причудливая, с размытыми деталями формация не является геологическим образованием.

— «Город...» — возбужденно подумал Рохан, но не сказал этого вслух.

Все продолжали молчать, техник у эпидиаскопа напрасно пытался сделать изображение более резким.

— Были помехи приему? — прозвучал в тишине спокойный голос астрогатора.

— Нет, — ответил из темноты Балмин. — Прием был чистым, но это один из последних снимков третьего спутника. Через восемь минут после его передачи спутник перестал отвечать на наши сигналы. Возможно, снимок сделан через объективы, уже поврежденные повышающейся температурой.

— Высота камеры была не больше семидесяти километров, — послышался другой голос, принадлежавший, как показалось Рохану, одному из

лучших планетологов, Мальте. — Я оценил бы ее даже в пятьдесят пять, шестьдесят километров... Прошу взглянуть...

Фигура Мальте заслонила часть экрана. Он приложил к изображению прозрачный пластмассовый шаблон с вырезанными в нем кружками и примерил его поочередно к нескольким кратерам на другой половине снимка.

— Они явно больше, чем на предыдущих снимках. Впрочем, — добавил Мальте, — это не имеет большого значения. Так или иначе...

Ученый не кончил, но все поняли, что он хотел сказать: в ближайшее время изучим эту область планеты и проверим точность фотографии. Некоторое время все всматривались в изображение на экране. Рохан уже не был так уверен, что это город или, вернее, его руины. О том, что геометрически правильное образование уже давно покинуто, свидетельствовали тонкие, как черточки, волнистые тени барханов, со всех сторон омывавших сложные конструкции (некоторые из них почти совсем утонули в песчаном разливе пустыни). Кроме того, руины разделяла на две неравные части расширяющаяся по мере продвижения в глубь континента черная зигзагообразная линия-трещина, она рассекала надвое некоторые из

больших «зданий». Одно из них, явно упавшее, образовало что-то вроде моста, зацепившегося концом за противоположный берег расщелины.

— Свет, пожалуйста, — раздался голос астрогатора. Когда стало светло, он взглянул на циферблат стенных часов:

— Через два часа старт.

Послышались недовольные голоса; наиболее энергично протестовали люди главного биолога, которые во время пробного бурения прошли уже около двухсот метров. Хорпах сделал рукой движение, которое означало, что никакой дискуссии не будет.

— Все механизмы вернуть на борт. Полученные материалы прошу сохранить. Просмотр снимков и оставшиеся анализы должны идти своим чередом. Где Рохан? Ах, вы здесь! Отлично. Вы слышали, что я сказал? Через два часа все люди должны быть на местах по стартовому расписанию.

Погрузка спущенных на планету машин шла поспешно, но в полном порядке. Рохан был глух к просьбам Балмина, который умолял разрешить продолжать бурение еще пятнадцать минут.

— Вы слышали, что сказал командир, — повторял он, подгоняя монтажников.

Бурильные установки, временные решетчатые платформы, контейнеры с топливом исчезали в грузовых люках, и только раскрытый грунт напоминал о выполненных работах. Потом внутри корабля исчезли люди. Только тогда зашевелился песок на границе защитного поля, — вызванные по радио возвращались энергоботы и по одному скрывались в люках корабля. «Непобедимый» втянул внутрь, под броневые плиты, аппарель и вертикальную ферму подъемника. Еще мгновение стоял неподвижно, затем однообразный вой вихря сменился металлическим свистом сжатого воздуха, продувающего дюзы, клубы пыли окружили корму, в них забегали зеленые блики, смешивающиеся с красным светом солнца, и в грохоте несмолкающего грома, который встряхнул пустыню и многократным эхом возвратился от скал, корабль медленно поднялся в воздух, чтобы, оставив после себя выжженный круг, остекленевшие барханы и клочья тумана, исчезнуть с нарастающей скоростью в фиолетовом небе.

Когда последний след корабля, обозначенный беловатой струей пара, растаял в воздухе, а пески покрыли обнаженную скалу и заполнили вырытые ямы, с запада появилась темная туча.

Двигаясь низко, она развернулась, вытянутым клубящимся рукавом окружила место посадки и повисла неподвижно. Так она парила некоторое время. А когда солнце приблизилось к горизонту, из тучи начал падать черный дождь.

Среди руин

«Непобедимый» опустился на тщательно выбранном месте без малого в шести километрах от границы «города». Из рубки «город» просматривался довольно хорошо. Сейчас впечатление, что это искусственные конструкции, было даже сильнее, чем при изучении снимков фотоспутника. Угловатые, разной высоты, гораздо более широкие в основании, чем наверху, они растянулись на многие километры, черно-серые, кое-где металлически поблескивающие. Даже самая сильная оптика не давала возможности различить какие-либо детали: казалось только, что большинство «зданий» дырявые, как решето.

На этот раз потрескивание остывающих дюз еще не прекратилось, когда корабль выдвинул аппарель, ферму подъемника и окружил себя цепочкой энергоботов. Затем под защитой силового поля была сконцентрирована группа из пяти вездеходов, к которой присоединился вдвое больший, чем они, похожий на апокалиптического жука с синеватым панцирем, самоходный излучатель антиматерии.

Командиром оперативной группы был Рохан. Он стоял выпрямившись в открытой башенке первого вездехода, ожидая, когда по приказу с «Непобедимого» откроется проход в силовой защите. Два инфоробота на двух ближайших пригорках выстрелили цепочки негаснущих зеленых ракет, показывая дорогу, и, построенная в две колонны, маленькая экспедиция во главе с машиной Рохана двинулась вперед.

Машины пели басами двигателей, фонтаны песка вырывались из-под шаровых колес гигантов, впереди, в двухстах метрах перед головным вездеходом, летел разведывательный робот, похожий на плоскую тарелку; струи воздуха, вырывавшиеся из-под него, сдували верхушки барханов, и, казалось, что, пролетая, он разжигает на них невидимый огонь. Поднятая колонной пыль долго не оседала в спокойном воздухе и обозначала путь экспедиции красноватой клубящейся полосой.

Тени, отбрасываемые машинами, становились все длиннее. Приближался заход солнца. Колонна миновала лежавший на ее дороге, почти целиком засыпанный кратер и через двадцать минут достигла границы руин. Две машины с людьми шли внутри подвижной защиты. В

пятидесяти метрах позади них покачивался на своих многоэтажных ногах огромный излучатель антиматерии. Через некоторое время после того, как машины переползли через что-то похожее на клубок разрубленных металлических тросов или прутьев, пришлось задержаться: одна нога излучателя провалилась в невидимую щель, засыпанную песком. Два арктана спрыгнули с вездехода Рохана и освободили увязшего колосса. Потом группа двинулась дальше.

То, что они назвали «городом», в действительности ничуть не походило ни на один из земных городов. Утопленные на неизвестную глубину в подвижных барханах, стояли темные массивы с ощетинившимися поверхностями, не похожие ни на что когда-либо виденное людьми. Конструкции не поддающихся определению форм достигали высоты нескольких этажей. В них не было окон, дверей, даже стен. Одни выглядели как складчатые, расходящиеся в разных направлениях, очень густые сети с утолщенными узлами сплетений, другие напоминали сложные пространственные арабески, какие создали бы взаимно проникающие пчелиные соты, или решета с треугольными и пятиугольными отверстиями. В каждом большом элементе и в каждой

видимой плоскости можно было обнаружить какую-то регулярность, не такую однородную, как в кристалле, но, несомненно, повторяющуюся в определенном ритме. Некоторые конструкции, образованные чем-то вроде призматических, плотно сросшихся ветвей (но эти ветви не росли свободно, как у деревьев или кустов, а составляли либо часть дуги, либо две закрученные в противоположных направлениях спирали), торчали из песка вертикально. Встречались, однако, и наклонные, похожие на плечи разводного моста. Ветры, очевидно чаще всего дующие с севера, нагромоздили на всех горизонтальных плоскостях и пологих откосах сыпучий песок, так что издали многие из этих руин напоминали невысокие пирамиды, срезанные у вершины. Но вблизи становилось ясно, что их, казалось бы, гладкие поверхности на самом деле являются системой ветвистых, остроконечных стержней, лепестков, кое-где настолько густо переплетенных, что на них удерживался даже песок.

Рохану показалось, что перед ним какие-то кубические и пирамидальные обломки скал, покрытые мертвой, высохшей растительностью. Но и это впечатление исчезало на расстоянии нескольких шагов: правильность, чуждая при-

родным формам, все время прорывалась сквозь хаос разрушения. Руины не были монолитны, в них можно было заглянуть сквозь просветы в металлической чаще, но не были и пустыми, те же заросли заполняли их и внутри. Отовсюду веяло омертвением, запустением. Рохан подумал об излучателе, но сообразил, что применение силы бессмысленно, поскольку не существует объектов, к которым нужно пробиться.

Вихрь проносил между высокими бастионами облака едкой пыли. Правильную мозаику чернеющих отверстий заполнял песок, осыпающийся струйками, похожими на миниатюрные лавины. Непрекращающийся сыпучий шелест сопровождал людей в течение всего путешествия. Вращающиеся антенны, ультразвуковые микрофоны, индикаторы излучения не давали никаких сигналов. Слышно было только поскрипывание песка да прерывистый вой разгоняющихся двигателей, когда изменялось направление движения; поворачивая, колонна то исчезала в глубокой холодной тени, отбрасываемой гигантскими конструкциями, то снова выныривала на пурпурно горящий песок.

Наконец экспедиция остановилась у тектонического разлома. Это была трещина шириной

метров сто, образовавшая провал, вероятно огромной глубины, так как его не заполнили целые водопады песка, непрерывно сбрасываемые вниз порывами ветра. Рохан выслал на другую сторону трещины летающего робота-разведчика. Они наблюдали на экране все, что видел робот своими телеобъективами: картина была такая же, как и на этой стороне. Через час разведчика вернули, и Рохан, посоветовавшись с Балмином и физиком Гралевым, которые сидели в его машине, решил подробно осмотреть несколько развалин.

Сначала они попробовали определить ультразвуковыми зондами, насколько глубок слой песка, покрывающий «улицы» мертвого «города». Это была весьма кропотливая работа. Результаты измерений не совпадали между собой, очевидно, потому, что скала основания подверглась внутренней декристаллизации во время катаклизма, при котором образовалась трещина. Можно было считать, что слой песка составляет от семи до двенадцати метров. Колонна направилась на восток, к океану, и, пройдя одиннадцать километров по крутой дороге между чернеющими развалинами, которые становились все ниже, все меньше выступали из песка и, наконец, исчезли

совсем, — добралась до обнаженных скал. Здесь она остановилась над обрывом, таким высоким, что шум волн, разбивающихся о его основание, был едва слышен. Пояс блестящей скалы, чистой от песка, неестественно гладкой, образовывал линию обрыва, поднимаясь к северу цепью горных вершин, которые застывшими уступами падали в зеркало океана.

«Город» остался позади. Теперь он выглядел правильным черным силуэтом, утопающим в рыжеватой мгле. Рохан связался с «Непобедимым», передал астрогатору собранную информацию, равную в общем-то нулю, и колонна, по-прежнему принимая все меры предосторожности, вернулась в глубь руин.

По дороге случилось небольшое происшествие. Крайний левый энергобот, вероятно в результате небольшой курсовой ошибки, слишком увеличил радиус силового поля, так что оно зацепило наклоненную к ним остроугольную сотчатую «постройку». Соединенный с указателями потребления мощности излучатель антиматерии, который кто-то включил на автоматическое поражение в случае атаки, расценил скачок потребляемой мощности как сигнал, что сделана попытка пробить силовое поле, и выстрелил

в ничем не повинные развалины. Вся верхняя часть наклонной «постройки», величиной с земной небоскреб, ослепительно засверкала и в следующее мгновение превратилась в шипящий поток. Экспедиция при этом не пострадала, расплавленные клочья соскользнули с поверхности невидимого купола силовой защиты и, не успев достичь грунта, целиком испарились. Но, зарегистрировав вызванный аннигиляцией скачок радиоактивности, счетчики автоматически включили тревогу, и Рохан, проклиная все на свете и особенно того, кто так запрограммировал аппаратуру, потратил довольно много времени на отмену тревоги и переговоры с «Непобедимым», откуда заметили вспышку и запрашивали о ее причине.

— Пока мы знаем только, что это металл. Вероятно, сталь с примесью вольфрама и никеля, — сообщил Балмин, который, не обращая внимания на возникший беспорядок, воспользовался случаем и проделал спектральный анализ пламени, охватившего развалины.

— Можете вы оценить возраст? — спросил Рохан, стирая песчаную пыль, осевшую на его руках и лице.

Они уже оставили позади скорченную от жара

уцелевшую часть развалин, она висела теперь над пробитым ими коридором, как поломанное крыло.

— Нет. Могу только сказать, что все это дьявольски старое. Дьявольски старое, — повторил Балмин.

— Нужно исследовать получше... И незачем просить у старика разрешения, — сказал Рохан с внезапной решимостью.

Они задержались у сложного объекта, образованного из нескольких сходящихся к центру плечей. Открылась обозначенная двумя огнями щель в силовом поле. Фасад «постройки» образовывали треугольные плиты, покрытые «щеткой» из прутьев, изнутри эти плиты поддерживались системой толстых стержней. У поверхности стержни еще сохраняли какой-то порядок, но в глубине, куда, пользуясь сильными фонарями, попытались заглянуть люди, лес стержней разрастался, расходился от толстых узлов, снова переплетался — все это было похоже на гигантский клубок кабелей. Попытки найти в них следы электрического тока, поляризации, остаточного магнетизма, даже радиоактивности не дали результата.

Зеленые огни, обозначавшие вход внутрь поля,

тревожно мигали. Ветер свистел, проносящиеся сквозь стальную чащу массы воздуха зловеще завывали.

— Что могут означать эти чертовы джунгли?

Рохан все время стирал с потного лица налипающий песок. Они вместе с Балмином стояли на окруженной низкими поручнями платформе робота, висевшего на высоте полутора десятков метров над «улицей», а точнее, над покрытой песчаными волнами треугольной «площадью» между двумя сходившимися развалинами. Далеко внизу виднелись машины и маленькие фигурки людей.

Робот висел у неровной, ободранной, местами покрытой треугольными плитами поверхности, из которой торчали острия черноватого металла. Отогнутые вверх или вбок плиты позволяли заглянуть в темные внутренности, где бессильно увязал не только солнечный свет, но и луч мощного прожектора.

— Как вы думаете, Балмин, что это может значить? — снова спросил Рохан.

Он был зол. Лоб, который он непрерывно вытирал, покраснел, кожа болела, глаза горели; через несколько минут нужно было передавать очередной рапорт на «Непобедимый», а он даже

не мог найти слов, чтобы описать то, перед чем находился.

— Я не ясновидящий, — ответил ученый. — Я даже не археолог. Впрочем, я думаю, что археолог тоже ничего бы вам не сказал. Мне кажется... — он остановился.

— Говорите же!

— На мой взгляд, это не жилища. Не развалины жилищ каких бы то ни было существ, понимаете? Если это вообще можно с чем-нибудь сравнить, так уж скорее с машиной.

— Что? С машиной? С какой? Информационной? А может, это было что-то вроде электронного мозга...

— Вы и сами в это не верите, — ответил флегматичный планетолог.

Робот сместился вбок, по-прежнему почти касаясь стержней, беспомощно торчавших между погнутыми плитами.

— Нет. Тут не было никаких электрических цепей. Где вы видите что-нибудь похожее на выключатели, изоляторы, экраны?

— Может быть, сгорели. Мог же их уничтожить огонь. Ведь в конце концов это развалины, — ответил неуверенно Рохан.

— Возможно, — неожиданно согласился Бал-

мин.

— И что же я должен сказать астрогатору?

— Лучше всего просто показать ему весь этот кавардак.

— Да, это не город... — вдруг произнес Рохан, как бы подытожив мысленно все, что видел.

— Скорее всего, нет, — подтвердил планетолог. — Во всяком случае, не такой, какой мы можем себе вообразить. Здесь не жили ни человекоподобные существа, ни даже отдаленно на них похожие. А жизнь в океане очень близка к земной. Следовательно, и на суше логично было бы ее существование.

— Да. Я об этом все время думаю. Никто из биологов не хочет говорить на эту тему. А как по-вашему?

— Они не хотят об этом говорить потому, что очень уж это неправдоподобно: похоже, что-то не допустило жизнь на сушу... Сделало ее выход из воды невозможным...

— Такая причина могла подействовать когда-то, один раз. Например, очень близкая вспышка Сверхновой. Вы ведь знаете, что дзета Лиры была Новой несколько миллионов лет назад. Возможно, жесткое излучение уничтожило жизнь на суше, а в глубине океана живые организмы

уцелели...

— Если бы излучение было таким, как вы говорите, то сейчас удалось бы обнаружить его следы. А грунтовая активность для этих областей Галактики исключительно низка. И кроме того, за миллионы лет эволюция снова бы продвинулась вперед; естественно, еще не появились бы никакие позвоночные, но примитивные прибрежные формы... Вы заметили, что берег совершенно мертвый?

— Заметил. Это действительно имеет такое значение?

— Решающее. Жизнь, как правило, возникает прежде всего на прибрежной отмели, и лишь потом уходит в глубь океана. И здесь не могло быть иначе. Что-то ее изгнало. И, думаю, не дает выйти на сушу до сих пор.

— Почему?

— Потому, что рыбы боятся зондов. На планетах, которые я знаю, никакие животные не боялись аппаратов. Они никогда не боятся того, чего не видели.

— Вы хотите сказать, что они уже видели зонды?

— Я не знаю, что они видели. Но зачем им магниточувствительный орган?

— Какая-то дурацкая история, — буркнул Рохан. Он оглядел ободранные фестоны металла, перегнулся через поручни. Искривленные черные концы прутьев дрожали в потоке воздуха, вырывавшегося из-под робота. Балмин длинными щипцами обламывал торчащие из отверстия стержни.

— Хочу вам сказать только одно, — произнес он. — Здесь не было слишком высокой температуры, никогда не было, иначе бы металл расплавился. Так что ваша гипотеза пожара отпадает.

— Тут развалится любая гипотеза, — проворчал Рохан. — Кроме того, я не вижу, каким образом эту сумасшедшую чащу можно связать с исчезновением «Кондора». Ведь все это абсолютно мертвое.

— Не всегда же оно было таким.

— Тысячу лет назад, согласен, — не было, но несколько лет... Здесь нам больше нечего делать. Возвращаемся назад.

Они больше не разговаривали, пока машина не опустилась около зеленых сигнальных огней. Рохан приказал техникам включить телекамеры и передать изображение того, что они видели, на «Непобедимый».

Сам он заперся в кабине вездехода с учеными.

Продув миниатюрное помещение кислородом, они поели и выпили кофе из термосов. Над их головами пылал круглый светильник. Рохану был очень приятен его белый свет. Он уже невзлюбил даже красный день планеты. Балмин плевался — песок, который постепенно забился в мундштук маски, скрипел теперь на зубах.

— Это мне кое-что напоминает, — неожиданно заговорил Гралев, закручивая крышку термоса. Его черные густые волосы блестели над лампой. — Я рассказал бы вам, но при условии, что вы не отнесетесь к моим словам слишком серьезно.

— Если тебе это что-нибудь напоминает, это уже очень много, — ответил Рохан. — Что же именно?

— Непосредственно — ничего. Но я слышал одну историю... Что-то вроде сказки... О лирянах...

— Это не сказка. Они действительно существовали. О них есть целая монография Ахрамяна, — заметил Рохан.

За спиной Гралева начала вспыхивать лампочка — сигнал, что установлена прямая связь с «Непобедимым».

— Да. Пейн допускал, что некоторым удалось спастись. Но это почти наверняка неправда. Они все погибли при вспышке Новой.

— Шестнадцать световых лет отсюда, — сказал Гралев. — Я не знаю книги Ахрамяна. Но слышал, не помню даже где, историю о том, как они пробовали спастись. Кажется, выслали корабли на все планеты близких к ним звезд. Они уже неплохо знали субсветовую астрогацию.

— И что дальше?

— Собственно говоря, все. Шестнадцать световых лет не такое уж большое расстояние. Может, какой-нибудь их корабль сел на Регис...

— Ты допускаешь, что они здесь? То есть их потомки?

— Не знаю. Просто я связал с ними эти развалины. Они могли это построить...

— А как они выглядели? — спросил Рохан. — Были человекоподобными?

— Ахрамян считает, что да, — ответил Балмин. — Но это только гипотеза. От них осталось меньше, чем от австралопитека.

— Странно...

— Вовсе не странно. Их планета больше десятка тысяч лет находилась в хромосфере Новой. Временами температура на поверхности превышала десять тысяч градусов. Даже гранит нижних слоев коры совершенно переродился. От океанов не осталось и следа, весь шар прожарился, как кость

в огне. Подумай, сотня веков в пекле Новой!

— Лиряне здесь? Но для чего же им скрываться? И где?

— Может, они уже вымерли. Впрочем, не требуйте от меня слишком многого. Я просто сказал то, что мне пришло в голову.

Стало тихо. На пульте управления вспыхнул сигнал. Рохан поднялся с места, взял наушники:

— Я Рохан... Что? Это вы? Да! Да! Слушаю... Хорошо, сейчас возвращаемся! — Он обернулся. — Вторая группа нашла «Кондор»... Триста километров отсюда...

«Кондор»

Издалека звездолет походил на кривую башню. Такое впечатление создавалось из-за формы окружавшего его песчаного вала: западный нанос был гораздо выше восточного. Несколько почти целиком засыпанных тягачей виднелось вблизи корабля. Даже замерший в неподвижности излучатель с поднятым кожухом наполовину занесло песком. Но кормовые дюзы были свободны, корма находилась внутри впадины, куда ветер не задувал. Поэтому достаточно было сгрести тонкий слой песка, чтобы добраться до разбросанных под аппарелью предметов.

Люди с «Непобедимого» задержались на краю впадины. Машины, которые их сюда доставили, уже окружили всю территорию и выброшенные из эмиттеров пучки энергии соединились, образовав защитное поле. Транспортеры и инфороботы остались в нескольких десятках метров от места, где песчаное кольцо опоясывало основание «Кондора».

Аппарель корабля отделяло от грунта около пяти метров, словно что-то внезапно задержало ее

движение. Но ферма пассажирского подъемника стояла прочно, а пустая клеть с открытой дверцей, казалось, приглашала войти. Рядом с ней из песка торчало несколько кислородных баллонов. Алюминий баллонов блестел, как будто их бросили здесь совсем недавно. Чуть дальше из бархана высовывался какой-то голубой предмет, который оказался пластмассовым контейнером. Впрочем, хаотически разбросанных вещей во впадине под кораблем было множество: консервные банки, целые и опорожненные, теодолиты, фотоаппараты, бинокли, штативы, фляжки. Одни из них были в полном порядке, другие носили следы повреждений.

«Как будто их выбрасывали из корабля пачками», — подумал Рохан, задирая голову. Наверху темнела щель пассажирского люка, его крышка была приоткрыта.

Небольшой разведывательный отряд Деврe, который совершенно случайно наткнулся на мертвый корабль, даже не пытался проникнуть внутрь, а сразу же уведомил базу. Теперь группа Рохана должна была разгадать тайну двойника «Непобедимого». Техники уже бежали от машин, неся ящики с инструментами.

Заметив небольшой выпуклый бугорок, при-

крытый тонким слоем песка, Рохан тронул его носком ботинка, думая, что это какой-то маленький глобус, машинально поднял бледно-желтый шар с земли и вскрикнул. Все повернулись к нему. Рохан держал в руках человеческий череп.

Потом они нашли еще кости и даже один совсем целый скелет в истлевшем комбинезоне. Между отвалившейся нижней челюстью и зубами верхней еще торчал мундштук кислородного прибора, а стрелка манометра застыла на сорока шести атмосферах. Опустившись на колени, Ярг отвернул вентиль баллона, и газ вырвался с протяжным свистом. В абсолютно сухом воздухе пустыни даже след ржавчины не тронул стальные части редуктора, и все винты вращались совершенно свободно.

Механизм подъемника можно было привести в движение из кабины, но, очевидно, сеть была обесточена. Рохан несколько раз нажал на кнопки без всякого результата. Взобраться наверх по сорокаметровой ферме лифта было довольно трудно. Рохан подумал, что придется послать несколько человек на летающей тарелке, но двое техников, связавшись тросом, уже полезли по наружному переплету подъемника. Остальные молча наблюдали их восхождение.

«Кондор» — звездолет точно такого же класса, что и «Непобедимый», — был построен всего на несколько лет раньше, и различить их силуэты было невозможно. Люди молчали. Они предпочли бы увидеть корабль разбитым во время катастрофы — ну хотя бы при взрыве реактора. То, что он стоял здесь, зарывшись в песок пустыни, мертво наклонившись на одну сторону, словно грунт подался под тяжестью кормовых опор, окруженный хаосом предметов и человеческих костей и одновременно внешне такой нетронутый, — ошеломило всех. Техники добрались до пассажирского люка и исчезли в нем. Их не было так долго, что Рохан уже начал беспокоиться, но неожиданно лифт вздрогнул, поднялся на метр, а потом снова опустился на песок. В открытом люке показалась фигурка одного из техников, он делал рукой знаки, что все в порядке.

Рохан, Балмин, биолог Хагеруп и один из техников, Кралик, вчетвером поехали наверх. По привычке Рохан осматривал могучую выпуклость корпуса, проплывающую за ограждением подъемника, и в первый, но не в последний раз за этот день испытал потрясение. Титано-молибденовые плиты обшивки были сплошь надсверлены или расковыряны каким-то пора-

зительно твердым инструментом; следы были не очень глубокие, но частые, вся наружная оболочка корабля как бы покрылась оспинами. Рохан схватил за плечо Балмина, но тот уже заметил необыкновенное явление. Оба они пытались получше рассмотреть выбитые в панцире неровности. Ямки были мелкие, словно выдолбленные острым концом долота, но Рохан знал, что нет такого долота, которому поддалась бы цементированная поверхность. Это могло быть только результатом какого-то химического воздействия. Но разобраться он не успел, клеть остановилась, и они вошли в шлюз.

Внутри корабля горел свет: техники уже привели в действие аварийный генератор, запускавшийся сжатым воздухом. Очень мелкий песок толстым слоем лежал только около высокого порога. Ветер вдувал его сюда через неплотно закрытый люк. В коридорах песка не было совсем. Помещения третьего отсека были чистыми, холодными, ярко освещенными, кое-где валялись разбросанные предметы — кислородная маска, пластмассовая тарелка, книга, часть комбинезона, — но так было только в третьем отсеке. Ниже, в картографических и звездных каютах, в кают-компании, в каютах экипажа, радарных

рубках, в коридорах, господствовал совершенно необъяснимый хаос.

Еще более страшную картину увидели они в центральной рубке. Там не было ни одного уцелевшего стеклышка. Стекла всех аппаратов изготавливались из массы, не дающей осколков, и какие-то поразительно тяжелые удары превратили их в серебристый порошок, который покрывал пульты, кресла, даже провода и контакты. В расположенной рядом библиотеке, как высыпанная из мешка крупа, лежали микрофильмы, частью развернутые и сплетенные в большие, скользкие клубки, разодранные книги, поломанные циркули, логарифмические линейки, ленты спектральных анализов вместе с грудами больших звездных каталогов Камерона, над которыми кто-то особенно издевался, яростно, с непонятной настойчивостью вырывая одну за другой толстые, жесткие пластиковые страницы. В клубе и прилегающем к нему зале проходы были завалены баррикадами измятой одежды и кусками кожи, содранной с распотрошенных кресел. Одним словом, по словам боцмана Тернера, все выглядело так, как если бы на корабль напало стадо бешеных павианов. Люди, потеряв дар речи, переходили из одного отсека в другой.

В маленькой навигационной каюте у стены покоились высохшие останки человека, одетого в полотняные штаны и перепачканную рубаху. Сейчас его покрывал брезент, наброшенный кем-то из вошедших сюда раньше техников. Человек превратился в мумию с побуревшей кожей, присохшей к костям.

Рохан покинул «Кондор» одним из последних. У него кружилась голова, его поташнивало, каждый новый приступ тошноты приходилось подавлять, мобилизуя всю волю. Ему казалось, что он пережил кошмарный, неправдоподобный сон. Однако лица окружающих убеждали его в реальности всего, что он видел. На «Непобедимый» передали короткую радиограмму. Часть команды осталась у «Кондора», чтобы навести на нем хоть какое-то подобие порядка. Перед этим Рохан распорядился сфотографировать все помещения корабля и подробно описать состояние, в котором его нашли.

Они возвращались с Балмином и Гаарбом, одним из биофизиков; вел транспортер Ярг. Его широкое, обычно улыбающееся лицо словно уменьшилось и потемнело. Многотонная машина двигалась рывками, виляла между барханами, разбрасывая в стороны огромные фонтаны песка.

Это было так не похоже на плавную езду всегда уравновешенного водителя. Впереди шел энергобот, создававший силовую защиту. Люди все время молчали, каждый думал о своем. Рохан почти боялся встречи с астрогатором, он не знал, что ему сказать. Один из самых потрясающих — настолько он был бессмысленным — фактов Рохан скрыл от всех. В ванне восьмого отсека он нашел куски мыла с четкими следами человеческих зубов. А ведь на «Кондоре» не могло быть голода, склады ломились от почти не тронутых запасов пищи, даже молоко в холодильниках отлично сохранилось.

На полдороге они приняли радиосигналы какого-то вездехода, который мчался им навстречу, поднимая стену пыли. Они уменьшили скорость, встречная машина тоже притормозила.

В ней ехали двое — уже немолодой техник Магдоу и нейрофизиолог Сакс. Оказалось, что после отъезда Рохана в гибернаторе «Кондора» было обнаружено замороженное человеческое тело. Возможно, что человека еще удалось бы оживить. Сакс вез всю необходимую аппаратуру с «Непобедимого». Рохан решил вернуться, мотивируя это тем, что вездеход ученого не имел силовой защиты. На самом деле он просто воспользовался

случаем оттянуть разговор с Хорпахом. Ярг развернул машину, и они отправились обратно.

Вокруг «Кондора» суетились люди. Они вытаскивали из песка все новые и новые предметы. Отдельно, под белыми покрывалами, лежали трупы, их было уже больше двадцати. Аппарель действовала, даже реактор, использовавшийся на стоянках, давал ток. Вездеходы были замечены издалека по поднятой пыли, им открыли проход через силовое поле. Сакса ждал врач, маленький доктор Нигрен, один он не захотел даже осматривать найденного в гибернаторе человека.

Рохан, используя свою привилегию — как-никак он здесь замещал командира, — поднялся с обоими врачами на корабль. Обломки, которые до этого загромождали проход к гибернатору, были убраны. Стрелки показывали семнадцать градусов холода. Медики молча переглянулись, но Рохан сколько-то знал о гибернаторе, чтобы понять, что для полной обратимой смерти температура слишком высока, а для гипотермического сна слишком низка. Было не похоже, что человека, находившегося внутри, специально подготовили к пребыванию в определенных условиях, скорее, он оказался там случайно. Это было непонятно и бессмысленно, как, впрочем, и

все остальное на «Кондоре». Действительно, когда они оделись в термокомбинезоны и, открутив маховики, открыли тяжелую дверь, то увидели распростертую на полу полураздетую фигуру, лежащую лицом вниз. Рохан помог врачам перенести человека на маленький стол под тремя бестеневыми лампами. Рохан боялся его лица, он знал многих ребят с «Кондора». Но этот был ему незнаком. Если бы тело не было таким холодным и твердым, можно было бы подумать, что человек спит. Веки его были закрыты, в сухом, герметичном помещении кожа не утратила естественного цвета, разве что немного побледнела. Но ткани под ней были нашпигованы микроскопическими кристалликами льда. Оба врача снова молча переглянулись и начали приготавливать свои инструменты. Рохан сел на одну из пустых, аккуратно застеленных коек, — в гибернаторе сохранился обычный безукоризненный порядок. Несколько раз звякнули инструменты, врачи пошептались. Вдруг Сакс сказал, отходя от стола:

— Ничего не удастся сделать.

— Умер, — скорее делая из его слов единственно возможное заключение, чем задавая вопрос, выдавил Рохан.

В это время Нигрен подошел к пульту конди-

ционера. Через некоторое время повеяло теплым воздухом. Рохан встал, чтобы выйти, когда увидел, что Сакс возвращается к столу. Врач поднял с пола небольшую черную сумку, открыл ее и достал аппарат, о котором Рохан уже много раз слышал, но которого никогда не видел. Сакс очень спокойными движениями педантично разматывал провода, оканчивающиеся плоскими электродами. Приложив шесть электродов к голове трупа, он обмотал их эластичной лентой, потом, присев на корточки, вынул из сумки три пары наушников, одни надел сам и, по-прежнему наклонившись, покрутил ручки прибора, находившегося в сумке. Его лицо с закрытыми глазами приобрело выражение полной сосредоточенности. Вдруг он нахмурил брови, наклонился еще ниже, перестал вращать ручки и, быстро сняв наушники, сказал каким-то странным голосом:

— Коллега Нигрен...

Маленький доктор взял от Сакса наушники.

— Что?.. — почти беззвучно, одними губами спросил Рохан.

Аппарат этот на их жаргоне назывался «выстукивателем гробов». У человека, умершего недавно (или если труп не начал разлагаться, как в этом случае, из-за действия низкой температуры),

можно было «подслушивать мозг», вернее, то, что составляло последнее содержание сознания. Аппарат посылал в мозг электрические импульсы, и они проходили по цепи наименьшего сопротивления — по тем нервным волокнам, которые объединяло функциональное единство в предагональный период. В результатах никогда нельзя было быть уверенным, но ходили слухи, что несколько раз таким способом удалось получить информацию необычайной важности. Сейчас, когда очень многое зависело от того, удастся ли приоткрыть краешек тайны, скрывающей трагедию «Кондора», применение «выстукивателя гробов» было необходимым. Рохан уже понял, что нейрофизиолог с самого начала не рассчитывал на оживление замерзшего человека и приехал сюда только затем, чтобы прослушать его мозг. Он стоял неподвижно, ощущая сухость во рту и тяжелые удары сердца, когда Сакс протянул ему свободные наушники. Если бы не простота, обыденность этого жеста, Рохан не решился бы надеть их. Но он сделал это под взглядом спокойных темных глаз Сакса, который, стоя на одном колене у аппарата, понемногу поворачивал ручку усилителя.

Сначала не было слышно ничего, кроме слабого

шума, и Рохан почувствовал облегчение — он и не хотел ничего слышать. Он предпочел бы, хотя и не отдавал себе в этом отчета, чтобы мозг незнакомого ему человека был нем, как камень. Сакс, поднявшись с пола, поправил у него на голове наушники. Тогда Рохан сквозь свет, заливающий белую стену каюты, увидел серое изображение, как будто засыпанное пеплом, затуманенное и повисшее в неизвестной дали. Он невольно закрыл глаза, и изображение стало почти четким. Это был какой-то проход внутри корабля, с протянувшимися под потолком трубами, во всю ширину заваленный человеческими телами. Кажется, они двигались, а может, это дрожало видение. Людей покрывали лохмотья одежды, а их неестественно белую кожу усеивало множество темных пятнышек, похожих на какую-то сыпь, а может, и это тоже было только случайным побочным эффектом, потому что такие черные запятые виднелись и на полу, и на стене. Вся эта картина, как нечеткая фотография, снятая через толщу текущей воды, растягивалась, корчилась, колебалась. Охваченный ужасом, Рохан резко открыл глаза, картина посерела и почти исчезла, лишь легкой тенью заслоняя ярко освещенную стену. Но Сакс снова притронулся к ручкам прибора,

и Рохан услышал — не ушами, а как бы внутри собственного мозга — слабый шепот:

— ...ала...ама...лала...ала...ма...мама...

И ничего больше. Неожиданно наушники мяукнули, загудели и наполнились повторяющимся, словно сумасшедшая икота, пением, каким-то диким смехом, язвительным и страшным, но это был только ток, просто гетеродин начал генерировать слишком мощные колебания...

Сакс свернул провода, сложил их и сунул в сумку. Нигрен поднял край простыни и набросил на мертвеца, рот которого, до сих пор плотно сжатый, теперь, наверное под действием тепла (в гибернаторе было уже почти жарко — во всяком случае, у Рохана по спине текли струйки пота), слегка приоткрылся и приобрел выражение чрезвычайного удивления. Так он и исчез под белым саваном.

— Скажите что-нибудь... Почему вы ничего не говорите?! — выкрикнул Рохан.

Сакс затянул ремешки футляра, встал и подошел к нему:

— Спокойно, Рохан... Возьмите себя в руки...

Рохан зажмурил глаза, стиснул кулаки, весь напрягся, но напрасно. Как обычно в такие минуты, его охватило бешенство. Сдерживаться было

страшно трудно.

— Простите... — выдавил он. — Так что же это значит?

Сакс сбросил слишком свободный для него комбинезон, и кажущаяся его полнота исчезла. Он снова стал худым, сутулым человеком, с узкой грудью и тонкими нервными руками.

— Я знаю не больше, чем вы, — произнес он. — А может, и меньше.

Рохан ничего не понимал, но зацепился за его последние слова:

— То есть как?.. Почему меньше?

— Меня здесь не было, — я не видел ничего, кроме этого трупа. А вы здесь с утра. Эта картина вам ничего не говорит?

— Нет. Они... они шевелились. Они еще жили тогда? Что на них было? Какие-то пятнышки...

— Они не шевелились. Это иллюзия. Энграммы фиксируются так же, как обычные фотографии. Иногда бывает совмещение нескольких изображений, но в данном случае ничего подобного не было.

— А пятнышки? Они тоже иллюзия?

— Не знаю. Возможно. Но мне кажется, что нет. Как вы думаете, Нигрен?

Маленький доктор тоже освободился от термо-

комбинезона.

— Не знаю, — сказал он. — Возможно, это и не артефакт. На потолке их ведь не было, правда?

— Пятнышек? Нет. Только на людях... И на полу. И несколько на стенах...

— Если бы была другая проекция, они, наверное, покрывали бы все изображение, — сказал Нигрен. — Но ручаться трудно. Слишком много случайного...

— А голос? Это... бормотание? — в отчаянии допытывался Рохан.

— Одно слово было отчетливым. «Мама». Вы слышали?

— Да. Но там было еще что-то. «Ала»... «лала»... это повторялось...

— Повторялось, потому что я прослушал всю теменную область, — буркнул Сакс. — То есть всю зону слуховой памяти, — объяснил он Рохану. — Вот что самое удивительное.

— Эти слова?..

— Нет. Не слова. Умирающий может думать о чем угодно. Если бы он думал о матери, это было бы вполне нормально. Но слуховая зона его коры пуста. Абсолютно пуста, понимаете?

— Нет. Ничего не понимаю. Что значит — пуста?

— Обычно сканирование теменных слоев не дает результатов, — пояснил Нигрен. — Там слишком много энграмм, слишком много закрепленных слов. Результат такой же, как если бы вы пытались читать сто книг одновременно. Получается хаос. А у него, — Нигрен взглянул на длинную фигуру под простыней, — там не было ничего. Никаких слов, кроме этих нескольких слогов.

— Да. Я прошел от сенсорного центра речи до Sulcus Rolandi, — сказал Сакс. — Поэтому те слоги и повторялись в мозге; это были последние фонетические структуры, которые уцелели.

— А остальные? Другие?

— Их нет. — Сакс, словно потеряв терпение, поднял тяжелый прибор так резко, что заскрипела кожаная ручка. — Их просто нет, и все. И не спрашивайте меня, что с ними случилось. Этот человек утратил всю слуховую память.

— А изображение?

— Изображение другое дело. Он это видел. Хотя мог даже не понимать, что видит. Фотоаппарат тоже не понимает, но фиксирует то, на что его направляют. Впрочем, я не знаю, понимал он или нет. Помогите мне, коллега.

Врачи, взяв аппарат, вышли. Дверь закрылась.

Рохан остался один. Его охватило такое отчаяние, что он подошел к столу, поднял покрывало, отбросил его и, расстегнув на мертвом рубашку, — она уже оттаяла и стала совсем мягкой, — внимательно осмотрел его грудь.

Прикоснувшись к ней, Рохан вздрогнул. К коже вернулась эластичность; по мере того как ткани оттаивали, мышцы расслаблялись, и голова, до сих пор неестественно поднятая, бессильно упала. Человек словно и вправду спал.

Рохан искал следов какой-нибудь загадочной эпидемии, отравления, укусов, но не нашел ничего. Два пальца левой руки мертвеца разогнулись, открыв маленькую ранку. Ее края слегка разошлись, ранка начала кровоточить. Красные капли падали на белую простыню. Этого Рохан уже не мог выдержать. Даже не закрыв мертвеца саваном, он выбежал из каюты и, расталкивая находившихся в коридоре людей, бросился к главному выходу так стремительно, словно за ним кто-то гнался.

Ярг задержал его у шлюза, помог надеть кислородный прибор, даже воткнул в рот мундштук.

— Ничего не известно?

— Нет, Ярг. Ничего. Ничего!

Он не понимал, с кем спускается в лифте вниз.

Незаглушенные двигатели машины ревели. Ветер усиливался, и волны песка, накатываясь, скрипели о поверхность корпуса, шершавую и неровную. Рохан совсем забыл об этом. Он подошел к корме и, поднявшись на цыпочки, притронулся кончиками пальцев к толстой металлической плите. Панцирь походил на скалу, очень старую, выветрившуюся скалу, ощетинившуюся твердыми бугорками неровностей. Он видел между транспортерами высокую фигуру инженера Ганонга, но даже не пробовал спросить его об этом феномене. Инженер знал столько же, сколько он сам. То есть ничего. Ничего.

Рохан возвращался с несколькими людьми, сидя в углу кабины небольшого вездехода. Словно издали он слышал их голоса. Боцман Тернер говорил что-то об отравлении, но его перебили:

— Отравление? Чем? Все фильтры в полном порядке! Резервуары полны кислорода! Запасы воды не тронуты... Еды по горло...

— Видели, как выглядел тот, которого нашли в малой навигационной? — спросил Бланк. — Мой знакомый... Ни за что бы его не узнал, но у него был такой перстень...

Ему никто не ответил.

Вернувшись на базу, Рохан пошел прямо к

Хорпаху. Тот уже сориентировался в обстановке благодаря телевизионной связи и рапорту группы, вернувшейся раньше с несколькими сотнями снимков. Избавившись от необходимости что-нибудь рассказывать командиру, Рохан почувствовал невольное облегчение.

Астрогатор, встав из-за стола, на котором лежали карты, заваленные фотографиями, внимательно оглядел Рохана. Они были одни в большой навигационной каюте.

— Возьмите себя в руки, Рохан, — сказал Хорпах. — Я понимаю, что вы чувствуете, но прежде всего нам нужно хладнокровие. И спокойствие. Мы должны разобраться в этой сумасшедшей истории.

— Они имели все средства защиты: энергоботы, лазеры, излучатели. Большой антимат стоит рядом с кораблем. У них было все, что есть у нас, — бесцветным голосом сказал Рохан. Внезапно он сел. — Простите.. — пробормотал он.

Астрогатор вынул из стенного шкафчика бутылку коньяка:

— Старое средство иногда бывает полезно. Выпейте-ка, Рохан. Этим когда-то пользовались на полях сражений...

Рохан молча проглотил обжигающую жид-

кость.

— Я проверил счетчики всех агрегатов мощности, — сказал он таким тоном, будто жаловался. — Их никто не атаковал. Они не сделали ни одного выстрела. Просто, просто...

— Сошли с ума? — спокойно подсказал астрогатор.

— Хотел бы я хоть в этом быть уверен. Но как такое могло случиться?

— Вы видели бортовой журнал?

— Нет. Гаарб забрал его. Он у вас?

— Да. После даты посадки там только четыре записи. Они касаются тех развалин, которые мы видели, и «мушек».

— Не понимаю. Каких мушек?

— Этого я не знаю. Дословно запись звучит так.

Хорпах поднял со стола раскрытую книгу:

— «Никаких признаков жизни на суше. Состав атмосферы...» Тут данные анализов... ага, вот... «В 18.40 второй патруль, возвращающийся из развалин, попал в локальную песчаную бурю со значительной активностью атмосферных разрядов. Радиосвязь поддерживалась несмотря на помехи. Патруль сообщает о большом количестве мушек, заполняющих...»

Астрогатор умолк и отложил книжку.

— А дальше? Почему вы не кончили?

— Это все. Здесь обрывается последняя запись.

— И больше там ничего нет?

— Остальное вы можете увидеть.

Он придвинул к нему открытую книгу. Страница была покрыта каракулями. Рохан всматривался в хаос пересекающихся линий расширенными глазами.

— Тут как будто буква «Б»... — сказал он тихо.

— Да. А здесь «Г». Большое «Г». Словно ребенок писал... Вам не кажется?

Рохан молчал, держа в руке пустой стакан. Он забыл его поставить. Он подумал о своей недавней тщеславной мечте: самому вести «Непобедимый». Теперь он благодарен судьбе, что не должен решать дальнейшую судьбу экспедиции.

— Прошу вызвать руководителей специальных групп. Очнитесь, Рохан.

— Простите. Будет совещание?

— Да. Пусть приходят в библиотеку.

Через четверть часа все собрались в большом квадратном зале со стенами, покрытыми цветной эмалью. Зловещее сходство помещений «Кондора» и «Непобедимого» угнетало, и Рохан, глядя куда-то в угол, никак не мог отделаться от картин сумасшествия, врезавшихся ему в память.

У каждого здесь было свое постоянное место. Биолог, врач, планетолог, электронщики и связисты, кибернетики и физики сидели на установленных полукругом стульях. Эти девятнадцать человек составляли стратегический мозг корабля. Астрогатор одиноко стоял под опущенным до половины белым экраном.

— Все ли присутствующие знакомы с положением на «Кондоре»?

Ответом были утвердительные возгласы.

— До этого момента, — сказал Хорпах, — группы, работающие в районе «Кондора», нашли двадцать девять трупов. На самом корабле их найдено тридцать четыре, один из них был заморожен в гибернаторе и превосходно сохранился. Доктор Нигрен, который как раз вернулся оттуда, сделает сообщение...

— Я могу сказать немного, — произнес Нигрен, вставая и медленно подходя к астрогатору. Он был ниже Хорпаха на голову. — Мы нашли только девять мумифицированных тел. И еще то, о котором сказал командир и которое будет исследовано особо. Остальные — это скелеты или части скелетов, найденные в песке. Мумификация происходила внутри корабля, где ей благоприятствовали условия: очень низкая

влажность воздуха, практическое отсутствие бактерий, вызывающих гниение, и не слишком высокая температура. Тела, которые находились вне корабля, подверглись разложению, усиливавшемуся в периоды дождей, так как в песке содержится значительный процент окислов и сульфидов железа, реагирующих со слабыми кислотами... Впрочем, я думаю, эти подробности несущественны. Во всяком случае, в условиях планеты мумификация была тем более невозможна, что к действию воды и растворенных в ней веществ присоединилось продолжавшееся несколько лет действие песка. Этим объясняется то, что все костные поверхности отполированы.

— Простите, доктор, — прервал его астрогатор. — Для нас важнее всего выяснить причину гибели этих людей...

— Никаких признаков насильственной смерти, по крайней мере на наиболее сохранившихся трупах, — быстро ответил врач. Он не поднимал глаз и словно рассматривал что-то в поднятой к лицу руке. — Картина такова, как будто они умерли... естественной смертью.

— То есть?

— Без внешних насильственных воздействий. Некоторые кости, найденные отдельно, сломаны,

но такого рода повреждения могли появиться позднее. Для уточнения требуются дальнейшие исследования. Кожные покровы у всех в полном порядке. Никаких ран, если не считать мелких царапин, которые наверняка не могли быть причиной смерти.

— Как же они погибли?

— Этого я не знаю. Можно подумать, что от голода или от жажды...

— Запасы воды и пищи в сохранности, — заметил со своего места Гаарб.

— Мне об этом известно.

Некоторое время было тихо.

— Мумификация — это прежде всего обезвоживание организма, — пояснил Нигрен. Он по-прежнему не смотрел ни на кого из присутствующих. — Жировые ткани подвергаются изменениям, но их можно выявить. Так вот... у погибших практически не было жировых тканей. Так бывает после продолжительного голодания...

— Но у того, найденного в гибернаторе, они были, — бросил стоящий за последним рядом стульев Рохан.

— Это верно. Но он, очевидно, просто замерз. Как-то проник в гибернатор и, возможно, просто уснул, когда температура понизилась.

— Допускаете ли вы возможность массового отравления? — спросил Хорпах.

— Нет.

— Но, доктор... Не можете же вы так категорически...

— Могу объяснить, — ответил врач. — Отравление в условиях планеты может произойти либо через легкие, от вдыхаемых газов, либо через пищеварительный тракт, либо через кожу. Один из наиболее сохранившихся трупов был найден с кислородным прибором. В баллоне оставался кислород. Его хватило бы еще на несколько часов.

«Это правда», — подумал Рохан. Он вспомнил того человека — обтянутый кожей череп, остатки побуревшей кожи на скулах, глазницы, из которых высыпался песок.

— Эти люди не могли съесть ничего отравленного, потому что здесь вообще нет ничего съедобного. Я имею в виду сушу. А никакой охоты в океане они не предпринимали. Катастрофа произошла сразу же после посадки. Они только успели послать группу в развалины. И все. Впрочем, я вижу здесь Макминна. Вы кончили, Минн?

— Да, — ответил биохимик.

Все головы повернулись к нему. Он прошел

между сидящими и встал рядом с Нигреном. На нем был длинный лабораторный фартук.

— Вы проделали анализы?

— Да.

— Доктор Макминн исследовал тело человека, найденного в гибернаторе, — объяснил Нигрен. — Может быть, вы сразу же расскажете, что вы установили?

— Ничего, — ответил Макминн.

У биохимика были очень светлые волосы, казавшиеся просто седыми, и такие же светлые глаза. Все лицо, даже веки покрывали крупные веснушки. Но сейчас его длинная лошадиная физиономия никого не смешила.

— Никаких ядов — органических или неорганических. Все ферментные группы тканей в нормальном состоянии. Кровь в норме. В желудке остатки переваренных сухарей и концентрата.

— Как же он умер? — спросил Хорпах, который по-прежнему казался спокойным.

— Просто замерз, — ответил Макминн и только теперь заметил, что не снял фартук. Он расстегнул пряжки и бросил его на стоящий рядом пустой стул. Фартук соскользнул с сидения и упал на пол.

— Каково же ваше мнение? — упорно повторил

астрогатор.

— У меня его нет, — ответил Макминн. — Могу лишь сказать, что эти люди не отравлены.

— Какое-нибудь быстро распадающееся радиоактивное вещество? Или жесткое излучение?

— Жесткое излучение при смертельных дозах оставляет следы: повреждение капилляров, изменение состава крови. Таких изменений нет. Не существует также радиоактивного вещества, которое при смертельной дозе за восемь лет исчезло бы без следа. Здешний уровень радиоактивности ниже земного. Эти люди не подвергались действию какого-либо вида лучистой энергии. За это я могу ручаться.

— Но ведь что-то их убило? — возбужденно спросил планетолог Балмин.

Макминн молчал. Нигрен что-то тихо сказал ему. Биохимик кивнул головой и вышел. Нигрен спустился с возвышения и сел на свое место.

— Плохо дело, — сказал астрогатор. — Во всяком случае, от биологов помощи ждать не приходится. Кто-нибудь хочет высказаться?

— Да.

Встал Сарнер, физик-атомник.

— Объяснение гибели «Кондора» кроется в нем самом, — заявил он, оглядев всех своими глазами

дальнозоркой птицы. — То есть оно там, но мы никак не можем его найти. Хаос в каютах, нетронутые запасы, положение и размещение трупов, повреждения аппаратуры — все это что-то должно значить.

— Если вам больше нечего сказать... — бросил разочарованно Гаарб.

— Минуточку. Мы блуждаем в темноте. Нужно искать какую-то дорогу. Пока мы знаем очень немного. У меня сложилось впечатление, что кое о чем, увиденном нами на «Кондоре», мы просто боимся вспоминать. Поэтому с таким упрямством возвращаемся к гипотезе отравления и вызванного им массового помешательства. В наших собственных интересах — и во имя погибших — мы должны предельно откровенно рассмотреть все факты. Прошу, вернее вношу категорическое предложение: каждый из вас должен рассказать то, что больше всего потрясло его на «Кондоре». Чего, возможно, не сказал никому. О чем подумал, что это нужно забыть.

Сарнер сел. Рохан, после короткой внутренней борьбы, рассказал о кусках мыла, которые он нашел в ванной.

Потом встал Гралев. Под кипами разодранных карт и книг в помещениях было полно высохших

экскрементов.

Кто-то рассказал о банке консервов, на которой остались следы зубов. Словно металл пытались разгрызть. Гаарба больше всего поразила мазня в бортовом журнале и упоминание о «мушках». Он не остановился на этом и продолжал:

— Предположим, что из трещины в «городе» вырвалась волна газов и ветер принес ее к кораблю. Если в результате неосторожности люк был открыт...

— Открыт был только наружный люк, коллега Гаарб. Об этом свидетельствует песок в шлюзе. Внутренний был закрыт.

— Его могли закрыть потом, когда уже начали ощущать отравляющее действие газа...

— Такое невозможно, Гаарб. Внутренний люк открыть нельзя, пока открыт наружный. Они открываются только поочередно, это защита от любой неосторожности или беспечности.

— Но одно для меня несомненно, — это произошло внезапно. Массовое помешательство, — я уж не говорю о том, что случаи психоза иногда бывают во время полета, в пустоте, но никогда на планетах, да еще через несколько часов после посадки, — массовое помешательство, охватившее весь экипаж, могло быть только результатом

отравления...

— А может быть, они впали в детство, — заметил Сарнер.

— Как? Что вы сказали? — ошеломленно воскликнул Гаарб. — Это... шутка?..

— Наше положение не располагает к шуткам. Я сказал о том, что они впали в детство, потому что никто об этом не говорит. Но все это — каракули в бортжурнале, разодранные звездные атласы, с трудом нарисованные буквы, вы ведь видели их...

— Но что это значит? — спросил Нигрен. — Это что, по-вашему, болезнь?

— Нет. Ведь такой болезни не существует, не правда ли, доктор?

— Наверняка нет.

Снова стало тихо. Астрогатор колебался.

— Это может нас увести в ложном направлении. Результаты некротических прослушиваний всегда неточны. Но сейчас... Не знаю, можно ли запутаться еще больше. Доктор Сакс...

Нейрофизиолог рассказал об изображении, обнаруженном в мозгу человека, замерзшего в гибернаторе, а также о слогах, которые остались в его слуховой памяти. Это вызвало настоящую бурю вопросов, под их перекрестный огонь попал

даже Рохан, как один из участников эксперимента. Но решить ничего не удалось.

— Пятнышки на изображении ассоциируются с «мушками»... — сказал Гаарб. — Минутку. А может, причины смерти были различны? Скажем, на экипаж напали какие-то ядовитые насекомые — в конце концов не так легко обнаружить следы маленького укуса на мумифицированной коже. А тот, найденный в гибернаторе, просто пытался спрятаться от насекомых, чтобы избежать судьбы своих товарищей... и замерз.

— Но почему перед смертью у него возникла амнезия?

— То есть потеря памяти, так? А это точно установлено?

— Настолько, насколько вообще точны некротические исследования.

— Ну а что вы скажете по поводу гипотезы о насекомых?

— Пусть по этому вопросу выскажется Лауда.

Главный палеобиолог экспедиции встал, ожидая, пока все утихнут.

— Не случайно мы вообще не говорили о так называемых «мушках», — сказал он. — Каждый, кто хоть немного ориентируется в биологии, знает, что никакие организмы не могут суще-

ствовать вне определенного биотопа, то есть доминирующего комплекса, который определяется средой и живущими в ней видами. Это справедливо для всего исследованного космоса. Жизнь либо создает огромное различие форм, либо не возникает вообще. Насекомые не могли появиться без одновременного развития растений, других организмов, беспозвоночных и так далее. Не буду излагать вам общей теории эволюции, думаю, будет достаточно, если я заверю вас, что это невозможно. Здесь нет ни ядовитых мух, ни других членистоногих, как насекомых, так и паукообразных. Нет также никаких родственных им форм.

— Откуда у вас такая уверенность?! — воскликнул Балмин.

— Если бы вы были моим учеником, Балмин, вы бы не попали на корабль, просто не сдали бы у меня экзамена, — сказал невозмутимый палеобиолог, и все невольно заулыбались. — Не знаю, как там у вас с планетологией, но с эволюционной биологией неважно...

— Ну, начинается типичный спор специалистов... И не жаль времени? — шепнул кто-то за спиной Рохана.

Он обернулся и увидел широкое загорелое лицо

Ярга, который понимающе подмигнул ему.

— Но, может быть, это насекомое не местного происхождения, — упирался Балмин. — Может, их откуда-нибудь завезли...

— Откуда?

— С планеты Новой...

Теперь все заговорили одновременно. Прошло некоторое время, прежде чем астрогатору удалось успокоить собравшихся.

— Друзья! — сказал Сарнер. — Я знаю, откуда у Балмина такие мысли. От доктора Гралева...

— А я и не отказываюсь от авторства, — бросил физик.

— Отлично. Предположим, что мы уже не можем себе позволить роскоши высказывать правдоподобно звучащие гипотезы. Что нам нужны сумасшедшие гипотезы. Пусть так. Предположим также, что какой-то корабль с планет Новой завез сюда тамошних насекомых... Пусть скажут биологи: могли ли они приспособиться к местным условиям.

— Если гипотеза должна быть сумасшедшей, то могли бы, — согласился со своего места Лауда. — Но даже сумасшедшая гипотеза должна объяснять все.

— Это значит?..

— Это значит: нужно объяснить, чем изуродована наружная обшивка «Кондора», изуродована до такой степени, что, как мне сказали инженеры, корабль не может летать, пока не будет сделан капитальный ремонт. Или вы думаете, что какие-нибудь насекомые приспособились к употреблению молибденового сплава? Ведь это одна из наиболее твердых субстанций в космосе. Скажите, Петерсен, чем можно испортить такую броню?

— Когда она хорошо процементирована, собственно говоря, ничем, — ответил заместитель главного инженера. — Ее можно немного надсверлить алмазом, но на это потребуются тонны сверл и тысяча часов времени. Уж скорее — кислотами. Но это должны быть неорганические кислоты, они должны действовать при температуре минимум две тысячи градусов и в присутствии соответствующих катализаторов.

— А чем, по вашему мнению, повреждена обшивка «Кондора»?

— Не имею понятия. Такое впечатление, что он лежал как раз в такой кислотной ванне при нужной температуре. Но как проделать что-нибудь подобное, без плазменной дуги, без катализаторов, — этого я не могу себе представить.

— Вот вам ваши «мушки», Балмин, — бросил Лауда и сел.

— Я думаю, нет смысла продолжать дискуссию, — сказал молчавший до сих пор астрогатор. — Возможно, для нее еще не пришло время. Нам не остается ничего другого, как продолжать исследования. Поделимся на три группы. Одна займется развалинами, другая — «Кондором», третья совершит несколько походов в глубь западной пустыни. Это предел наших возможностей, так как даже если мы приведем в действие некоторые механизмы «Кондора», все равно нельзя снять с защитного кольца больше четырнадцати энергоботов, а третья степень по-прежнему обязательна...

Первый

Тяжелая, давящая тьма окружала его со все сторон. Он задыхался. Отчаянными движениями пытался разорвать обвивающие его призрачные спирали, проваливаясь все глубже, с криком, который никак не мог вытолкнуть из сжатой спазмой гортани. Он искал оружие. Напрасно, он был беззащитен. Последний раз напряг все свои силы, чтобы закричать. Оглушительный звон вырвал его из кошмара. Рохан вскочил с койки в полубессознательном состоянии, зная только, что его окружает мрак, в котором непрерывно звучит сигнал тревоги. Это уже не было кошмаром. Он зажег свет, набросил комбинезон и побежал к лифту. У двери толпились люди. Протяжный звон сигналов был слышен во всех отсеках, красные надписи «тревога» пылали на стенах. Рохан вбежал в рубку. Астрогатор, одетый по-дневному, стоял у большого экрана.

— Я уже отменил тревогу, — сказал он спокойно. — Это только дождь, Рохан, но вы взгляните. Великолепное зрелище.

В самом деле, экран, на котором была видна

верхняя часть ночного неба, сверкал искрами бесчисленных разрядов. Капли дождя, падая с высоты, сталкивались с невидимой чашей силовой защиты, накрывающей «Непобедимый», и, в мгновение ока превращаясь в микроскопические огненные взрывы, освещали местность мерцающим пламенем, похожим на усиленное во сто крат полярное сияние.

— Нужно бы получше запрограммировать автоматы, — слабым голосом сказал Рохан, окончательно приходя в себя. Ему уже расхотелось спать. — Придется сказать Тернеру, чтобы он не включал аннигиляции. Иначе каждая горсть песку, принесенная ветром, будет поднимать нас среди ночи...

— Предположим, это была учебная тревога. Что-то вроде маневров, — ответил астрогатор, который, казалось, был в неожиданно хорошем настроении. — Сейчас четыре. Можете возвращаться к себе, Рохан.

— Честно говоря, не хочется. Может, вы?..

— Я уже спал. Мне достаточно четырех часов. После шестнадцати лет, проведенных в пространстве, ритм сна и бодрствования человека не имеет ничего общего со старыми земными привычками. Меня заботит обеспечение макси-

мальной безопасности исследовательских групп, Рохан. Слишком хлопотно — таскать повсюду громоздкие энергоботы и развертывать силовую защиту. Что вы об этом думаете?

— Можно бы дать людям индивидуальные эмиттеры. Но это тоже не решает всех проблем. Человек в силовом пузыре ни к чему не может прикоснуться... Вы знаете, как это выглядит. А если слишком уменьшить радиус энергетической оболочки, можно и самому... обжечься. Я такое видел.

— Я даже думал о том, чтобы никого не выпускать на сушу и проводить исследования только роботами с дистанционным управлением, — произнес астрогатор. — Но это хорошо на несколько часов, на день, а мне сдается, что мы здесь останемся дольше...

— Что же вы решили?

— Каждая группа будет иметь исходную базу, окруженную силовым полем, но отдельные исследователи должны обладать некоторой свободой действий. Иначе мы предохраним себя от несчастных случаев настолько надежно, что вообще ничего не сможем сделать. Обязательное условие, чтобы за каждым работающим вне силовой защиты присматривал защищенный

наблюдатель. Не пропадать с глаз — вот первое правило поведения на Регисе III.

— А куда вы меня пошлете?

— Вы хотели бы работать на «Кондоре»?.. Вижу, что нет. Хорошо. Остается город или пустыня. Можете выбирать...

— Выбираю город. Мне по-прежнему кажется, что тайна скрыта там...

— Возможно. Итак, завтра, вернее, сегодня — уже светает — вы возьмете свою вчерашнюю команду. Я вам дам еще парочку арктанов. Ручные лазеры тоже не помешают, мне кажется, что *это* действует с небольшой дистанции...

— Что?

— Если бы я знал... Кухню тоже возьмите, чтобы быть полностью независимым от нас и в случае необходимости иметь возможность работать без постоянных контактов с кораблем...

Красное негреющее солнце перекатилось через небосвод. Тени гротескных конструкций удлинялись и сливались. Ветер перетаскивал песчаные кучи между металлическими пирамидами. Рохан сидел на крыше тяжелого вездехода и в подзорную трубу всматривался в фигуры Гралева и Хена, которые за пределами силового поля возились у основания черноватого «пчелиного

сота». Ремень, на котором висел лазер, натер ему шею. Он перебросил лазер за спину, не спуская глаз с товарищей. Плазменная горелка в руках Хена сверкала как маленький ослепительный бриллиант. Изнутри вездехода до Рохана донесся звук ритмично повторяющегося сигнала вызова, но он даже не повернул головы. Он слышал, как водитель отвечает базе.

— Навигатор! Приказ командира! Нужно немедленно возвращаться! — крикнул Ярг, высовывая голову из люка.

— Возвращаться? Почему?

— Не знаю. Он все время передает сигнал немедленного возвращения и четыре раза ЭВ.

— ЭВ?! Ох, как затекли мышцы! Значит, нужно спешить. Дай мне микрофон и зажги огни.

Через десять минут все люди были уже в машинах. Рохан вел свою маленькую колонну с максимальной скоростью, какую позволяла гористая местность. Бланк, выполнявший сейчас обязанности радиста, подал ему наушники. Рохан спустился вниз, в металлическое нутро машины, пахнущее разогретым пластиком, и, сев под вентиляторную решетку, струя воздуха из которой шевелила ему волосы, вслушивался в обмен сигналами между группой Галлахера, ра-

ботавшей в западной пустыне, и «Непобедимым». Кажется, начиналась буря. С утра барометры показывали падение давления, но только сейчас из-за горизонта выползли темно-синие плоские тучи. Небо над ними было чистым. На отсутствие атмосферных помех пожаловаться было нельзя — в наушниках трещало так, что связь шла только морзянкой. Рохан улавливал группы условных сигналов. Но он включился слишком поздно и не мог понять, о чем идет речь, кроме того, что группа Галлахера тоже возвращалась на базу полным ходом, а на корабле объявлена готовность и вызваны на свои места все врачи.

— Вызваны медики, — сказал он застывшим в ожидании Балмину и Гралеву. — Какой-нибудь несчастный случай. Наверное, ничего серьезного. Впрочем, возможно, был обвал, кого-нибудь засыпало...

Он знал, что люди Галлахера должны были заниматься раскопками в установленном предварительной разведкой пункте. Однако, честно говоря, и сам не верил в то, что случилось обычное происшествие, какие бывают во время работ. От базы их отделяло меньше шести километров, но та группа, очевидно, снялась гораздо раньше: едва увидев темный вертикальный силуэт «Не-

победимого», они пересекли совершенно свежие следы гусениц. Они приблизились к границе внешнего поля и начали вызывать корабль, чтобы им открыли проход. Корабль удивительно долго не отвечал. Наконец зажглись условные голубые огни, и они въехали в зону защиты.

Группа «Кондора» была уже здесь. Значит, это она проскочила перед ними, а не геологи Галлахера. Часть вездеходов стояла около аппарели, другие загораживали проезд, беспорядочно бегали люди, увязая по колено в песке, автоматы поблескивали огнями. Наступили сумерки. Некоторое время Рохан не мог разобраться в этом хаосе. Вдруг сверху вырвался сверкающий белый столб. Большой прожектор сделал корабль похожим на огромный маяк. Прожектор нащупал далеко в пустыне колонну огней, прыгающих то снизу вверх, то в стороны, словно и вправду приближалась армада кораблей. Снова вспыхнули светлячки открывающегося силового поля. Машины еще не остановились, а сидящие в них люди Галлахера уже соскакивали в песок, от аппарели подъезжал на колесах второй прожектор, сквозь шпалеры столпившихся машин шла группа людей, окруживших носилки, на которых кто-то лежал.

Рохан растолкал стоявших впереди в тот момент, когда носилки поравнялись с ним, и остолбенел. В первый момент он подумал, что действительно произошел несчастный случай, но у человека, лежавшего на носилках, были связаны руки и ноги.

Извиваясь всем телом, так, что скрипели веревки, которые его опутывали, он издавал широко раскрытым ртом жуткие стонущие звуки. Группа, за которой двигалось освещающее ее пятно света, уже прошла, а до Рохана, стоящего в темноте, все еще доносились эти нечеловеческие звуки, не похожие ни на что когда-либо слышанное им. Белый овал с двигающимися в нем фигурами уменьшился, поднимаясь по аппарели, и исчез в широко распахнутом грузовом люке. Рохан начал допытываться, что произошло, но его окружали люди из группы «Кондора», которые знали так же мало, как и он сам.

Прошло некоторое время, прежде чем он пришел в себя настолько, чтобы установить какое-то подобие порядка. Задержанная цепочка машин двинулась по аппарели в корабль, зажглись огни над лифтом, толпа, стоящая у его основания, начала уменьшаться. Наконец Рохан одним из последних поднялся наверх вместе с тяжело

навьюченными арктанами, спокойствие которых казалось ему лицемерной издевкой. Внутри корабля слышны были протяжные звонки информаторов и телефонов, на стенах все еще пылали сигналы вызова врачей по тревоге. Но вот сигналы вдруг погасли, в коридорах стало свободнее, часть команды спустилась вниз, в кают-компании Рохан слышал, как люди разговаривают. Какой-то запоздавший арктан, тяжело ступая, направлялся к отсеку роботов. Наконец все разошлись, а он остался, охваченный бессилием, утратив надежду понять то, что случилось, подавленный уверенностью, что никакого объяснения не может быть и не будет.

— Рохан!

Этот окрик отрезвил его. Перед ним стоял Гаарб.

Рохан вздрогнул:

— Это вы?.. Вы видели?.. Кто это был?

— Кертелен.

— Что? Это невозможно...

— Я видел его до самого конца...

— До какого конца?

— Я был с ним вместе, — сказал неестественно спокойным голосом Гаарб.

Рохан видел отблески коридорных светильни-

ков в его очках.

— Группа, работавшая в пустыне? — пробормотал Рохан.

— Да.

— Что с ним случилось?

— Галлахер выбрал это место на основании сейсмозондирования... Мы попали в лабиринт узких, крутых оврагов, — медленно рассказывал Гаарб, словно обращаясь к самому себе, словно пытаясь вспомнить последовательность событий. — Там есть мягкие породы органического происхождения, размытые водой, много гротов, пещер; мы вынуждены были оставить машины наверху... Мы старались держаться вместе, нас было одиннадцать. Феррометры показывали присутствие большого количества железа, мы его искали. Кертелен думал, что там укрыты какие-то машины...

— Да, он мне тоже говорил что-то в этом роде. И что было потом?

— В одной из пещер, совсем неглубоко под илом — там есть даже сталактиты и сталагмиты, он нашел что-то вроде автомата.

— Правда?!

— Нет, не то, что вы думаете. Абсолютная рухлядь, съеденный даже не ржавчиной, он

нержавеющий... как будто сгоревший, просто обломки.

— Но, может, другие...

— Да нет, этому автомату минимум триста тысяч лет...

— Откуда вы можете это знать?

— На нем оседал известняк, по мере того как испарялась вода, капающая со сталактитов свода... Галлахер сделал примерный подсчет исходя из скорости испарения, образования осадка и его толщины. Триста тысяч лет — это наиболее скромный результат... Впрочем, этот автомат похож, знаете, на что? На те развалины...

— То есть это вовсе не автомат...

— Нет, он должен был передвигаться, но не на двух ногах, и не как краб. Впрочем, у нас не было времени им заниматься... Сразу же...

— Что произошло?

— Время от времени я пересчитывал людей. Я был в прикрытии, должен был их охранять, понимаете... Но ведь все они были в масках, все друг на друга похожи, а комбинезоны, измазанные глиной, потеряли свой цвет. В какой-то момент я недосчитался одного человека. Я собрал всех, и мы начали искать его. А Кертелен был очень обрадован своим открытием и ушел дальше... Я

думал, что он свернул в какой-нибудь боковой коридор... Там много всяких закоулков, но все короткие, неглубокие, хорошо освещенные... Вдруг он вышел на нас из-за поворота. Уже в таком состоянии. Нигрен был с нами, он думал, что это тепловой удар...

— Что же с ним случилось?

— Он без сознания. Хотя нет, он может ходить, двигаться, но с ним нельзя установить контакта. Кроме того, он утратил речь. Вы слышали его голос?

— Да.

— Сейчас он вроде немного устал. Сначала было еще хуже. Он не узнавал никого из нас. В первый момент это было самым страшным. «Кертелен, куда ты исчез?» — окликнул я его, а он прошел мимо, как будто оглох, прошел между нами и пошел вверх по оврагу, но такой походкой... Так что у всех мороз прошел по коже. Словно его подменили. Он не реагировал на оклики, и нам пришлось за ним гнаться. Что там делалось! Короче говоря, его пришлось связать, иначе бы нам не удалось его доставить сюда...

— Что говорят врачи?

— Как обычно, говорят по-латыни, но не знают ничего. Нигрен вместе с Саксом у командира,

можете у них спросить...

Гаарб, тяжело ступая, ушел, наклонив голову. Рохан поднялся наверх, в рубку. В ней было пусто, но, проходя мимо картографической каюты, он услышал сквозь неплотно закрытую дверь голос Сакса и вошел.

— Как бы полная потеря памяти. Впечатление именно такое, — говорил нейрофизиолог.

Сакс стоял спиной к Рохану, рассматривая рентгеновские снимки, которые держал в руках. За столом над открытым бортовым журналом сидел астрогатор, опершись рукой на стеллаж, плотно набитый свернутыми звездными картами. Он молча слушал Сакса, который медленно укладывал снимки в конверт.

— Амнезия. Но исключительная. Он утратил не только память, но и речь, способность писать, читать... Это даже больше, чем амнезия, это полный распад, уничтожение личности. От нее не осталось ничего, кроме самых примитивных рефлексов. Он может ходить и есть, но только в том случае, если пищу всунуть ему в рот. Берет, но...

— Он видит и слышит?

— Да. Наверняка. Но не понимает того, что видит. Не отличает людей от предметов.

— Рефлексы?

— В норме. Это повреждение центральное.

— Центральное?

— Да, мозговое. Как будто полностью стерты все следы памяти.

— Значит, тот человек с «Кондора»?..

— Да. Теперь я в этом уверен. Это то же самое.

— Однажды я видел нечто подобное... — совсем тихо, почти шепотом сказал астрогатор. Он смотрел на Рохана, но не обращал на него никакого внимания. — Это было в пространстве...

— А, знаю! Как мне не пришло в голову! — возбужденно воскликнул нейрофизиолог. — Амнезия после магнитного удара, так?

— Да.

— Никогда не сталкивался с такими случаями. Знаю их только теоретически. Это бывало давно, во время прохождения на большой скорости через сильные магнитные поля?

— Да. Но в своеобразных условиях. Важна не только напряженность поля, но его градиент и скорость происходящих изменений. Если в пространстве есть большие градиенты, а встречаются очень резкие скачки, — приборы обнаруживают их на расстоянии. Раньше приборов не было...

— Верно... — повторил врач. — Верно... Аммерхатен проводил такие опыты на обезьянах и

кошках. Он подвергал их действию магнитных полей огромной силы, и они теряли память...

— Да, ведь она связана с электрической активностью мозга...

— Но в этом случае, — громко заговорил Сакс, — кроме рапорта Гаарба у нас есть показания всех остальных членов группы. Мощное магнитное поле... ведь это должны быть, очевидно, сотни тысяч гауссов?

— Сотен тысяч не хватит. Нужны миллионы, — безучастно ответил астрогатор. Только теперь его взгляд остановился на Рохане. — Войдите и закройте дверь.

— Миллионы?! Но разве наши приборы не зарегистрировали бы такого поля?

— Постольку поскольку, — ответил Хорпах. — Если бы оно было сконцентрировано в очень малом пространстве, — скажем, имело бы объем, как этот глобус, — и если бы оно было экранировано снаружи...

— Одним словом, если бы Кертелен всунул голову между полюсами гигантского электромагнита?..

— И этого мало. Поле должно колебаться с определенной частотой.

— Но там не было никакого магнита, никакой

машины, кроме проржавевших обломков, ничего, только промытые водой овраги, гравий, песок...

— И пещеры, — мягко, словно безразлично, добавил Хорпах.

— И пещеры... Неужели вы думаете, что кто-то его затащил в такую пещеру, что там есть магнит, — нет, ведь такое...

— А как вы это объясните? — спросил командир так, будто ему надоел этот разговор.

Врач молчал.

В три сорок ночи все отсеки «Непобедимого» наполнил протяжный звон сигналов тревоги. Люди, ругаясь, срывались с постелей и, одеваясь на ходу, разбегались по местам. Рохан через пять минут после начала тревоги влетел в рубку. Астрогатора еще не было. Рохан подскочил к большому экрану. Черную ночь освещали на востоке тысячи белых вспышек, как будто вылетающий из одной точки рой метеоритов атаковал корабль. Он взглянул на приборы контроля поля. Автоматы он программировал сам; они уже не могли реагировать ни на дождь, ни на песчаную бурю. Из невидимой во мраке пустыни что-то летело и разбрасывалось огненным бисером. Взрывы происходили на поверхности поля, и загадочные

снаряды, отскакивая уже в огне, прочерчивали параболы бледневшего свечения или стекали по выпуклости энергетической защиты. Вершины барханов на мгновение появлялись из темноты и снова исчезали, стрелки лениво дрожали — эффективная мощность, используемая системой эмиттеров Дирака для защиты от загадочной бомбардировки, была относительно невелика.

Уже слыша за спиной шаги командира, Рохан взглянул на спектроскопические индикаторы.

— Никель, железо, марганец, бериллий, титан, — прочитал на хорошо освещенной шкале астрогатор, встав рядом с ним. — Много бы я дал, чтобы увидеть, что это такое.

— Дождь металлических частиц, — медленно сказал Рохан. — Судя по разрядам, их размеры невелики...

— Я охотно бы взглянул на них вблизи... — буркнул командир. — Как вы думаете, рискнуть?

— Выключить поле?

— Да. На долю секунды. Небольшая часть попадет в защитную зону, а остальные отбросим, снова включив поле...

Рохан ответил не сразу.

— Что ж... Можно бы, — ответил он наконец с колебанием.

Но прежде чем командир подошел к пульту управления, огненный муравейник исчез так же внезапно, как и появился, и снова корабль обступила тьма, такая, какую знают только лишенные лун планеты, кружащиеся вдали от центральных звездных скоплений Галактики.

— Охота не удалась, — проворчал Хорпах.

Он некоторое время стоял, положив руку на главный выключатель, потом, слегка кивнув Рохану, вышел. Стонущий звук сигналов, отменяющих тревогу, наполнил все отсеки. Рохан вздохнул, еще раз взглянул на залитые глубоким мраком экраны и пошел спать.

Туча

Они уже начали привыкать к планете, к ее неизменному пустынному облику с призрачными тенями незаметно тающих в воздухе неестественно светлых облаков, между которыми даже днем горели сильные звезды. К шороху песка, расступающегося под колесами и ногами, к красному вялому солнцу, прикосновение которого было гораздо деликатнее, чем земного, так что, если ему подставить спину, вместо тепла чувствовалось только его молчаливое присутствие.

Утром исследовательские группы расходились, каждая в свою сторону, энергоботы исчезали среди барханов, покачиваясь, как неуклюжие лодки, опадала пыль, и оставшиеся на «Непобедимом» обсуждали, что будет на обед, что боцман радаристов сказал своему коллеге связисту, или старались припомнить, как звали рейсового пилота, который шесть лет назад потерял ногу в катастрофе на навигационном спутнике «Терра-5». Так они и болтали, сидя на пустых канистрах под корпусом корабля, тень которого, словно стрелка гигантских солнечных часов,

поворачивалась, одновременно удлиняясь, пока не касалась кольца энергоботов. С этого момента то и дело кто-нибудь вставал и высматривал возвращающихся.

Те появлялись голодные, усталые, быстро теряли все свое оживление, которое поддерживала в них работа на металлическом пепелище «города», и даже группа «Кондора» через неделю перестала прибывать с сенсационными новостями, сводившимися к тому, кого из знакомых удалось узнать среди погибших. Страшные находки, вызывавшие в первые дни ужас, были привезены с «Кондора» и старательно упакованы (а как же иначе назвать этот процесс добросовестного укладывания всех уцелевших человеческих останков в герметические контейнеры, которые затем отправлялись на самое дно корабля?). Тогда вместо облегчения люди, которые по прежнему просеивали песок вокруг кормы «Кондора» и осматривали помещения корабля, начали ощущать страшную скуку и, будто забыв судьбу его команды, пристрастились к коллекционированию всяких идиотских безделушек, неизвестно кому раньше принадлежавших, оставшихся после уже несуществующих владельцев. Из-за отсутствия документов, которые объяснили бы

тайну, они привозили то какую-нибудь старую губную гармошку, то китайскую головоломку, и предметы эти, уже освобожденные от мистического кошмара своего происхождения, поступали в обращение, становились как бы общей собственностью команды.

Рохан, который никогда бы не поверил, что такое возможно, уже через неделю держался так же, как остальные. Только иногда, оставаясь один, он задавал себе вопрос: зачем он, собственно, здесь? И тогда чувствовал, что вся их деятельность, вся эта торопливая суета, эта сложная процедура исследований, просвечиваний, собирания проб, бурения, усложненная непрекращающейся обязанностью поддерживать третью степень, открыванием и закрыванием полей, со стволами лазеров, имеющих хорошо рассчитанные сектора обстрела, с постоянным оптическим контролем, непрерывным подсчетом людей, многоканальной связью — все это лишь большой самообман. А на самом деле они только ждут какого-нибудь нового происшествия, нового несчастья и лишь притворяются, что это не так.

Сначала по утрам перед лазаретом «Непобедимого» собиралась толпа людей, чтобы услышать новости о состоянии Кертелена. Он казался им

не столько жертвой загадочного нападения, сколько неким непонятным существом, чудовищем, отличающимся от всех них; они словно поверили в фантастические сказки и думали, что какие-то враждебные, чуждые силы планеты могут превратить человека, одного их них, в монстра. В действительности он был только калекой. Впрочем, оказалось, что его мозг, чистый, как у новорожденного, и такой же пустой, усваивает сведения, которые сообщали ему врачи, и он постепенно учится говорить — совсем как маленький ребенок; из лазарета уже не доносились не похожие на человеческий голос скулящие звуки, ужасные оттого, что бессмысленное бульканье новорожденного издавала гортань взрослого мужчины. Через неделю Кертелен начал выговаривать первые слоги и уже узнавал врачей, хотя и не мог произнести их имен.

Тогда, в начале второй недели, интерес к его особе уменьшился, особенно после того как врачи объяснили, что о подробностях происшествия он рассказать ничего не сможет, даже когда вернется в нормальное состояние, вернее когда кончится странный, но неизбежный процесс его воспитания.

Тем временем работы шли своим чередом.

Умножались планы «города», подробности конструкции его «кустистых пирамид», хотя их предназначение по-прежнему оставалось загадочным. Решив, что дальнейшие исследования на «Кондоре» не дадут ничего, астрогатор приостановил их. Сам корабль все равно пришлось бы бросить, так как ремонт корпуса превышал возможности инженеров, особенно в условиях гораздо более важных работ. На «Непобедимый» забрали много энергоботов, вездеходов, транспортеров и всевозможной аппаратуры, сам же остов «Кондора» — он стал именно остовом после такого полного опустошения — закрыли наглухо, утешаясь тем, что или они сами, или какая-нибудь другая экспедиция все-таки приведет крейсер в родной порт.

После этого Хорпах перебросил группу «Кондора» на север; под руководством Реньяра она присоединилась к группе Галлахера, а Рохан теперь был главным координатором всех исследований и покидал «Непобедимый» лишь ненадолго, да и то не каждый день.

Обе группы наткнулись в системе оврагов, вымытых водами подземных источников, на интересные находки.

Слои осадочных пород разделялись прослойка-

ми черновато-рыжей субстанции негеологического, непланетарного происхождения. Специалисты немного могли сказать по этому поводу. Казалось, на поверхности старой базальтовой плиты, нижнего слоя коры, миллионы лет назад отложилось огромное количество металлических частиц, — возможно, просто металлических обломков (появилась гипотеза, что в атмосфере Региса взорвался гигантский железо-никелевый метеорит и огненными дождями вплавился в скалы той, очень отдаленной эпохи), которые, подвергаясь медленному окислению, вступая в химические реакции с окружающей средой, в результате переформировались в слои буро-черных, местами рыжевато-красных отложений.

До сих пор была вскрыта только часть слоев района, геологическое строение которого своей сложностью могло вызвать головокружение даже у опытного планетолога. Когда прошли шахту до базальта возрастом миллиард лет, оказалось, что лежащие на нем породы, несмотря на далеко зашедшую перекристаллизацию, содержат органический уголь. Сначала ученые решили, что раньше здесь было океанское дно. Но в слоях уже подлинного каменного угля были найдены отпечатки многочисленных видов растений, которые

могли существовать только на суше. Каталог сухопутных живых форм непрерывно дополнялся и расширялся. Ученые установили, что триста миллионов лет назад по джунглям планеты бродили примитивные пресмыкающиеся. Остатки позвоночника и роговых челюстей одного из них ученые привезли с триумфом, которого, однако, не разделял экипаж. Жизнь развивалась на суше как бы два раза. Первый закат мира живого приходился на эпоху около ста миллионов лет назад; тогда началось стремительное вымирание растений и животных, вызванное, вероятно, близкой вспышкой Новой. После упадка жизнь восстановилась и снова начала бурно развиваться, образуя новые формы; правда, ни количество, ни состояние останков не давали возможности провести более точную классификацию. На планете никогда не появлялись животные, похожие на млекопитающих. Через девяносто миллионов лет произошла, но уже на гораздо большем расстоянии, другая звездная катастрофа; ее следы удалось найти в виде радиоактивных элементов.

По приблизительным подсчетам, интенсивность жесткого излучения на поверхности планеты в то время не могла быть настолько сильной, чтобы стать причиной массовых гекатомб. Тем

более было непонятно, почему начиная с этого момента остатки животных и растений встречались реже. Зато появлялось все больше этого спрессованного «ила», сульфидов сурьмы, окислов молибдена, железа, солей никеля, кобальта и титана. Эти металлические, относительно тонкие слои, насчитывающие от восьми до шести миллионов лет, местами содержали очаги повышенной радиоактивности, но с точки зрения времени существования планеты это была короткопериодическая радиоактивность. Казалось, в ту эпоху что-то вызвало целую серию бурных, но очень локальных ядерных реакций, продукты которых обнаруживались в «металлическом иле». Кроме гипотезы «железисто-радиоактивного» метеорита, высказывались и другие, иногда совершенно фантастические, связывавшие эти обособленные очаги «радиоактивного пламени» с катастрофой планетной системы Лиры и гибелью ее цивилизации. Было сделано предположение, что во время попыток колонизации Регриса III произошли атомные столкновения между кораблями, высланными с подвергавшейся опасности системы.

Но это по-прежнему не объясняло размеров загадочных металлических пластов, которые

в ходе пробных бурений удалось обнаружить также и в других, весьма отдаленных районах. Во всяком случае, неотвратимо обрисовывалась картина одновременно загадочная и очевидная: жизнь на суше планеты погибла в ту же самую эпоху, длившуюся несколько миллионов лет, когда начали появляться металлические слои.

Причиной гибели живых форм не могла, однако, быть радиоактивность: общая интенсивность излучения, пересчитанная на эквивалент ядерных взрывов, составляла самое большее двадцать — тридцать мегатонн. Распределенные на сотни тысячелетий, такие взрывы (если это вообще были взрывы, а не какие-либо иные ядерные реакции), естественно, не представляли серьезной опасности для биологической эволюции.

Подозревая какую-то связь между металлическими слоями и развалинами «города», ученые настаивали на проведении дальнейших исследований. Это вызывало огромные трудности, так как геологические работы требовали перемещения больших масс грунта. Единственным выходом было бить штольни, но под землей люди лишались защиты силового поля. И все же после того как на глубине двадцати с лишним метров в пласте, изобиловавшем окислами железа, были

найдены расположенные весьма своеобразно ржавые куски металла, которые напоминали остатки разъеденных коррозией, распавшихся элементов каких-то механизмов, работы решено было продолжить.

На девятнадцатый день после посадки над районом работ начали стягиваться тучи, такие массивные и темные, каких до сих пор люди на планете еще не видели. Около полудня разразилась буря, которая силой электрических разрядов значительно превосходила земные. Небо и скалы соединились в хаосе непрерывно сверкающих молний. Вода, несущаяся в крутых оврагах, поднялась и начала заливать выбитые штреки. Людям пришлось покинуть их и вместе с автоматами укрыться под большим пузырем силовой защиты, в который ударяли километровые молнии. Буря медленно передвигалась к западу, и черная, иссеченная молниями стена закрыла весь горизонт над океаном. Возвращаясь на «Непобедимый», геологические группы обнаружили по дороге большое количество лежащих в песке черных металлических зернышек. Их приняли за знаменитые «мушки», старательно собрали и привезли на корабль. Они вызвали большой интерес ученых, но, конечно, и разговора не было

о том, что это остатки каких-нибудь насекомых. Состоялось очередное, весьма бурное совещание специалистов. Наконец решили выслать экспедицию в северо-восточном направлении, за район «железных» пластов, поскольку на гусеницах машин «Кондора» были найдены мелкие кусочки интересных минералов, не обнаруженных ни в одном из изученных до сих пор районов.

Хорошо оснащенная колонна с энергоботами, шагающим излучателем с «Кондора», вездеходами и роботами, среди которых было двенадцать арктанов, снабженная автоматическими землеройными машинами и бурильными установками, с запасами кислорода, пищи и ядерного топлива выступила на следующий день под руководством Реньяра. С ней поддерживалась непрерывная радио- и телевизионная связь до того момента, пока кривизна планеты не преградила путь ультракоротким волнам. Тогда на стационарную орбиту был выведен автоматический телевизионный ретранслятор. Колонна двигалась целый день, ночь провела под защитой поля, а на следующий день продолжала поход. Незадолго до полудня Реньяр сообщил Рохану, что хочет осмотреть почти засыпанные песком развалины, находящиеся внутри маленького

неглубокого кратера.

Через час после этого из-за сильных атмосферных помех качество радиоприема начало ухудшаться. Техники связи перешли на более короткие волны, прием стал лучше. Вскоре, когда гром далекой бури, передвигающейся с севера на восток, то есть туда же, куда направилась экспедиция, начал стихать, радиосвязь вдруг пропала. Самым удивительным было одновременное ухудшение телевизионной связи, которая поддерживалась через заатмосферный спутник и не могла зависеть от состояния ионосферы. К часу дня телесвязь прервалась окончательно. Никто из техников и физиков, призванных на помощь, не понимал механизма явления. Казалось, что где-то в пустыне выросла стена металла, заслонив отдалившуюся уже не сто семьдесят километров от «Непобедимого» экспедицию.

Рохан, все это время не расставшийся с астрогатором, заметил беспокойство Хорпаха, которое ему самому вначале показалось безосновательным. Он считал, что отсутствие связи можно объяснить особыми экранирующими свойствами грозового фронта. Однако физики выражали сомнение в возможности образования такого мощного слоя ионизированного воздуха. Около

шести буря утихла, но связь установить не удалось. Непрерывно повторяя сигналы, на которые не было ответа, Хорпах выслал два разведывательных аппарата типа летающих тарелок.

Один из них летел на высоте нескольких сотен метров над пустыней, другой — на четыре километра выше, служа первому телевизионным ретранслятором. Рохан и астрогатор с несколькими учеными, среди которых были Балмин и Сакс, стояли перед большим экраном рубки, непосредственно наблюдая то, что видел пилот первой машины. За районом извилистых, наполненных глубокими тенями оврагов открывалась пустыня, с ее нескончаемыми рядами барханов, сейчас покрытых темными полосами, так как солнце уже склонялось к западу. В его косых лучах, придающих пейзажу особенно понурый вид, под низко летящей машиной изредка проплывали небольшие, доверху засыпанные песком кратеры, некоторые были видны только благодаря центральному конусу давно-давно угасшего вулкана. Местность понемногу поднималась и становилась более разнообразной. Из-под песчаных волн выныривали высокие скальные гряды, образуя систему цепей, которым выветривание придало самые причудливые формы. Одинокие камен-

ные столбы напоминали корпуса разбившихся звездолетов или человеческие фигуры. Склоны разрезались тонкими линиями ущелий, наполненных осыпавшимися камнями. Песок исчез совсем, уступив место дикой стране обрывистых скал и каменных россыпей. Кое-где извивались похожие на реки провалы трещин, рассекавших кору планеты. Ландшафт стал похож на лунный. Начали проявляться первые признаки ухудшения телевизионной связи в виде дрожания и срывов синхронизации изображения.

Скалы становились все темнее. Уходящие из поля зрения грани имели буроватый оттенок с ядовитым металлическим блеском; кое-где появились пятна бархатной черноты, словно там на голом камне росли густые, но мертвые кусты.

В этот момент молчавшая до сих пор рация первой машины заработала. Пилот крикнул, что поймал сигналы автоматического передатчика, который был установлен на головном вездеходе экспедиции. Но в рубке был слышен только его голос, слабый и исчезающий.

Солнце стояло уже низко. В его кровавом свете прямо по курсу машины возникла клубящаяся, словно туча, черная стена, простирающаяся от поверхности скал до высоты в тысячу метров.

Все, что находилось за ней, было невидимо. Если бы не медленное мерное движение клубящихся нагромождений этой местами чернильной, местами металлически отсвечивающей фиолетовым пурпуром черноты, ее можно было бы принять за необычную горную формацию. В горизонтальных лучах солнца в ней открывались пещеры, наполненные неясными короткими вспышками, как будто в них яростно кружились сверкающие кристаллы черного льда. В первый момент всем показалось, что туча движется навстречу летящей машине, но это был обман зрения. Просто летающая тарелка приближалась к странной преграде.

— ЛТ-4 — к базе! Мне подняться над тучей? Прием, — послышался сдавленный голос пилота.

Через мгновение астрогатор ответил:

— Первый — к ЛТ-4! Задержись перед тучей!

— ЛТ-4 — к базе! Останавливаюсь, — сразу же ответил пилот, и Рохану показалось, что в его голосе прозвучало облегчение.

Уже всего несколько сотен метров отделяло машину от необыкновенного образования. Теперь почти весь экран занимала поверхность словно состоящего из угля, неправдоподобного, вертикального моря. Машина остановилась, как

вдруг — никто не успел даже вскрикнуть — тяжело волнующаяся масса выстрелила длинными расходящимися столбами, которые закрыли изображение. Потом оно исказилось, задрожало и исчезло, прошитое нитками ослабевающих разрядов.

— ЛТ-4! ЛТ-4! — вызывал радист.

— Я ЛТ-8, — отозвался пилот второй машины. — ЛТ-8 — к базе! Нужно ли включить изображение? Прием!

— База — к ЛТ-8! Дай изображение.

Экран наполнился хаосом яростно кружащихся черных потоков. Это была та же самая картина, но открывавшаяся с высоты четырех километров. Видно было, что туча лежит длинной монолитной лавиной вдоль возносящейся горной цепи. как бы защищая подступы к ней. Ее поверхность лениво шевелилась, похожая на застывающую полужидкую субстанцию, но первой машины, которую она только что поглотила, не было видно.

— База — к ЛТ-8! Ты слышишь ЛТ-4? Прием!

— ЛТ-8 — к базе! Не слышу, перехожу на интерференционные волны. Внимание, ЛТ-4, говорит ЛТ-8, отвечай. ЛТ-4, ЛТ-4! — слышался голос пилота. — ЛТ-4 не отвечает, перехожу на инфракрасные волны. Внимание, ЛТ-4, говорит ЛТ-8,

отвечай. ЛТ-4 не отвечает, попытаюсь зондировать тучу радаром...

В полутемной рубке не слышно было даже дыхания. Все замерли. Изображение на экране не изменялось. Каменный хребет торчал из мрака, как остров, утонувший в чернильном океане. Высоко в небе угасали перистые, насыщенные золотом облака, солнечный диск уже касался горизонта, через несколько минут должно было стемнеть.

— ЛТ-8 — к базе! — снова послышался голос пилота, совершенно изменившийся за те несколько секунд, которые он молчал. — Радар фиксирует цельнометаллическое препятствие. Прием!

— База — к ЛТ-8! Переключить радарное изображение на телеэкран. Прием.

Экран потемнел, погас, мгновение горел голубым светом, потом позеленел, вздрагивая миллиардами вспышек.

— Эта туча — сплошной металл, — сказал, вернее выдохнул кто-то за плечами Рохана.

— Язон! — крикнул астрогатор. — Есть здесь Язон?

— Есть, — вышел из группы ученых нуклеоник.

— Могу я это подогреть?.. — спокойно спро-

сил астрогатор, показывая на экран, и все его поняли.

Язон помедлил с ответом.

— Надо бы предупредить ЛТ-4, чтобы максимально увеличил радиус поля...

— Без глупостей, Язон! Нет связи...

— До четырех тысяч градусов... с небольшим риском...

— Благодарю. Блар, микрофон! Первый — к ЛТ-8, подготовить лазеры, цель — туча, малая мощность, до биллиэрга в эпицентре, непрерывный огонь по азимуту!

— ЛТ-8 — к базе, непрерывный огонь до биллиэрга, — ответил немедленно пилот.

Некоторое время все оставалось по-прежнему. Потом что-то сверкнуло, и центральная, заполняющая низ экрана часть тучи изменила цвет. Сначала она как-то размазалась, потом покраснела и закипела; образовалось что-то вроде воронки с пылающими стенками, в которую вливались как будто засасываемые соседние клубы тучи. Вдруг это движение остановилось, туча разошлась огромным кольцом, открыв в образовавшемся окне хаотическое нагромождение скал. Только в воздухе носилась еще мелкая черная пыль.

— Первый — к ЛТ-8! Снизиться на дистанцию максимальной эффективности огня.

Пилот повторил приказ. Туча, окружающая неспокойным валом образовавшийся разрыв, пыталась его заполнить, но каждый раз, когда ее высовывающиеся щупальца охватывал блеск огня, втягивала их обратно. Так продолжалось несколько минут. Долго это длиться не могло. Астрогатор не решался ударить в тучу всей мощностью излучателя, где-то в ее глубине находилась вторая машина. Рохан сообразил, на что рассчитывает Хорпах: он надеялся, что машина выскочит в очищенную зону. Но она не появлялась. ЛТ-8 висел теперь почти неподвижно, поражая ослепляющими ударами лазеров бурлящие края черного круга. Небо над машиной было еще довольно светлым, но скалы под ней медленно затягивала тьма. Солнце заходило.

Неожиданно сгущавшиеся в долине тени полыхнули зловещим заревом. Красновато-бурое облако взрыва покрыло саваном весь экран. Видны были только сливающиеся в одно целое тени, в глубине которых клокотал огонь. Это туча, чем бы она ни была, атаковала первую, плененную ею машину и, охваченная страшным жаром, сгорала в ее силовой защите.

Рохан взглянул на астрогатора, который стоял как мертвый, с неподвижным лицом, залитым колеблющимся отблеском зарева. Черное кипение и свирепствующий в его глубине пожар занимали центр экрана. Лишь в отдалении был виден высокий пик, залитый пурпуром, охваченный холодным багрянцем последних солнечных лучей. Тем более невероятным было то, что делалось внутри тучи. Рохан ждал. Лицо астрогатора не выражало ничего. Но он должен был принять решение: либо приказать верхней машине, чтобы она шла на помощь другой, либо, предоставив ЛТ-4 самой себе, продолжать разведку на северо-запад.

Внезапно произошло нечто непонятное. То ли пилот нижней, окруженной тучей машины потерял голову, то ли на ней случилась какая-то авария, но вдруг черный водоворот пронзила вспышка, центр которой ослепительно сверкал, длинные полосы разодранной взрывом тучи разлетелись во все стороны, а ударная волна была настолько сильной, что изображение заколыхалось, повторяя вынужденные прыжки ЛТ-8. Потом тьма вернулась, стала плотнее, и, кроме нее, ничего не было видно.

Астрогатор нагнулся и сказал что-то радисту

так тихо, что Рохан не услышал его слов, но радист тотчас же почти закричал:

— Приготовить антипроны! Полную мощность на тучу, непрерывный огонь!

Пилот повторил приказ. В этот момент один из техников, следивших за боковым экраном, на котором было видно все, что делалось за машиной, закричал:

— Внимание! ЛТ-8! Вверх! Вверх!!!

С запада, из свободного до сих пор пространства, со скоростью урагана мчалось вращающееся черное облако. Мгновение назад оно еще было боковой частью тучи, но вдруг оторвалось от нее и, таща за собой вытянувшиеся рукава, начало круто забираться вверх. Пилот, который заметил это на какую-то долю секунды раньше техника, рванулся в вертикальную свечу, набирая высоту, но туча гналась за ним, выбрасывая в небо черные щупальца. Пилот переносил огонь с одного из них на другой; ближайший черный клубок, получив удар в лоб, раздвоился, стал тоньше, вдруг изображение начало дрожать. В этот момент, когда часть тучи уже входила в поток радиоволн, ухудшая связь машины с базой, пилот в первый раз использовал излучатель антиматерии. Казалось, вся атмосфера планеты превратилась в

море огня; пурпурный свет захода исчез, словно его сдуло, сквозь зигзаги помех еще мгновение видна была туча и дымящиеся над ней столбы, которые белели, распухая, и тут другой, еще более страшный взрыв обрушил потоки разъяренного огня на исчезающий в клубах дыма и пара хаос скал. Но это было последнее, что увидели в рубке; в следующую секунду изображение распалось, по нему пробежала судорога разрядов и оно исчезло. Только пустой белый экран горел в затемненной рубке, и от этого лица всматривающихся в него людей казались смертельно бледными.

Хорпах приказал радистам вызывать обе машины, а сам перешел с Роханом, Язоном и остальными в соседнюю, навигационную каюту.

— Чем является, по-вашему, эта туча? — спросил он без всякого вступления.

— Она из металлических частиц. Что-то вроде взвеси, управляемой на расстоянии из какого-то центра, — сказал Язон.

— Гаарб?

— Я тоже так думаю!

— Есть какие-нибудь предложения? Нет? Тем лучше. Главный инженер, какой суперкоптер в лучшем состоянии — наш или с «Кондора»?

— Оба исправны, командир. Но за наш я руча-

юсь больше.

— Отлично. Рохан, вы хотели, если не ошибаюсь, выйти из-под силового зонтика... Такой случай вам представится. Возьмете несколько человек, двойной комплект автоматов, контурные лазеры и антипроны... Есть у нас еще что-нибудь? — Никто не ответил. — Ну, ладно, пока ничего более совершенного, чем антиматерия, не изобретено... Стартуете в четыре тридцать одну, в момент восхода солнца, и попробуйте найти тот кратер на северо-востоке, о котором говорил Реньяр в последнем донесении. Там сядете в открытое силовое поле. По дороге прошу поражать все на максимальной дистанции. Никаких ожиданий, наблюдений, экспериментов. Никакого ограничения мощности поражения. Если потеряете связь со мной, прошу продолжать выполнение задачи. Когда найдете кратер, садитесь, но осторожно, чтобы не свалиться на голову людям... Я допускаю, что они где-то в этом районе... — Он показал по карте, занимавшей всю стену. — В этой заштрихованной красным зоне. Это только эскиз, но ничего лучшего у меня нет.

— Что я должен делать после посадки? Должен ли я их искать?

— Это вы решите сами. Прошу только помнить

об одном: никаких целей вы не должны поражать уже в радиусе пятидесяти километров от этого места, так как внизу могут быть наши люди.

— Никаких наземных целей?

— Вообще никаких. До этой границы, — одним движением астрогатор разделил территорию, показанную на карте, на две части, — можете использовать свои средства уничтожения наступательно. За этой линией можете защищаться только силовым полем. Язон? Сколько может выдержать поле суперкоптера?

— Даже миллионы атмосфер на квадратный сантиметр.

— Что значит «даже»? Вы что, продаете его мне? Я спрашиваю сколько? Пять миллионов? Двадцать?

Хорпах говорил совершенно спокойно: такого настроения командира больше всего боялись на корабле. Язон откашлялся:

— Поле было испытано на два с половиной...

— Вот это другое дело. Слышите, Рохан? Если туча сдавит вас до этих пределов, отступайте, бегите. Лучше вверх. Впрочем, всего я предусмотреть не могу... — Он взглянул на часы. — Через восемь часов после старта буду вызывать на всех волнах. Если это не даст результата, попробуем

наладить связь либо через спутники, либо оптически. Будем передавать морзянку лазером. Я еще не слышал, чтобы и это не дало результата. Но попробуем предвидеть больше того, о чем мы слышали. Если и лазеры не помогут, через три часа вы должны возвращаться обратно. Если меня здесь не будет...

— Вы собираетесь стартовать?

— Не прерывайте меня, Рохан. Нет. Не собираюсь. Но не все зависит от нас. Если меня здесь не будет, прошу выйти на околопланетную орбиту. Вы уже делали это на суперкоптере?

— Да, два раза на дельте Лиры.

— Хорошо. Значит, вы знаете, что это несколько сложно, но вполне осуществимо. Орбита должна быть стационарной; ее точные параметры перед стартом вам сообщит Стром. На орбите вы будете меня ждать тридцать шесть часов. Если я не дам о себе знать за это время, возвращайтесь на планету. Отправляйтесь на «Кондор» и попробуйте привести его в порядок. Я представляю, насколько это трудно. Тем не менее никаких других перспектив у вас не будет. Если вам удастся проделать этот фокус, возвращайтесь на базу и представьте рапорт обо всем, что произошло. У вас есть какие-нибудь вопросы?

— Да. Могу ли я пытаться установить контакт с теми... с тем центром, который управляет тучей, если мне удастся его отыскать?

— Это я оставлю на ваше усмотрение. Во всяком случае, риск должен оставаться в разумных пределах. Я, естественно, ничего не знаю, но мне кажется, что этот центр не находится на поверхности планеты. Кроме того, его существование вообще кажется мне проблематичным...

— Но почему? Разве...

— Мы ведь постоянно прослушиваем пространство во всем диапазоне электромагнитных волн. Если бы кто-нибудь управлял тучей при помощи излучения, мы бы зарегистрировали соответствующие сигналы.

— Центр мог находиться в самой туче...

— Возможно. Не знаю. Язон, может существовать какой-нибудь способ связи на расстоянии, не использующий электромагнитных излучений?

— Вы хотите знать мое мнение? Нет. Нет таких способов.

— Ваше мнение?.. А о чем ином я мог бы спрашивать?

— То, что я знаю, не равноценно тому, что существует. Что может существовать. Мы таких способов не знаем. Это все.

— Телепатия... — заметил кто-то из стоящих сзади.

— На эту тему ничего не могу сказать, — сухо отозвался Язон. — Во всяком случае, в исследованных областях космоса ничего подобного не обнаружено.

— Мы не можем тратить время на бесплодную дискуссию. Берите своих людей, Рохан, и подготовьте суперкоптер. Параметры орбиты через час вам вручит Стром. Коллега Стром, прошу вас рассчитать стационарную орбиту с пятитысячным апогеем.

— Хорошо.

Астрогатор приоткрыл дверь рубки:

— Тернер, как там? Ничего?

— Ничего, командир. Только помехи. Много помех, и ничего больше.

— Никаких следов эмиссионного спектра?

— Никаких следов...

«Это значит, что ни одна из машин не использует уже своего оружия, что они прекратили борьбу, — подумал Рохан. — Если бы они защищались огнем лазеров или хотя бы только индукционными излучателями, приборы «Непобедимого» обнаружили бы это на расстоянии нескольких сотен километров».

Рохан был слишком захвачен драматической ситуацией, чтобы беспокоиться по поводу полученного задания. Впрочем, на это у него просто не хватило бы времени. Ночью он ни на секунду не сомкнул глаз; нужно было проверить все устройства суперкоптера, заправить его дополнительными тоннами топлива, погрузить продукты и оружие, — в общем, к назначенному часу едва успели. Семидесятитонная двухэтажная машина поднялась в воздух, вздымая тучи песка, когда краешек багрового солнечного диска выглянул из-за горизонта, и рванулась прямо на северо-восток. Сразу же после старта Рохан набрал высоту пятнадцать километров: в стратосфере он мог развить максимальную скорость; кроме того, там было меньше шансов встретить черную тучу. Так он, во всяком случае, думал. Может, он был прав или ему просто повезло, но, так или иначе, не прошло и часа, а они уже садились в засыпанный песком кратер, дно которого еще покрывал мрак.

Прежде чем бьющие вниз струи горячих газов подняли в воздух фонтаны песка, наблюдатели сообщили в навигационную рубку, что в северной части кратера они заметили что-то подозрительное. Тяжелая машина задержалась, слегка вздрагивая, словно на невидимой натя-

нутой пружине, и с высоты пятисот метров был проведен внимательный осмотр этого места.

На пепельно-рыжем фоне на экране виднелись маленькие прямоугольники, геометрически правильно расположенные вокруг большого, серо-стального. Одновременно с Гаарбом и Балмином, которые были с ним у пульта управления, Рохан узнал машины экспедиции Реньяра. Они сели без промедления, не слишком далеко, соблюдая все предосторожности. Телескопические ноги коптера не перестали еще пружинить, сжимаясь в мерных приседаниях, когда был спущен трап и две разведывательные машины, защищенные подвижным силовым полем, двинулись в путь. Внутри кратер напоминал миску с выщербленными краями. Центральная горка вулкана была покрыта черно-бурой скорлупой лавы.

Преодоление полутора километров — таким приблизительно было расстояние — заняло у разведки несколько минут. Радиосвязь была отличной. Рохан разговаривал с Гаарбом, который находился в головном транспортере.

— Подъем кончается, сейчас их увидим, — несколько раз повторил Гаарб. Через мгновение он крикнул: — Есть! Вижу их!!!

И спокойнее:

— Кажется, все в порядке. Раз, два, три, четыре — все машины на местах. Но почему они стоят на солнце?

— А люди? Вы их видите? — допытывался Рохан, стоя, зажмурив глаза перед микрофоном.

— Да. Там что-то шевелится... это двое людей... о, еще один... и кто-то лежит в тени... Я их вижу, Рохан!

Голос его отдалился. Рохан слышал, как он говорит что-то своему водителю, потом послышался тупой звук, свидетельствовавший, что выпущена дымная ракета. Голос Гаарба снова усилился:

— Я их поприветствовал... дым отнесло немного в их сторону... сейчас он рассеется... Ярг... что там? Что?! Эй!.. Эй!..

Его крик заполнил всю кабину и оборвался. Рохан различал слабеющий рокот моторов, потом он утих, слышен был звук шагов, какие-то неясные, приглушенные расстоянием призывы, один, другой окрик, потом стало тихо.

— Алло! Гаарб! Гаарб! — повторил он переставшими слушаться губами.

Шаги по песку приблизились, в репродукторе зашипело.

— Рохан! — раздался изменившийся, запыхавшийся голос Гаарба. — Рохан! То же самое, что

с Кертеленом! Бесчувственные, нас не узнают, ничего не говорят... Рохан, вы меня слышите?

— Слышу... Все так?..

— Кажется... Еще не знаю. Ярг и Тернер ходят от одного к другому...

— Как, а поле?..

— Поле выключено. Его нет... Не знаю... Очевидно, выключили...

— Какие-нибудь следы борьбы?..

— Нет, ничего. Все машины в порядке... А они лежат, сидят, их можно трясти... Что? Что там?

Рохан услышал неясный звук, прерванный протяжным стоном. Он стиснул зубы, но не мог справиться с отвратительной тошнотой, скрутившей ему внутренности...

— Великое небо, это Гралев! — раздался вопль Гаарба. — Гралев! Дружище! Ты меня не узнаешь?!

Его дыхание, усиленное приборами, заполнило вдруг всю кабину.

— Он тоже... — Гаарб вздохнул, помолчал мгновение, как бы собираясь с силами. — Рохан... Я не знаю, сможем ли мы сами... Их всех нужно забрать отсюда. Пришлите мне еще людей...

— Сейчас.

Через час кошмарная процессия остановилась

под металлическим корпусом суперкоптера. Из двадцати двух человек, отправившихся в экспедицию, осталось только восемнадцать; судьба остальных четырех была неизвестна. Большинство отнеслось к переезду спокойно, не сопротивляясь, но пятерых пришлось взять силой, так как они не хотели покидать места, где их нашли. Пять носилок отнесли в импровизированный лазарет, оборудованный в нижнем отсеке. Остальных тринадцать мужчин, производивших ужасное впечатление каменными, похожими на маски лицами, отправили в отдельное помещение, где они позволили уложить себя в постели. Нужно было их раздеть, снять с них ботинки, — они были беспомощны, как новорожденные. Рохан, немой свидетель этой сцены, стоя в проходе между шеренгами коек, заметил, что, в то время как большинство найденных сохраняет мертвое пассивное спокойствие, немногие — те, которых пришлось привести силой, — плачут и орут жуткими голосами.

Он оставил пострадавших под опекой врача, а сам отправил на поиски исчезнувших всю технику, какой располагал. Теперь, вместе с машинами Реньяра, ее было много. Он едва успел выслать последнюю группу, как радист вызвал его в каби-

ну: установилась связь с «Непобедимым».

Рохан даже не удивился, что это удалось. Казалось, его уже ничто не могло удивить. Он коротко сообщил Хорпаху обо всех происшествиях.

— Кого недостает? — спросил астрогатор.

— Самого Реньяра, Бенигсена, Коротки и Мида. Что с самолетами? — в свою очередь поинтересовался Рохан.

— Нет никаких сведений.

— А туча?..

— Утром я послал патруль. Он вернулся через час назад. Никаких следов тучи...

— Ничего? Вообще ничего?

— Ничего.

— И самолетов?

— Ничего.

Гипотеза Лауды

Доктор Лауда постучал в каюту астрогатора, вошел и увидел, что тот разглядывает фотограмметрическую карту.

— Что там? — не поднимая головы, спросил Хорпах.

— Я хотел вам сказать...

— Это срочно? Через пятнадцать минут старт.

— Не знаю. Мне кажется, я начинаю понимать, что тут происходит.

Астрогатор отложил циркуль. Их глаза встретились. Биолог был не моложе командира. Странно, что ему еще позволяли летать. Видно, для него это было важно. Он походил скорее на старого механика, чем на ученого.

— Вам так кажется, доктор? Слушаю.

— В океане есть жизнь, — сказал биолог. — В океане есть, а на суше — нет.

— Почему же? На суше тоже была жизнь. Ведь Балмин нашел следы...

— Да. Но им больше пяти миллионов лет. Потом все, что жило на суше, погибло. То, что я скажу, звучит фантастично, и, собственно говоря, у меня

нет никаких доказательств. Но это так. Предположите, что когда-то, миллионы лет назад, здесь сел корабль из другой системы. Возможно, из района Новой. — Лауда говорил теперь немного быстрее, но спокойно. — Мы знаем, что перед вспышкой дзеты Лиры шестую планету системы населяли разумные существа. Они имели высокоразвитую цивилизацию технологического типа. Предположим, что здесь сел разведывательный корабль лирян и что произошла катастрофа. Какой-нибудь несчастный случай, в результате которого погиб весь экипаж. Ну, скажем, взрыв двигателей, цепная реакция... Во всяком случае, на корабле, севшем на Регисе, не было ни одного живого существа. Уцелели только... автоматы. Не такие, как наши. Не человекоподобные. Лиряне, вероятно, тоже не были человекоподобны. Итак, автоматы уцелели и покинули корабль. Это были высокоспециализированные гомеостатические механизмы, способные существовать в тяжелейших условиях. Не было никого, кто отдавал бы им приказы. Та их часть, которая с точки зрения структуры мышления наиболее походила на лирян, возможно, пыталась отремонтировать корабль, хотя в образовавшейся ситуации это не имело смысла. Но ведь вы знаете, ремонтный

робот будет ремонтировать то, что должен, не интересуясь, нужно это кому-нибудь или нет. Однако потом взяли верх другие автоматы. Они отделились от тех, высокоорганизованных. Может быть, на них пытались нападать представители местной фауны. Тут существовали ящероподобные пресмыкающиеся, следовательно, были и хищники, а хищник определенного типа атакует все, что двигается. Автоматы начали с ними бороться и победили. Этой борьбе они должны были научиться. Они преобразовались так, чтобы как можно лучше приспособиться к господствующим на планете условиям. Ключевым моментом здесь, по моему мнению, было то, что эти автоматы обладали способностью производить другие, в зависимости от потребностей. Так, скажем, для борьбы с летающими ящерами понадобились летающие механизмы. Никакие конкретные детали мне, конечно, не известны. Просто именно так я вообразил бы себе подобную ситуацию в условиях естественной эволюции. Возможно, здесь не было летающих ящеров, возможно, были роющие пресмыкающиеся, подземные. Не знаю. Факт тот, что с течением времени эти механизмы приспособились к внешним условиям достаточно хорошо и им удалось

подавить все формы животного мира планеты. Растительного тоже.

— Растительного тоже? Как вы это объясняете?

— Я мог бы предложить даже несколько гипотез, но предпочитаю этого не делать. Впрочем, я не сказал еще самого главного. В процессе своего существования на планете, так сказать, потомки первых механизмов через какое-то количество сотен поколений перестали быть похожими на тех, которые дали им жизнь, то есть на продукты лирянской цивилизации. Понимаете? Это значит, что началась мертвая эволюция. Эволюция механических устройств. Что является основным принципом гомеостаза? Выжить в изменившихся условиях, даже в наиболее враждебных, в самых тяжелых. Для дальнейших форм этой эволюции самоорганизующихся механических систем главная опасность исходила не со стороны местных животных или растений. Они должны были изыскать источники энергии и материалов, из которых могли бы производить запасные части и целые организмы. Развилось что-то вроде горной промышленности, поиски металлических руд. Первоначально их предки, которые прибыли на этом гипотетическом корабле, несомненно, питались лучистой энергией. Но на Регисе вообще нет

радиоактивных элементов, значит, этот источник энергии был для них потерян. Им пришлось искать иной. Острый энергетический кризис был неизбежен, и я думаю, что тогда дело дошло до взаимной борьбы между этими устройствами. Просто до борьбы за существование. Ведь на ней и основана эволюция. На селекции. Устройства, находящиеся с точки зрения интеллекта на высоком уровне, но не приспособленные к жизни, положим, из-за размеров, которые требовали большого количества энергии, не могли выдержать конкуренции с менее развитыми, но более экономными и более эффективными с энергетической точки зрения.

— Постойте. Не будем говорить о фантастичности, но ведь в эволюции, в эволюционной борьбе выигрывает всегда существо с более развитой нервной системой, не правда ли? В этом случае вместо нервной была, скажем, электрическая, но принцип-то остается тот же...

— Это верно, но только по отношению к однородным организмам, образовавшимся на планете естественным способом, а не прибывшим откуда-то извне.

— Не понимаю.

— Просто биохимические условия функциони-

рования существ на Земле всегда были и до сих пор остаются совершенно одинаковыми. Водоросли и амебы, растения и животные, низшие и высшие построены из почти одинаковых клеток, имеют почти одинаковый — белковый — обмен веществ, и в результате такого ровного старта отличительным признаком становится тот, о котором вы говорили. Это не единственное отличие, но во всяком случае одно из важнейших. Но здесь было иначе. Наиболее развитые из механизмов, которые оказались на Регисе, черпали энергию из собственных радиоактивных источников, а более простые устройства, какие-нибудь небольшие ремонтные системы, могли работать от солнечных батарей. Это давало им огромное преимущество...

— Но те, развитые выше могли отобрать солнечные батареи... А впрочем, куда ведет наш спор? Может, не стоит обсуждать это, Лауда?..

— Нет, это очень важная вещь, командир, очень важное обстоятельство, поскольку, по моему мнению, тут дело дошло до мертвой эволюции чрезвычайно своеобразного характера, вызванной исключительными условиями, редким стечением обстоятельств. Короче говоря, я вижу это так: в эволюционной борьбе победили два

вида устройств — наиболее эффективно уменьшавшиеся в размерах и другие — неподвижные. Первые дали начало этим самым черным тучам. Лично я думаю, что это очень маленькие псевдонасекомые, способные соединяться в случае необходимости, ради каких-то общих интересов, в большие системы. Как раз в виде туч. Так шла эволюция подвижных механизмов. Оседлые же образовали тот странный вид металлической вегетации, которые представляют развалины так называемых «городов».

— Значит, по-вашему, это не города?

— Ну, конечно. Это никакие не города, а лишь большие колонии оседлых механизмов, неживых существ, способных к размножению и черпающих солнечную энергию посредством своеобразных органов... Ими, как я предполагаю, являются треугольные пластины...

— Значит, вы считаете, что этот «город» развивается и дальше?

— Нет. У меня сложилось впечатление, что по каким-то неизвестным причинам «город», вернее «металлический лес», проиграл борьбу за существование и сейчас представляет собой только ржавеющие обломки. Уцелела всего одна форма — движущиеся механизмы, которые завоевали

всю сушу планеты.

— Почему?

— Не знаю. Я проделал различные подсчеты. Возможно, в течение последних трех миллионов лет солнце Регриса III остывало быстрее, чем раньше, так что большие оседлые «организмы» уже не могли получать от него достаточного количества энергии. Но это только туманное допущение.

— Предположим, что все именно так, как вы говорите. Допускаете ли вы, что эти «тучи» имеют какой-то управляющий центр на поверхности или под поверхностью планеты?

— Думаю, что ничего подобного не существует. Возможно, эти микромеханизмы сами становятся таким центром, каким-то «мертвым мозгом», когда соединяются определенным способом. Может быть, раздельное существование для них более выгодно. Они составляют отдельные рои, благодаря этому могут постоянно находиться в солнечных лучах, либо двигаться за грозовыми тучами, — не исключено, что они черпают энергию из атмосферных разрядов. Но в момент опасности или, шире, внезапного изменения, которое грозит их существованию, объединяются...

— Что-то, однако, должно вызвать эту реакцию объединения. Впрочем, где находится во время

«роения» необычно сложная память обо всей системе? Ведь электронный мозг «умнее» любого из своих элементов, Лауда. Как же эти элементы умудряются после разделения снова вскочить на нужное место? Для этого каким-то образом должна была бы возникнуть схема всего мозга.

— Не обязательно. Достаточно, чтобы каждый элемент «помнил», с какими другими элементами он непосредственно соединялся. Скажем, элемент номер один определенными поверхностями должен соединиться с шестью другими элементами; каждый из них «знает» то же самое о себе. Таким образом, количество информации, содержащееся в отдельном элементе, может быть ничтожно мало, но зато достаточно сигнала типа «Внимание! Опасность!», как образуются нужные контакты и мгновенно образуется «мозг». Но это, конечно, лишь примитивная схема. Я думаю, дело обстоит гораздо сложнее... Такие элементы наверняка довольно часто уничтожаются, что, однако, не отражается на деятельности целого...

— Ладно! У нас нет времени, чтобы вдаваться в детали. Видите ли вы какие-то конкретные выводы для нас из своей гипотезы?

— В определенном смысле да, но негативные. Миллионы лет механической эволюции — это

явление, с каким до сих пор человек в Галактике не встречался. Прошу вас обратить внимание на основную проблему. Все известные нам машины служат не себе самим, но кому-то. Таким образом, с человеческой точки зрения совершенно бессмысленным является существование металлических «лесов» Регеса или его железных «туч». Правда, так же «бессмысленны», например, кактусы в земной пустыне. Суть дела в том, что автоматы хорошо приспособились к борьбе с живыми существами. Я думаю, что они убивали только в самом начале этой борьбы, когда на суше бурлила жизнь: расход энергии на убийства оказался неэкономичным. Поэтому они используют другие методы, результатом чего была и катастрофа «Кондора», и случай Кертелена, и, наконец, выход из строя группы Реньяра...

— Что это за методы?

— Я не знаю точно, на чем они основаны. Могу лишь высказать свое личное мнение: случай Кертелена — это уничтожение почти всей информации, какую содержит мозг человека. То же наверняка относится и к животным. Искалеченные таким образом живые существа, естественно, должны погибать... Этот способ быстрее, проще и экономичнее убийства... Мой вывод, увы, весьма

пессимистичен. Пожалуй, это еще слабо сказано... Мы находимся в положении неизмеримо худшем, чем они, и одновременно по нескольким причинам. Во-первых, живое существо убить гораздо легче, чем испортить мертвое устройство. Дальше, они эволюционировали в таких условиях, что им приходилось одновременно бороться и с живыми существами, и со своими металлическими «братьями» — с разумными автоматами. Они вели войну одновременно на два фронта, победив все приспособительные механизмы живых существ и весь интеллект разумных машин. Результатом этой многолетней борьбы должны быть необыкновенный универсализм и совершенство средств уничтожения. Боюсь, что для победы над ними нам пришлось бы всех их уничтожить — а это почти невозможно.

— Вы так думаете?

— Да. Конечно, при соответствующей концентрации средств можно было бы уничтожить всю планету... Но это ведь не является нашей задачей, не говоря уже о том, что у нас просто не хватит сил. Ситуация эта единственная в своем роде, поскольку — как я ее вижу — интеллектуально мы сильнее. Эти механические существа не представляют какой бы то ни было разумной

силы, просто они великолепно приспособлены к внешним условиям... К уничтожению всего, что разумно, а также всего, что живет. Сами же они мертвые... Поэтому то, что для них еще безопасно, для нас может быть смертельно...

— Но откуда у вас уверенность, что они не обладают разумом?

— Я мог бы уйти от ответа, сослаться на незнание, но скажу вам: если я вообще в чем-то уверен, так именно в этом. Почему они не представляют разумной силы? Да имей они разум, они бы давно с нами расправились. Если вы мысленно переберете все происшедшее на Регисе с момента нашей посадки, то заметите, что они действуют без всякого стратегического плана. Нападают от случая к случаю.

— Но... способ, которым они нарушили связь между Реньяром и нами, затем атака на разведывательные машины...

— Они просто делают то, что делали тысячелетия... Ведь те, высшие автоматы, которые они уничтожили, наверняка сообщались друг с другом с помощью радиоволн. Сделать обмен информацией невозможным, нарушить связь-это было одной из первых их задач. Решение напрашивалось само, трудно придумать лучший экран,

чем металлическая туча. А теперь? Что мы должны делать дальше? Мы должны охранять себя и наши автоматы, наши машины, без которых мы были бы ничем, они же имеют полную свободу маневра, имеют практически неисчерпаемые источники регенерации, могут размножаться, если мы уничтожим какую-то часть их; при этом на них не действуют никакие средства, опасные для живого... Становятся необходимы наиболее мощные наши средства: удары антиматерией... Но уничтожить всех их таким способом невозможно. Вы заметили, как они поступают при нападении? Просто рассыпаются... Кроме того, мы должны постоянно находиться под защитой, что ограничивает наши возможности, а они могут свободно дробиться, передвигаться в любом направлении... И если бы мы их разбили на этом континенте, переберутся на другие. Но в конце концов это не наша задача — уничтожить их. Я считаю, что мы должны улететь.

— Ах, вот как!

— Да. Поскольку своими противниками мы имеем создания мертвой эволюции, наверняка апсихичные, то не можем решать проблемы в категориях мести либо расплаты за «Кондор», за судьбу его команды. Это все равно что отхлестать

океан, утопивший корабль и людей...

— В том, что вы говорите, было бы много верного, если бы все обстояло именно так, — произнес вставая Хорпах. Он оперся руками на исчерченную карту. — Но в конце концов это только гипотеза, а мы не можем вернуться с гипотезами. Нам нужна уверенность. Не месть, а уверенность. Точный диагноз, точные факты. Как только мы их установим, как только я буду иметь в контейнерах образцы этой летающей механической фауны, — если она действительно существует, — я сразу же соглашусь, что здесь нам больше делать нечего. Тогда уже делом Базы будет устанавливать дальнейший образ действий. Кстати говоря, нет никакой гарантии, что эти создания, оставшись на планете, не будут развиваться так, что в конце концов не начнут угрожать космическим полетам в этом районе Галактики.

— Если бы это и случилось, то не раньше чем через сотни тысяч, а скорее, через миллионы лет. Я все же опасаюсь, что вы рассуждаете так, словно мы стоим лицом к лицу с мыслящим противником. Повторяю, это не так. То, что когда-то было инструментом разумных существ, после их исчезновения получило самостоятельность и по истечении миллионов лет стало частью при-

родных сил планеты. Жизнь осталась в океане, так как туда не распространяется механическая эволюция, но она не дает выхода формам этой жизни на сушу. Этим объясняется умеренное содержание кислорода в атмосфере — его выделяют океанские водоросли. Этим же объясняется и вид поверхности континентов. Они пустынны, так как эти существа ничего не строят, не создают никакой цивилизации, никаких ценностей, не имеют вообще ничего, кроме самих себя... Поэтому мы должны расценивать их как силу природы. Природа тоже не делает никаких оценок, не создает ценностей. Эти творения просто являются сами собой, существуют и действуют так, чтобы это существование продолжалось...

— Как вы объясняете гибель самолетов? Их ведь охраняло силовое поле...

— Силовое поле можно уничтожить другим силовым полем. Впрочем, чтобы уничтожить в доли секунды всю память, содержащуюся в мозгу человека, нужно мгновенно возбудить вокруг его головы магнитное поле такой напряженности, какое трудно было бы реализовать даже нам средствами, которые есть у нас на борту. Для этого потребовались бы гигантские преобразователи, трансформаторы, электромагниты...

— И вы думаете, что они все это имеют?

— Ну, конечно же, нет! Они ничего не имеют. Это просто кирпичики, из которых в зависимости от потребности строится то, что необходимо. Приходит сигнал: «Опасность!» Появилось нечто, вызвавшее какие-то изменения, например изменение электростатического поля... Летающий рой немедленно образует «туче-мозг», и просыпается его общая «память»: такие существа уже были, с ними боролись так-то, это привело к их уничтожению... И этот образ действия повторяется...

— Хорошо, — сказал Хорпах, который уже некоторое время не слушал старого биолога. — Старт откладывается. Соберем совещание. Я предпочел бы этого не делать, намечается большая дискуссия, ученые страсти разгорятся, но иного выхода не вижу... Через полчаса в главной библиотеке, доктор Лауда...

— Пусть меня убедят, что я ошибаюсь, и тогда на борту появится человек, действительно удовлетворенный... — спокойно сказал Лауда и так же тихо, как вошел, покинул каюту.

Хорпах выпрямился, прошел к стенному информатору и, нажав кнопку внутренней переговорной сети, вызвал по очереди всех ученых.

Как оказалось, большинство специалистов

предполагало примерно то же, что и Лауда; он был лишь первым, кто сформулировал свое мнение категорично. Споры разгорелись только вокруг проблемы психичности или апсихичности «тучи». Кибернетики скорее склонялись к мнению, что это мыслящая система, обладающая способностью к определенной стратегии. На Лауду нападали резко. Хорпах понимал, что горячность этих атак вызвана не столько гипотезой Лауды, сколько тем, что он не обсудил ее предварительно с коллегами, а пришел прямо к нему самому. Несмотря на все узы, объединившие их с экипажем, ученые образовывали, однако, что-то вроде «государства в государстве» и придерживались определенного неписаного кодекса поведения.

Главный кибернетик Кронотос поинтересовался, каким образом, по мнению Лауды, «туча», лишенная интеллекта, научилась атаковать людей.

— Но это же просто, — ответил биолог. — Она ничего другого не делала в течение миллиона лет. Я имею в виду борьбу с первоначальными обитателями Регеса. Это были животные, обладавшие центральной нервной системой. Туча научилась атаковать их точно так же, как земное насекомое атакует жертву. И делает это с той же

точностью, с какой оса умудряется впрыснуть яд в нервные узлы кузнечика или жука. Это не интеллект, это инстинкт...

— А откуда она «знала», как атаковать самолеты? С самолетами ведь до сих пор она не встречалась...

— Этого мы не можем знать, коллега. Они дрались, как я уже сказал, на два фронта. И с живыми обитателями Регриса, и с мертвыми, то есть с другими автоматами. Им приходилось использовать различные виды энергии для обороны и нападения...

— Но если среди них не было летающих...

— Я догадываюсь, что имеет в виду доктор Лауда, — заметил заместитель главного кибернетика Зорахан. — Эти большие автоматы, макроавтоматы, сообщались друг с другом с целью кооперации, и легче всего уничтожить их можно было с помощью изоляции, разделения, а лучший способ для этого — блокирование связи.

— Речь идет не о том, можно ли объяснить отдельные варианты поведения «тучи» без использования версии ее «разумности», — ответил Кронотос, — ведь нас не ограничивает бритва Оккама. Нашей задачей, по крайней мере сейчас, является создание не такой гипотезы, которая

наиболее эффективно объяснила бы все, а такой, которая обеспечивала бы максимальную безопасность действий. Поэтому правильнее признать, что «туча» может обладать разумом, это более осмотрительно. В этом случае мы будем действовать осторожнее. Если же мы вслед за Лаудой примем, что она разумом не обладает, а в действительности она его имеет, — мы можем заплатить за такую ошибку страшной ценой... Я говорю не как теоретик, но прежде всего как стратег...

— Не знаю, кого ты хочешь победить — «тучу» или меня, — спокойно ответил Лауда. — Я не выступаю за неосторожность, но «туча» не обладает разумом иного типа, нежели насекомое, а точнее, не столько одиночное насекомое, сколько, скажем, муравейник. В противном случае нас бы уже не было.

— Докажи.

— Мы не являлись для них первым противником типа homo, она уже имела с ним дело: напоминаю, что перед нами здесь сел «Кондор». Так вот, чтобы проникнуть под силовое поле, этим микроскопическим «мушкам» достаточно было зарыться в песок. Поле кончается у его поверхности. Они знали силовые поля «Кондора»

и, следовательно, могли научиться приемам нападения. Но ничего подобного не сделали. Либо «туча» глупа, либо она действует инстинктивно.

Кронотос не хотел отступать, но тут вмешался Хорпах, предлагая прекратить дискуссию. Он просил вносить конкретные предложения на основании того, что установлено с большой вероятностью. Нигрен спросил, нельзя ли экранировать людей, надевая металлические шлемы, которые уничтожают воздействие магнитного поля. Однако физики пришли к выводу, что это не даст результата, так как очень сильное магнитное поле создаст в металле вихревые токи, которые разогреют шлемы до высокой температуры. Когда начнет припекать, не будет другого выхода, как только сорвать шлем с головы и подставить себя под удар.

Была уже ночь. Хорпах в одном углу зала разговаривал с Лаудой и врачами, отдельно сгруппировались кибернетики.

— Все-таки невероятно, что существа более разумные, макроавтоматы, не одержали победы, — сказал кто-то из ученых. — Это было бы исключение, подтверждающее правило, что эволюция идет в направлении усложнения, усовершенствования гомеостаза... Вопросы информации, ее

использования...

— Эти автоматы не имели шансов именно потому, что уже с самого начала были так высоко развиты и сложны, — ответил Зорахан. — Пойми, они были очень специализированы, приспособлены для сотрудничества со своими конструкторами, лирянами, а когда лирян не стало, они остались как бы искалеченными, лишенными руководства. В то же время формы, из которых образовались сегодняшние «мушки» (я совсем не утверждаю, что они существовали уже тогда, даже считаю это исключенным — они должны были образоваться значительно позднее), те формы были относительно примитивны и поэтому имели перед собой много дорог для развития.

— Возможно, был еще более важный фактор, — добавил доктор Сакс, подошедший к кибернетикам. — Мы имеем дело с механизмами, а механизмы никогда не проявляют таких тенденций к регенерации, как живое существо, живая ткань, воспроизводящая себя после повреждения. Макроавтомат, если даже он и мог исправить другой, нуждался для этого в инструментах, в целом машинном парке. Достаточно было отрезать их от таких инструментов, чтобы ослепить. То-

гда они стали почти беззащитной жертвой этих летающих созданий, которые испортить было гораздо труднее...

— Очень интересно! — воскликнул вдруг Зорахан. — Из этого следует, что автоматы нужно строить совершенно иначе, чем мы это делаем, чтобы они были действительно универсальными: нужно исходить из маленьких элементарных кирпичиков, из псевдоклеток, которые будут взаимозаменяемы...

— Это не так уж ново, — усмехнулся Сакс, — именно по такому пути пошла эволюция живых форм, и не случайно. И то, что «туча» состоит из таких взаимозаменяемых элементов, тоже наверняка не случайно. Это вопрос материала: поврежденный макроавтомат требует частей, изготовить которые можно только имея высокоразвитую промышленность; система же, состоящая из пары кристаллов, или термисторов, или иных простых элементов, такая система может быть уничтожена, и ничего не случится — ее просто заменит одна из миллиарда аналогичных...

Видя, что сейчас от ученых многого ждать не приходится, Хорпах покинул собравшихся, они этого даже не заметили, увлеченные дискуссией.

Командир отправился в рубку, чтобы сообщить группе Рохана о гипотезе «мертвой эволюции». Было уже темно, когда «Непобедимый» установил связь с суперкоптером, находящимся в кратере. К аппарату подошел Гаарб.

— У меня осталось только семь человек, — сказал он. — Из них два врача при этих несчастных. Остальные сейчас спят, кроме радиста... Да... полная силовая защита... Рохан еще не вернулся.

— Еще не вернулся? А когда он выехал?

— Около шести пополудни. Забрал семь машин и остальных людей, одиннадцать человек... Мы договорились, что он вернется после захода... Солнце зашло десять минут назад.

— У вас есть с ним радиосвязь?

— Связь потеряна час назад.

— Гаарб! Почему же вы немедленно не сообщили мне?

— Рохан предупредил, что на некоторое время связь прервется, так как он забирается в одно из глубоких ущелий. Их склоны обросли металлическим свинством, которое так экранирует, что практически на связь надеяться нельзя...

— Прошу сообщить мне сразу же, как только Рохан вернется... Он за это ответит... Так мы скоро всех можем потерять...

Астрогатор говорил что-то еще, но его прервал возглас Гаарба:

— Они подъезжают, командир! Я вижу свет, это Рохан... Раз, два... Нет, только одна машина... Сейчас я все узнаю...

— Жду.

Гаарб, увидев огни фар, ползущие низко над землей, то освещавшие лагерь, то упиравшиеся в неровности почвы, схватил ракетницу и дважды выстрелил вверх. Этого было достаточно, чтобы все спящие вскочили на ноги. Тем временем машина описала дугу, радист открыл проход в энергетической стене, и в обозначенную голубыми светлячками щель вкатился запыленный вездеход и подъехал к холмику, на котором стоял суперкоптер. К своему ужасу Гаарб узнал маленькую, рассчитанную на трех человек амфибию командира группы. Вместе с остальными людьми он побежал к машине. Не успела она остановиться, как из нее выпрыгнул человек в разодранном комбинезоне, с лицом, настолько испачканным грязью и кровью, что Гаарб не узнал его, пока тот не заговорил.

— Гаарб... — простонал человек, хватая ученого за плечи, ноги его подгибались.

— Что случилось? Где остальные?

— Нет... их... никого... — прошептал Рохан и, потеряв сознание, повис на руках подбежавших людей.

К полуночи врачам удалось привести его в чувство. Лежа под алюминиевой оболочкой барака в кислородной палатке, он рассказал то, что получасом позднее Гаарб передал на «Непобедимый».

Группа Рохана

Колонна, которую вел Рохан, состояла из двух больших энергоботов, четырех вездеходов и маленькой амфибии. В ней находился сам Рохан вместе с Яргом и боцманом Тернером. Они двигались строем, соответствующим инструкции третьей степени. Впереди шел энергобот, за ним — амфибия Рохана, потом вездеходы, в каждом из которых находилось по два человека, и замыкал колонну второй энергобот, вместе с первым защищавший всю группу пузырем силового поля.

Рохан решился на это путешествие, поскольку еще в кратере удалось с помощью «электроскопов» — ольфактометрических индикаторов — обнаружить следы четырех исчезнувших людей. Было ясно, что если их не удастся найти, они погибнут от голода или жажды, блуждая в скалах, более беспомощные, чем дети.

Первые километры группа прошла, руководствуясь показателями индикаторов. Около семи часов у входа в одно из широких и мелких в этом месте ущелий обнаружили следы, четко отпечатавшиеся в мягком иле, оставленном высохшим

потоком. Три следа хорошо сохранились, четвертый был неясным, его размыла вода, слабо струящаяся вдоль камней. Следы с характерным рисунком, свидетельствующим о том, что их оставили люди из группы Реньяра, направлялись в глубину ущелья и немного дальше исчезали на камнях. Но это не испугало Рохана, так как он видел, что склоны становятся все более крутыми. Вскарабкаться по этой крутизне пораженным амнезией людям было не по силам. Рохан рассчитывал, что скоро найдет их в глубине ущелья, скрывавшегося за крутыми поворотами.

После короткого совещания колонна двинулась дальше и вскоре добралась до места, где на склонах росли странные, необычайно густые металлические «кусты». Это были приземистые, высотой от одного до полутора метров образования. Они торчали из забитых черноватым илом трещин обнаженной скалы. Сначала они появлялись по одному, по два, а затем слились в монолитную гущу, ржавый, щетинистый слой, покрывавший склоны ущелья почти до самого дна, где, спрятавшись под камнями, сочилась тоненькая ниточка воды.

Между «кустами» виднелись отверстия пещер. Из одних струились тонкие ручейки, другие ка-

зались сухими. В те пещеры, отверстия которых находились низко, пробовали заглядывать, освещая их прожекторами. В одной из пещер нашли довольно много мелких, наполовину залитых капавшей со свода водой треугольных кристалликов. Целую горсть их Рохан сунул в карман. Потом они проехали еще с полкилометра вверх по ущелью, делавшемуся все более крутым. Пока что гусеницы машин хорошо справлялись с уклоном, а так как в двух местах снова удалось обнаружить следы ботинок в засохшем по берегам ручейка иле, Рохан не сомневался, что они едут в нужном направлении. После одного из поворотов радиосвязь с суперкоптером значительно ухудшилась. Рохан приписал это экранирующему действию металлических зарослей. По обеим сторонам ущелья, местами почти вертикально, возносились стены, сплошь покрытые похожими на жесткий черный мех проволочными зарослями.

Проехали через двое довольно широких каменных ворот, — это заняло много времени, так как техникам поля пришлось очень осторожно уменьшать радиус защиты, чтобы не задеть за скалы. Скалы были рыхлые, разъеденные эрозией, и каждый энергетический удар, вызванный случайным соприкосновением поля со скальным

массивом, мог вызвать лавину. Они боялись, конечно, не за себя, а за пропавших товарищей, которых такой обвал — если они находились поблизости — мог поранить или убить.

Прошло около часа после того, как прервалась радиосвязь, когда на экранах магнитных индикаторов появились частые вспышки. Пеленгаторы, казалось, вышли из строя, и при попытках выяснить, откуда поступают импульсы, показывали все стороны света одновременно. Только с помощью индикаторов напряженности и поляризаторов удалось установить, что источником переменного магнитного поля являются заросли, покрывающие стены ущелья. Лишь тогда заметили, что здесь заросли выглядят иначе, чем в оставшейся позади части ущелья: пропал ржавый налет, кусты стали выше, больше и словно еще чернее, их стержни или ветви были облеплены странными утолщениями. Рохан решил не заниматься их исследованием: не следовало рисковать, открывая силовое поле.

Поехали немного быстрее, импульсометры и магнитные индикаторы показывали все более разнородную активность. Подняв глаза, можно было увидеть, как кое-где над поверхностью черной чащи дрожит воздух, словно нагретый до

высокой температуры, а за вторыми каменными воротами, над кустами, появились едва заметные облачка, похожие на разлетающийся дым. Но это происходило так высоко, что в природе облачков нельзя было разобраться даже с помощью бинокля. Правда, Ярг, одаренный очень острым зрением, утверждал, что эти «дымки» выглядят как рой маленьких насекомых.

Рохан уже начал слегка беспокоиться — путешествие длилось дольше, чем он ожидал, а конца крутому ущелью все еще не было. Они снова поехали быстрее, дорогу больше не преграждали нагромождения камней на дне потока. Поток исчез, спрятавшись под осыпью; только когда машины останавливались, в наступившей тишине чуть слышался шелест невидимой воды.

За очередным поворотом появились третьи каменные ворота, гораздо более узкие, чем те, которые они миновали. Измерив их, техники сообщили, что проехать с включенным полем невозможно (поле не могло приобретать любую произвольную форму, а всегда представляло собой вариант тела вращения). До сих пор им удавалось протиснуться сквозь сужения ущелья, предельно сжимая силовое поле, но теперь ничего не выходило. Рохан посоветовался с физиком

Томаном и обоими техниками, и они вместе решили, что рискнут проскочить, на мгновение разорвав силовую защиту. Первый энергобот должен был проехать с выключенным эмиттером и сразу же снова его включить, создав спереди поле в виде выпуклого диска. Во время движения сквозь узкий проход четырех вездеходов и амфибии Рохана они оставались бы без защиты только сверху, замыкающий колонну энергобот, миновав ворота, соединил бы свою энергетическую полусферу с полем первого.

Все шло по плану, и последний из вездеходов уже проезжал между каменными столбами, когда воздух странно, беззвучно всколыхнулся, словно где-то рядом рухнула скала, щетинистые стены ущелья задымились, из них выползла черная туча и с сумасшедшей скоростью ринулась на колонну. Рохан, который решил пропустить сначала вездеходы и в этот момент как раз намеревался двинуться следом за ними, увидел черный выброс на склонах ущелья и яркую вспышку впереди, где клубы атакующей тучи горели в поле первого энергобота. Но большая часть тучи пронеслась над защитой и упала на машины. Рохан крикнул Яргу, чтобы тот немедленно запустил задний энергобот и соединил его

поле с передним, — в этой ситуации опасность каменной лавины уже не имела значения; Ярг попытался выполнить приказ, но безрезультатно. Вероятно, как решил потом главный инженер, перегрелись клистроны приборов. Если бы Ярг подержал аппаратуру под током еще несколько секунд, поле бы, несомненно, возбудилось, но он потерял голову и, вместо того чтобы попробовать еще раз, рванулся из машины. Рохан вцепился в его комбинезон, но охваченный страхом Ярг вывернулся и помчался вниз по ущелью. Когда Рохан дотянулся до приборов, было уже поздно.

Люди, захваченные врасплох, выпрыгивали из вездеходов и разбегались во все стороны, почти невидимые в клубящихся лохмотьях тучи. Все это выглядело настолько неправдоподобным, что Рохан даже не пытался что-нибудь сделать (впрочем, это было и невозможно — включив поле, он убил бы своих товарищей, которые карабкались на склоны, как будто искали защиты в металлической чаще). Он пассивно стоял в машине, ожидая своей судьбы. За его спиной Тернер, высунувшись по пояс из своей башенки, бил из спаренных лазеров вверх, но этот огонь не имел никакого значения, так как большая часть тучи была уже слишком близко. От остальных

машин Рохана отделяло не больше шестидесяти метров. В этом пространстве метались и катались по земле как бы охваченные черным пламенем несчастные люди. Наверное, они кричали, но их крик, как и все другие звуки, вместе с урчанием переднего энергобота, на силовом поле которого все еще сгорали в дрожащих вспышках мириады нападающих, тонул в протяжном басовом гудении тучи.

Рохан все еще стоял, наполовину высунувшись из своей амфибии, даже не пробуя в ней укрыться, не оттого, что в нем пробудилась смелость отчаяния, а, как он сам рассказывал после, просто потому, что об этом — как, впрочем, и ни о чем другом — не думал.

Это зрелище, забыть которое он не мог, — люди под черной лавиной — вдруг поразительно изменилось. Люди перестали кататься по камням, убегать, карабкаться на откосы. Они медленно вставали или садились, а туча, разделившись на несколько воронок, образовала над каждым как бы локальный смерч, который одним прикосновением окружал туловище или только голову человека. Потом туча снова слилась воедино и, волнуясь, завывая, начала подниматься все выше между стенами ущелья, заслонив свет вечернего

неба, с протяжным слабеющим шумом заползла в скалы, растворилась в черных джунглях и исчезла. И только маленькие черные пятнышки, разбросанные между неподвижными фигурами, подтверждали реальность того, что произошло здесь мгновение назад.

Рохан, все еще не веря в собственное спасение и не понимая, чем его объяснить, поискал глазами Тернера. Но башенка была пуста; боцман, очевидно, выскочил из нее, — непонятно, как и когда. Рохан увидел его лежащим поодаль, с лазерами, приклад которых он все еще прижимал к плечу, глядя перед собой немигающим взглядом.

Рохан выбрался из машины и начал бегать от одного пострадавшего к другому. Они его не узнавали. Ни один из них не отозвался. Большинство казались спокойными, они ложились на камни или садились на них, двое или трое встали и, подойдя к машинам, начали ощупывать их медленными неловкими движениями слепых. Рохан увидел, как превосходный радиооператор, приятель Ярга, Дженлис, с полуоткрытым ртом, словно дикарь, увидевший машины первый раз в жизни, потрогал ручку дверцы вездехода.

В следующий момент Рохан понял, что означала округлая дыра, выжженная в одной из

переборок рулевой рубки «Кондора». Он стоял на коленях перед Балмином и встряхивал его за плечи с силой отчаяния, будто был убежден, что таким образом удастся привести ученого в чувство, как вдруг около самой его головы мелькнула струя фиолетового пламени. Это один из пострадавших, сидевший немного поодаль, вытащил из кобуры свой излучатель Вейра и случайно нажал на спуск. Рохан крикнул, но человек не обратил на него никакого внимания. Возможно, блеск понравился ему, как фейерверк ребенку, он начал стрелять, опорожняя атомный магазин, так что воздух зашипел от жары и Рохану, который упал на землю, пришлось втиснуться в камни. В этот момент послышался частый топот, и из-за поворота выбежал запыхавшийся, с лицом, залитым потом, Ярг. Он бежал прямо на сумасшедшего, развлекавшегося стрельбой.

— Стой! Ложись! — заорал Рохан, но, прежде чем Ярг успел сообразить, в чем дело, разряд с силой ударил его в левое плечо, в воздухе мелькнула оторванная рука и из страшной раны хлынула кровь. Стрелявший этого даже не заметил, а Ярг, с безмерным удивлением взглянув на окровавленное плечо, медленно повернулся и упал. Человек с вейром встал; Рохан видел, как

непрерывная струя пламени разогревшегося излучателя выбивала пахнущие дымом кремнезема искры из камней. Человек двигался неуверенно, движения его были словно у младенца, держащего погремушку. Огонь пронзил воздух между двумя сидящими рядом людьми, которые даже не зажмурились, мгновение — и один из них получил бы весь заряд в лицо. Рохан — это было не принятое сознательно решение, а инстинкт — вырвал из кобуры свой вейр и выстрелил. Человек ударил себя с размаху согнутыми руками в грудь, его оружие стукнулось о камень, а сам он рухнул лицом вниз.

Рохан вскочил. Становилось все темнее. Нужно было как можно скорее отвезти всех пострадавших на базу. В его распоряжении оставалась только маленькая амфибия; он хотел воспользоваться вездеходом, но оказалось, что два из них столкнулись в самом узком месте скального коридора и растащить их можно было только краном. Оставался задний энергобот, на который Рохан мог взять максимум пятерых, а их было девять. Он подумал, что лучше всего собрать их всех вместе, связать, чтобы они не могли никуда уйти или покалечиться, включить поле обоих энергоботов, а самому ехать за подмогой.

В амфибию он не хотел брать никого, она была совершенно беззащитна, и в случае нападения он предпочитал рисковать только собой.

Уже совсем стемнело, когда Рохан кончил эту жуткую работу; правда, никто не сопротивлялся. Он отвел задний энергобот, вывел на свободное пространство амфибию, установил оба эмиттера, дистанционно включил защиту, оставив внутри нее всех пострадавших, а сам двинулся в обратный путь.

Итак, на двадцать седьмой день после посадки почти половина команды «Непобедимого» была выведена из строя.

Поражение

Как каждая правдивая история, рассказ Рохана был странным и нескладным. Почему туча не атаковала ни его, ни Ярга? Почему она не трогала Тернера до тех пор, пока он не покинул амфибию? Почему Ярг сначала убежал, а потом вернулся?

На последний вопрос ответить было сравнительно легко: вернулся, когда вышел из панического состояния и сообразил, что от базы его отделяет около пятидесяти километров, которые не пройти пешком с имевшимся у него запасом кислорода.

Остальные вопросы оставались загадкой. Ответ на них мог стать делом жизни или смерти для всех людей. Но догадки и гипотезы уступили необходимости действовать.

Хорпах узнал о судьбе группы Рохана послу полуночи, а через полчаса он стартовал. Перебросить космический крейсер из одной точки в другую, отдаленную всего на двести километров, задача не из простых. Корабль необходимо вести все время с относительно небольшой скоростью, стоящим вертикально на огне, что

вызывает огромный расход топлива. Двигатели, не приспособленные к такой работе, требовали непрерывного вмешательства электронных автоматов, и все равно стальной колосс плыл, слегка раскачиваясь, словно его несла поверхность плавно волнующегося моря. Наверное, это было бы неплохое зрелище для наблюдателя, стоящего на поверхности планеты, — еле различимый в облаке бушующего пламени силуэт, летящий сквозь мрак, как огненная колонна. Удерживать нужный курс было нелегко. Пришлось подняться над атмосферой, потом снова войти в нее, кормой вперед, все это требовало от астрогатора полного внимания, тем более что кратер, который они искали, прятался под тонкой пеленой туч. Наконец, еще до рассвета, «Непобедимый» опустился в кратер, в двух километрах от старой базы Реньяра; суперкоптер, машины и бараки тотчас же были накрыты силовым полем звездолета, а хорошо оснащенная спасательная группа около полудня привезла всех уцелевших людей Рохана. Под лазарет пришлось занять два дополнительных помещения. Только после этого ученые занялись тайной, которая спасла Рохана и — не вмешайся трагическая случайность — спасла бы и Ярга. Это было совершенно непонятно, так как оба они ни

одеждой, ни оснащением, ни внешним видом не отличались от остальных. Очевидно, не могло иметь значения и то, что в амфибии они были втроем с Тернером.

Одновременно перед Хорпахом встал вопрос о дальнейших действиях. Ситуация была настолько ясна, что они могли вернуться на Базу с данными, которые оправдывали бы их возвращение и объяснили трагический конец «Кондора». То, что больше всего интриговало ученых — металлические псевдонасекомые, их симбиоз с механическими «растениями», укрепившимися на скалах, наконец вопрос, можно ли говорить о «психике» тучи (а не было даже известно, существует одна туча или их много, и могут ли небольшие тучи объединяться в одно целое), — все это, вместе взятое, не заставило бы Хорпаха остаться на Регисе III ни часу более, если бы не исчезновение четверых людей из группы Реньяра.

Следы беглецов привели группу Рохана в ущелье. Никто не сомневался, что они погибнут там, даже если мертвые обитатели планеты оставят их в покое. Поэтому необходимо было прочесать окружающую территорию, так как несчастные могли рассчитывать только на помощь «Непобедимого».

Единственное, что удалось установить с разумным приближением, был радиус поисков: люди, затерявшиеся в районе гротов и ущелий, не могли отдалиться от кратера больше чем на несколько десятков километров. Кислорода в их приборах оставалось уже немного, но врачи уверяли, что, если они будут дышать воздухом планеты, — это наверняка не грозит им смертью, а в том состоянии, в котором находились беглецы, отравление растворенным в крови метаном, естественно, уже не имело никакого значения.

Территория поисков была не слишком большой, но исключительно трудной и плохо просматриваемой. Прочесывание всех закоулков, расщелин и пещер, даже при самых благоприятных условиях, могло продлиться недели. Под скалами извилистых ущелий, соединяясь с ними только кое-где, скрывалась другая система подземных коридоров и гротов, промытых водами. Пропавшие вполне могли находиться в каком-нибудь из таких укрытий, но не было уверенности даже в том, что их удастся обнаружить в одном месте: лишенные памяти, они были более беспомощны, чем дети, — те хоть держались бы вместе. Мощные сооружения «Непобедимого» и его технические средства мало могли помочь

в поисках. Самую надежную защиту — силовое поле — вообще нельзя было использовать в узких подземных коридорах. Итак, оставался выбор между немедленным возвращением, равнозначным смертному приговору для исчезнувших, и проведением рискованных поисков. Шансы на успех были реальны только в течение нескольких дней, до недели. Хорпах знал, что после этого можно будет обнаружить лишь останки этих людей.

Утром астрогатор вызвал специалистов, обрисовал им создавшееся положение и объявил, что рассчитывает на их помощь. В распоряжении ученых находилась горсточка металлических «насекомых», которую принес в кармане куртки Рохан. Их исследованием занимались почти сутки. Хорпах хотел знать, существуют ли какие-нибудь шансы обезвредить эти существа. Вновь встал вопрос: что спасло Ярга и Рохана от атаки тучи?

«Пленники» занимали во время совещания почетное место в закрытом стеклянном сосуде, стоявшем посреди стола. Их осталось всего десятка полтора, остальные были уничтожены в процессе изучения. Все эти создания обладали тройственной симметрией и напоминали фор-

мой букву Y, с тремя остроконечными плечами, соединяющимися в центральном утолщении. В падающем свете они казались черными, как уголь, в отраженном — переливались синим и оливковым цветом, как брюшки некоторых земных насекомых. Наружные их стенки состояли из очень мелких пластин, напоминающих грани бриллианта, а внутри «мушки» содержали одну и ту же микроскопическую конструкцию. Ее элементы, в сотни раз меньшие, чем зернышки песка, образовывали что-то вроде автономной нервной системы, в которой удалось различить две частично независимые друг от друга цепи.

Меньшая часть, занимающая внутренность плеч, представляла собой микроскопическую схему, заведующую движениями «насекомого», что-то вроде универсального аккумулятора и одновременно трансформатора энергии. В зависимости от способа, каким сжимали кристаллы, они создавали то электрическое, то магнитное поле, то переменные силовые поля, которые могли нагревать до относительно высокой температуры центральную часть; тогда накопленное тепло излучалось наружу однонаправленно. Вызванное этим движение воздуха, как реактивная струя, делало возможным движение в любом направ-

лении. Отдельный кристаллик не столько летал, сколько подпрыгивал, и не был, во всяком случае во время лабораторных экспериментов, способен точно управлять своим полетом. Несколько же кристалликов, соединяясь кончиками плеч друг с другом, образовывали систему с тем лучшими аэродинамическими показателями, чем больше их было.

Каждый кристаллик соединялся с тремя; кроме того, он мог соединяться концом плеча с центральной частью любого другого, что давало возможность образования многослойных комплексов. Соединение не обязательно требовало соприкосновения, кристалликам достаточно было сблизиться, чтобы возникшее магнитное поле удерживало все образование в равновесии. При определенном количестве насекомых система начинала проявлять многочисленные закономерности; могла в зависимости от того, как ее «дразнили» внешними импульсами, менять направление движения, форму, вид, частоту внутренних пульсаций; при определенных внешних условиях менялись знаки поля, и, вместо того чтобы притягиваться, металлические кристаллики отталкивались, переходили в состояние «индивидуальной россыпи».

Кроме цепи, заведующей такими движениями, каждый черный кристаллик содержал в себе еще одну схему соединений, вернее ее фрагмент, так как она, казалось, составляла часть какой-то большой структуры. Это высшее целое, вероятно возникающее только при объединении огромного количества элементов, и было истинным мотором, приводящим тучу в действие. Здесь, однако, сведения ученых обрывались. Они не ориентировались в возможностях роста этих сверхсистем, и уж совсем темным оставался вопрос об их «интеллекте». Кронотос допускал, что объединяется тем больше элементарных единиц, чем более трудную проблему им нужно решить. Это звучало довольно убедительно, но ни кибернетики, ни специалисты по теории информации не знали ничего соответствующего такой конструкции, то есть «произвольно разрастающемуся мозгу», который свои размеры примеряет к величине намерений.

Часть принесенных Роханом «насекомых» была испорчена. Остальные демонстрировали типовые реакции. Единичный кристаллик мог подпрыгивать, подниматься и висеть в воздухе почти неподвижно, опускаться, приближаться к источнику импульсов либо удаляться от него.

При этом он не представлял абсолютно никакой опасности, не выделял, даже при угрозе уничтожения (а исследователи пробовали уничтожить кристаллы химическими средствами, нагреванием, силовыми полями и излучением), никаких видов энергии, и его можно было раздавить как слабенького земного жучка — с той только разницей, что кристалло-металлический панцирь сокрушить было не так-то легко. Зато объединившись даже в сравнительно небольшую систему, «насекомые» начинали, при воздействии на них магнитным полем, создавать собственное поле, которое уничтожало внешнее, при нагревании стремились избавиться от излишка тепла инфракрасным излучением — а ведь ученые располагали лишь маленькой горсточкой кристалликов.

На вопрос астрогатора от имени «Главных» ответил Кронотос: ученые просили дать им время для дальнейших исследований, для которых желательно добыть возможно большее количество кристалликов. Поэтому они предлагали, чтобы в глубь ущелья была выслана экспедиция, которая преследовала бы две цели: поиски пропавших людей и сбор минимум нескольких десятков тысяч псевдонасекомых.

Хорпах согласился на это. Однако он считал, что рисковать людьми больше нельзя. В ущелье он решил послать машину, которая не принимала до сих пор участия ни в одной операции. Это был восьмидесятитонный вездеход специального назначения, обычно используемый лишь в условиях высокой радиоактивности, огромных давлений и температур. Машина эта, которую прозвали «циклопом», находилась на самом дне крейсера, наглухо закрепленная в подъемниках грузового люка. Обычно такие машины не использовались на планетах, а «Непобедимый» вообще никогда не приводил в движение своего циклопа; ситуации, которые требовали такой крайности, можно было — для всего действующего тоннажа Базы — пересчитать на пальцах одной руки. «Послать за чем-нибудь циклопа» — на космическом жаргоне значило примерно то же, что обратиться за помощью к дьяволу; о поражении какого-либо циклопа никто до сих пор не слышал.

Машину, извлеченную двумя подъемниками, установили на аппарели, где за нее взялись техники и программисты. Кроме обычной системы эмиттеров, создающих защитное поле, на циклопе был установлен шаровой излучатель

антиматерии; он мог выбрасывать антипротоны либо в каком-то одном направлении, либо во всех одновременно. Встроенная в днище система позволяла циклопу, благодаря интерференции силовых полей, подниматься на несколько метров над грунтом, так что он не зависел ни от местности, ни от колес или гусениц. В лобовой части было приспособление, через которое выдвигался ингаустер — что-то вроде телескопической «руки», которая могла выполнять местное бурение, брать пробы минералов и производить другие работы. Циклоп имел мощную радиостанцию и телепередатчик, а также электронный мозг, позволявший ему действовать автономно. Техники из группы инженера Петерсена ввели в этот мозг соответствующую программу: астрогатор считался с тем, что когда машина попадет внутрь ущелья, связь с ней может прекратиться. Машина получила два задания: найти пропавших (циклоп должен был накрыть их вторым, дополнительным защитным полем, затем открыть проход в первом и взять людей внутрь) и собрать побольше кристалликов.

Излучатель антиматерии разрешалось использовать лишь в случае крайней необходимости, если бы защитному силовому полю грозило

уничтожение: реакция аннигиляции угрожала жизни пропавших, — они могли находиться недалеко от места схватки.

Циклоп имел в длину восемь метров и был соответственно «широкоплеч» — поперечник корпуса составлял больше четырех метров. Если бы какая-нибудь расщелина оказалась для него недоступной, он мог расширить ее либо действуя «стальной рукой», либо расталкивая и сокрушая силовым полем. Но и выключение поля не могло ему повредить, поскольку его собственная керамито-ванадиевая броня обладала твердостью алмаза.

Внутри циклопа поместили автомат, который должен был заняться найденными людьми, для них также подготовили койки. Наконец, после проверки всех приборов и устройств, бронированный гигант удивительно легко соскользнул с аппарели и, словно уносимый невидимой силой — ни одна пылинка не поднялась в воздух, хотя он двигался быстро, — миновал голубые огни прохода в защитном поле «Непобедимого» и быстро исчез из виду.

Около часа радиотелевизионная связь между циклопом и рубкой не оставляла желать лучшего. Рохан узнал вход в ущелье, где произошло напа-

дение, по высокому, похожему на развалившуюся башню обелиску, частично закрывавшему щель в каменной стене. Скорость немного уменьшилась на большой каменной осыпи; стоящие у экранов слышали даже журчание ручейка, скрытого под камнями, настолько бесшумно работал атомный двигатель циклопа.

Связисты принимали изображение и звук до двух сорока, когда, пройдя плоскую и более доступную часть ущелья, циклоп оказался в лабиринте ржавой металлической чащи. Благодаря усилиям радиотехников в обе стороны удалось передать еще четыре сообщения, но пятое пришло уже с такими искажениями, что можно было только догадываться о его смысле: электронный мозг циклопа докладывал об успешном продвижении вперед.

В соответствии с разработанным планом Хорпах выслал с «Непобедимого» автоматический зонд, снабженный телепередатчиком. Зонд, круто взмыв в небо, исчез через несколько секунд. В рубку начали поступать его сигналы, одновременно появился показанный с высоты полутора километров живописный пейзаж: растерзанные скалы, покрытые пятнами ржавых и черных кустов. Через минуту они без труда заметили внизу

циклопа, который продвигался по дну большого ущелья, блестя как стальной кулак. Хорпах, Рохан и руководители специальных групп стояли у экранов рубки. Прием был хорошим, но они предвидели возможность его ухудшения или исчезновения, поэтому к старту подготовили еще несколько зондов. Главный инженер считал, что в случае нападения связь с циклопом пропадет наверняка, но во всяком случае можно будет наблюдать за его действиями.

Электронные глаза циклопа еще не могли этого обнаружить, но стоящие у экранов люди на широкой панораме, открывшейся перед ними, увидели, что всего несколько сотен метров отделяет машину от брошенных вездеходов, которые загораживали дальнейший путь. Циклоп должен был, выполнив свое задание, на обратном пути взять оба столкнувшихся вездехода на буксир.

Вездеходы выглядели сверху как зеленоватые коробочки; рядом с одним точкой виднелась обуглившаяся фигурка — труп безумца, убитого Роханом.

Перед самым поворотом, за которым торчали столбы каменных ворот, циклоп задержался и приблизился к почти достигающей дна ущелья гриве металлических зарослей. С напряженным

вниманием следили люди за его движениями. Циклоп открыл спереди силовое поле, чтобы сквозь узкую щель выдвинуть ингаустер, который, словно удлиняющийся орудийный ствол с зубастой горстью на конце, высунулся из своего гнезда, обхватил пучок кустов и, казалось, без всякого усилия вырвал их из каменного основания, потом машина отступила и сползла задом обратно на дно ущелья.

Операция прошла гладко. Через кружащийся над ущельем телезонд была установлена радиосвязь с мозгом циклопа, который сообщил, что «образец», роящийся от черных «насекомых», надежно закрыт в контейнере.

Циклопа от места катастрофы отделяло не больше ста метров. Один из энергоботов Рохана стоял, опершись бронированным задом о скалу, в самом узком месте прохода застряли сцепившиеся вездеходы, а дальше за ними находился второй энергобот; легкое дрожание воздуха свидетельствовало о том, что он все еще создает защитное поле. Циклоп сначала дистанционно выключил эмиттеры этого энергобота, а затем, увеличив мощность реактивной струи, поднялся высоко в воздух, быстро проплыл над неподвижными машинами и опустился на камни уже выше прохода.

И в этот момент кто-то из находящихся в рубке предостерегающе вскрикнул. Черная шерсть склонов задымилась и обрушилась волнами на земную машину с такой стремительностью, что в первый момент машина совершенно исчезла, словно закрытая наброшенным сверху плащом смолистого дыма. И тотчас всю толщину атакующей тучи пробила ветвистая молния. Циклоп не использовал своего страшного оружия, — это образованные тучей энергетические поля столкнулись с его силовой защитой. Теперь она как будто вдруг материализовалась, облепленная толстым слоем клубящейся тьмы, то распухала, как огромный пульсирующий шар лавы, то сжималась, и эта причудливая игра продолжалась довольно долго. У наблюдавших за ней сложилось впечатление, что скрытая от их глаз машина старалась растолкать мириады нападающих, которых становилось все больше и больше, так как все новые тучи целыми лавинами скатывались на дно ущелья. Уже исчез блеск защитной сферы, и только в глухой тишине продолжалась жуткая борьба двух мертвых, но могущественных сил. Вдруг форма тучи изменилась, теперь это было что-то вроде гигантского смерча, который возносился над вершинами самых высоких

скал. Зацепившись основанием за невидимого противника, смерч кружился километровым мальстремом, голубовато переливаясь при своем сумасшедшем вращении.

Никто не произнес ни слова; все понимали, что таким образом туча пытается смять силовой пузырь, в котором, словно зернышко в скорлупе, спряталась машина.

Рохан краем глаза заметил, как астрогатор уже открыл рот, чтобы спросить стоящего рядом с ним главного инженера, выдержит ли поле, но не спросил. Не успел.

Черный вихрь, склоны скал — все это исчезло в долю секунды. Казалось, на дне ущелья вспыхнул вулкан. Столб дыма, кипящей лавы, каменных обломков, наконец — огромное, окруженное вуалью пара облако возносилось все выше. Пар, в который, наверно, превратился журчащий поток, достиг полуторакилометровой высоты, где парил зонд. Циклоп привел в действие излучатель антиматерии. Никто из стоявших в рубке не шевельнулся, не произнес ни слова, но никто не мог сдержать чувства мстительного удовлетворения; оно было неразумно, но это не уменьшало его силы. Казалось, что наконец туча нашла достойного соперника. Всякая связь

с циклопом прекратилась с момента атаки, и теперь люди видели лишь то, что через семьдесят километров вибрирующей атмосферы доносили ультракороткие волны телезонда.

О битве, которая разразилась в замкнутом ущелье, узнали и те, кто был вне рубки. Часть команды, которая разбирала алюминиевый барак, бросила работу. Северо-восточный край горизонта посветлел, словно там должно было взойти второе солнце, более яркое, чем то, что висело в небе; потом это сияние погасил столб дыма, расплывающийся тяжелым грибом.

Техники, управляющие работой телезонда, вынуждены были увести его от огня схватки и поднять на четыре километра — только тогда он вышел из зоны резких воздушных потоков, вызванных взрывом. Скал, окружающих ущелье, косматых склонов, даже черной тучи, которая из них выползла, не было видно. Экраны заполнились кипящими полосами пламени и дыма, перечеркнутыми параболами сверкающих осколков; акустические индикаторы зонда передавали непрекращающийся грохот, словно значительную часть континента охватило землетрясение.

То, что чудовищная битва не кончилась, было удивительно. Через несколько десятков секунд

дно ущелья, все, что окружало циклопа, должно было приобрести температуру плавления, скалы оседали, падали, превращались в лаву. Ее багровый светящийся поток уже начал пробивать себе дорогу к выходу из ущелья, находящемуся в нескольких километрах от места схватки. Какое-то мгновение Хорпах раздумывал, не испортились ли электронные выключатели излучателя; казалось невозможным, чтобы туча продолжала атаку на такого страшного противника, но изображение, появившееся на экране, когда зонд по новому приказу поднялся еще выше, достигнув границы тропосферы, доказало, что он ошибается. Теперь поле зрения охватывало около сорока квадратных километров. На этой изрытой ущельями территории началось странное движение. Со скоростью, которая из-за отдаленности точки наблюдения казалась небольшой, с покрытых темными потеками склонов скал, из расщелин и пещер выплывали новые и новые черные клубы, поднимались высоко вверх, соединялись и, концентрируясь в полете, стремились к месту схватки. Какое-то время могло казаться, что обрушивающиеся в ее центр темные лавины задавят атомный огонь, задушат его, погасят своей массой, но Хорпах хорошо знал энергетические

резервы чудовища, сделанного руками людей.

Сплошной, оглушительный, ни на секунду не умолкающий гром, рвущийся из репродукторов, наполнил рубку. Одновременно три языка пламени километровой высоты навылет пробили массив атакующей тучи и стали медленно вращать ее, образовав что-то вроде огненной мельницы. Циклоп, по неизвестным причинам, начал пятится и, ни на мгновение не прекращая борьбы, медленно отступал к выходу из ущелья. Возможно, его электронный мозг считался с опасностью окончательного разрушения склонов, которые могли обрушиться на машину. Она, конечно, выбралась бы и из такого положения, но все же рисковала потерять свободу маневра. Так или иначе, но борющийся циклоп старался выйти на свободное пространство, и уже было непонятно в кипящих водоворотах, где огонь его излучателя, где дым пожара, где обрывки тучи, а где обломки обваливающихся скал.

Казалось, битва приблизилась к кульминации. В следующий момент произошло нечто невероятное. Экран вспыхнул, засверкал страшной ослепляющей белизной, покрылся оспой миллиардов взрывов, и в новом приливе антиматерии оказалось уничтоженным все, что окружало цик-

лопа. Воздух, обломки, пар, газы, дым — все это, превращенное в жесткое излучение, расколов надвое ущелье, замкнуло в объятия аннигиляции тучу и вылетело в пространство, словно извергнутое самой планетой.

«Непобедимый», которого от эпицентра этого чудовищного удара отделяло семьдесят километров, заколебался, транспортеры и энергоботы экспедиции, стоящие под аппарелью, оттащило в сторону, а через несколько минут со стороны гор примчался рычащий вихрь, опалил мгновенным жаром лица людей, ищущих укрытия за машинами, и, подняв стену клубящегося песка, погнал ее дальше, в огромную пустыню.

Какой-то обломок, очевидно, зацепил зонд, несмотря на то что он находился теперь в тридцати километрах от центра катаклизма. Связь не прервалась, но качество изображения резко ухудшилось, экран густо покрылся помехами. Прошла минута, и, когда дым немного осел, Рохан, напрягая глаза, увидел следующий этап борьбы.

Борьба не закончилась, как он решил за минуту до этого. Если бы атакующими были живые существа, избиение, которому они подверглись, наверно, заставило бы следующие шеренги повернуть вспять или хотя бы остановиться у ворот

огненного ада. Но мертвое боролось с мертвым, атомный огонь не угас. И тогда Рохан в первый раз понял, как должны были выглядеть битвы, когда-то разворачивавшиеся на пустынной поверхности Регеса III, в которых одни роботы сокрушали и уничтожали других, какими методами отбора пользовалась мертвая эволюция и о чем говорил Лауда, утверждавший, что псевдонасекомые победили, как наиболее приспособленные. Одновременно у него мелькнула мысль, что нечто подобное здесь уже происходило, что мертвая неуничтожимая, закристаллизованная, зафиксированная солнечной энергией память биллионной тучи должна содержать сведения о подобных схватках, что именно с такими отшельниками-одиночками, такими бронированными гигантами, с атомными мамонтами из рода роботов должны были сотни веков назад драться эти мертвые капельки, которые казались ничем рядом с пламенем все уничтожающих разрядов, пробивающих скалы навылет. То, что сделало возможным их существование, и стало причиной гибели огромных чудовищ, чьи плиты были распороты, как ржавые лохмотья, разметаны по огромной пустыне с засыпанными песком скелетами электронных, некогда чрезвычайно

точных механизмов — это какая-то неправдоподобная, не имеющая названия отвага, если можно применить такое слово к кристалликам гигантской тучи. Но какое другое слово он мог здесь применить? И невольно он не мог не восхититься ее дальнейшими действиями, вспоминая о гекатомбе, которую только что видел.

Туча продолжала атаку. Теперь над ее поверхностью на всем обозреваемом сверху пространстве слегка выступали отдельные, наиболее высокие пики. Все остальное, вся страна ущелий исчезла под разливом черных волн, мчащихся концентрическими кольцами со всех сторон горизонта, чтобы рухнуть в глубь огненной воронки, центром которой являлся невидимый за огненным трепещущим щитом циклоп. Этот оплаченный, казалось бы, бессмысленными жертвами напор не был, однако, лишен некоторых шансов на успех.

Рохан и все люди, теперь уже пассивно наблюдавшие зрелище, которое разворачивалось на экране, отдавали себе в этом отчет. Энергетические возможности циклопа практически неисчерпаемы, но, по мере того как продолжалась аннигиляция, несмотря на мощные защитные средства, несмотря на антирадиационное покры-

тие, маленькая часть звездных температур все же воспринималась излучателем, возвращалась к своему источнику, и внутри машины должно было становиться все жарче и жарче. Ни один человек уже давно не выдержал бы внутри циклопа. Наверное, его керамитовая броня вишнево светилась, но они видели под куполом дыма только голубой сгусток пульсирующего огня, который медленно полз к выходу из ущелья, так что место первой атаки тучи осталось на расстоянии трех километров к северу, обнажив свою ужасающую, спекшуюся, покрытую слоем шлака и лавы поверхность.

Хорпах приказал выключить репродукторы, до сих пор наполнявшие рубку оглушающим грохотом, и спросил Язона, что произойдет, когда температура внутри циклопа превысит предел устойчивости электронного мозга.

Ученый не колебался ни мгновения:

— Излучатель будет выключен.

— А силовое поле?

— Поле — нет.

Огненная битва перенеслась уже на равнину, к выходу из ущелья. Чернильный океан бурлил, разбухал, кружился и огромными скачками обрушивался в пылающий зев.

— Пожалуй, сейчас... — сказал Кронотос, всматриваясь в онемевшую, клубящуюся на экранах картину.

Прошла еще минута. Вдруг сияние огненной воронки резко ослабло. Туча закрыла его.

— Шестьдесят километров от нас, — ответил техник на вопрос Хорпаха.

Астрогатор объявил тревогу. Команда разбежалась по местам. «Непобедимый» втянул аппарель, пассажирский подъемник и захлопнул люки.

Экран снова вспыхнул. Огненная воронка появилась опять. На этот раз туча не атаковала. Как только ее обрывки, охваченные пламенем, посветлели, остальная часть начала отступать к ущельям, вползая в их залитый тенью лабиринт, и перед глазами людей предстал внешне совершенно целый циклоп. Он все еще пятился, очень медленно, продолжая жечь все, что было вокруг, — камни, песок, барханы.

— Почему он не выключает излучатель? — воскликнул кто-то.

Словно услышав эти слова, машина прекратила уничтожающий огонь, развернулась и, набирая скорость, помчалась в пустыню. Телезонд сопровождал ее на высоте. Вдруг люди увидели нитку огня, с огромной скоростью летящую в их лица,

и, еще не поняв, что циклоп выстрелил в зонд и что они видят полосу аннигилировавших на трассе выстрела частичек воздуха, инстинктивно отшатнулись, как бы испугавшись, что разряд вылетит из экрана и взорвется внутри рубки. Сразу же после этого изображение исчезло и экран опустел.

— Сбил зонд!!! — крикнул техник. — Командир...

Хорпах приказал запустить другой зонд. Циклоп был уже так близко от «Непобедимого», что они увидели его, едва зонд набрал высоту. Новая ниточка огня, и зонд уничтожен. Прежде чем изображение исчезло, они успели заметить собственный корабль; циклопа отделяло от него не больше десяти километров.

— С ума он сошел, что ли?.. — возбужденно сказал второй техник.

Эти слова как будто разрушили в мозгу Рохана какую-то преграду. Он взглянул на Хорпаха и понял: командиру пришла в голову та же мысль, что и ему. У него было такое впечатление, словно все его тело, голову наливал свинцом бессмысленный вязкий сон. Но приказы были отданы: командир распорядился запустить один за другим еще два зонда. Циклоп уничтожил их по

очереди, как снайпер, развлекающийся стрельбой по тарелочкам.

— Мне нужна вся мощность, — сказал Хорпах, не поворачивая головы от экрана.

Главный инженер, как пианист, берущий аккорд, ударил обеими руками по клавишам пульта.

— Стартовая мощность через шесть минут, — доложил он.

— Мне нужна вся мощность, — повторил Хорпах тем же тоном; в рубке стало так тихо, что слышно было пощелкивание реле за стенками приборов.

— Корпус реактора слишком охлажден, — начал главный инженер, и лишь тогда Хорпах повернулся к нему лицом и в третий раз, все так же, не повышая голоса, сказал:

— Мне нужна *вся* мощность.

Инженер молча протянул руку к главному выключателю. В глубине корабля раздался короткий рев сигнала тревоги, и, как далекая дробь барабана, ответил ему топот бегущих на боевые посты людей. Хорпах снова смотрел на экран. Никто ничего не говорил, но теперь все поняли, что невозможное случилось, — астрогатор готовился к бою с их собственным циклопом.

Стрелки приборов, поблескивая, стояли, как солдаты в шеренге. В окошках индикатора наличной мощности выскакивали пятизначные, а потом шестизначные числа. Где-то искрил контакт — в рубке запахло озоном. В задней части рубки техники, переговариваясь знаками, включили системы контроля.

Очередной зонд перед гибелью показал удлиненный лоб циклопа, переползающего через гряду скал; экран снова опустел, ослепляя серебряной белизной. Машина вот-вот должна была появиться в зоне непосредственной видимости; боцман радаристов ждал у прибора, выдвигавшего наружную носовую телекамеру над верхушкой корабля, благодаря чему можно было увеличить поле зрения. Техник связи запустил следующий зонд. Циклоп, похоже, не шел прямо к «Непобедимому», который, сжавшись, ожидал в полной боевой готовности за щитом силового поля. Из носовой части корабля равномерно вылетали телезонды.

Рохан знал, что «Непобедимый» может отразить заряд антивещества, но ударную энергию нужно было поглотить, растратив собственную энергию. Самым разумным в этой ситуации ему казалось отступление, то есть старт на стацио-

нарную орбиту. Он ожидал такого приказа, но Хорпах молчал, как будто рассчитывал на пробуждение электронного мозга циклопа. В самом деле, наблюдая из-под тяжелых век за движением темного силуэта, который бесшумно несся среди барханов, он спросил:

— Вызываете его?

— Так точно. Нет связи.

— Отдайте приказ: «Немедленно стоп».

Техники суетились около пультов. Два, три, четыре раза пробежали искорки огоньков под их руками.

— Он не отвечает, командир.

«Почему он не стартует? — не мог понять Рохан. — Не хочет признать поражения? Хорпах?! Что за чушь! Шевельнулся... Сейчас, сейчас отдаст приказ».

Но астрогатор только отступил на шаг.

— Кронотос!

Кибернетик подошел к нему.

— Я здесь.

— Что они могли с ним сделать?

Рохана поразила эта фраза. Хорпах сказал «они», как будто и вправду имел дело с мыслящим противником.

— Автономные контуры на криотронах, — на-

чал Кронотос, и чувствовалось, что его слова будут только предположением.

— Температура возросла, они утратили сверхпроводимость...

— Вы знаете, доктор, или пытаетесь угадать? — спросил астрогатор.

Это был странный разговор, все смотрели на экран, на котором, теперь уже без помощи зонда, был виден циклоп, двигающийся плавно, но не совсем уверенно. Он то и дело менял курс, словно еще не решил, куда именно ему идти. Несколько раз выстрелил в ненужный уже зонд, прежде чем сбил. Они видели, как зонд падал, похожий на яркую ракету.

— Единственное, что мне приходит в голову, — это резонанс, — сказал после секундного колебания кибернетик. — Если их поле перекрылось с частотой самовозбуждения мозга...

— А силовое поле?

— Силовое поле не экранирует магнитного.

— Жаль, — сухо заметил астрогатор.

Напряжение понемногу слабело, так как циклоп явно направлялся не к звездолету. Расстояние до него снова начало возрастать. Вырвавшись из-под власти человека, машина ушла в простор северной пустыни.

— Главный инженер займет мое место, — сказал Хорпах. — Остальных прошу вниз.

Длинная ночь

Рохана разбудил холод. Полусонный, он скорчился под одеялом, втискивая лицо в подушку. Попробовал закрыть лицо руками, но становилось все холоднее. Он знал, что должен проснуться, но почему-то оттягивал эту минуту. Ледяная струя ударила прямо в лицо. Он вскочил и, тихо ругаясь, на ощупь нашел кондиционер. Когда Рохан ложился, ему было так душно, что он передвинул регулятор на полное охлаждение.

Воздух маленькой каюты медленно теплел, но Рохан, полулежавший под одеялом, уже не мог заснуть. Он взглянул на светящийся циферблат наручных часов — три часа бортового времени. «Снова только три часа сна», — подумал он сердито. Ему все еще было холодно. Совещание длилось долго, разошлись около полуночи. «Столько разговоров впустую», — подумал он. Теперь, в этой темноте, он отдал бы все, чтобы снова очутиться на Базе, чтобы ничего не знать об этом проклятом Регисе III, о его мертвом и по-мертвому задуманном кошмаре. Большинство стратегов советовало выйти на орбиту, только главный инженер и

главный физик с самого начала склонялись к мнению Хорпаха, что нужно оставаться как можно дольше. Шансов найти четырех беглецов было ничтожно мало. Может быть, один на сто тысяч, а может, и меньше. Лишь значительное отдаление от места схватки могло спасти их от атомного ада, если они не погибли еще раньше. Рохан дорого бы дал за уверенность, что астрогатор не стартовал только из-за них, что не сыграли своей роли другие причины. Одно дело, как они все видели здесь, а другое дело, как бы все это представилось, облеченное в сухие строчки рапорта, в спокойной обстановке Базы, где нужно будет сказать, что утрачена половина основных машин, в том числе главное оружие — циклоп с излучателем антиматерии, отныне представляющий дополнительную опасность для каждого корабля, севшего на планету; что убитыми потеряно шесть человек, а половина людей в лазарете, причем эти люди на годы, а может, и навсегда выведены из строя. И что, потеряв людей, машины и лучшее снаряжение, пришлось бежать — а чем же иным было бы теперь возвращение, как не обычным бегством — от микроскопических кристалликов, мертвого наследства лирянской цивилизации, которую так давно превзошла земная! Но разве

Хорпах стал бы принимать это во внимание? Может быть, он и сам толком не знал, почему не стартует? Может, рассчитывал на что-нибудь? Но на что?

Правда, биологи предложили победить «насекомых» их собственным оружием. Поскольку этот вид эволюционировал, рассуждали они, можно взять в руки дальнейшую эволюцию. Необходимо прежде всего подвергнуть значительное количество захваченных экземпляров мутациям, наследственным изменениям определенного типа. В процессе размножения они перейдут в последующие поколения и сделают безопасной всю эту кристаллическую расу. Это изменение должно быть очень частным, таким, которое даст немедленный результат и одновременно создаст в новом виде ахиллесову пяту, слабое место, куда можно будет ударить. Но все это было типичной болтовней теоретиков, они не имели понятия, какая это должна быть мутация, какое изменение, как его осуществить, как захватить большое количество этих проклятых кристалликов, не вступая с ними в очередную битву, в которой можно было потерпеть поражение, более тяжелое, чем вчерашнее. А если бы даже все удалось, как долго пришлось бы ждать эффекта?

Во всяком случае, не день и не неделю. Так что же, крутиться вокруг Регриса, как на карусели, год, два, а то и все десять лет?! Все это не имело никакого смысла.

Рохан чувствовал, что перехватил с кондиционером, снова стало слишком жарко. Он встал, отбросил одеяло, умылся, быстро оделся и вышел. Лифта не было. Он вызвал его и в полумраке, освещенном прыгающими огоньками информатора, ожидал, стоя с опущенной головой, ощущая в ней всю тяжесть недоспанных ночей и полных напряжения дней, и сквозь шум крови в висках вслушивался в ночную тишину корабля. Время от времени что-то бормотало в невидимых трубах, из нижних отсеков доносилось приглушенное ворчание работающих вхолостую двигателей, корабль все еще был в полной стартовой готовности. Из вертикальных колодцев по обеим сторонам платформы, на которой он стоял, тянуло сухим воздухом с металлическим привкусом. Двери разошлись, он ступил в лифт. В восьмом отсеке он вышел. Коридор, освещенный линией голубых ламп, поворачивал, повторяя изгиб корпуса. Рохан шел, сам не зная куда, инстинктивно поднимал повыше ноги в нужных местах, перешагивал высокие пороги герметических пе-

реборок, пока не заметил тени людей из команды главного реактора. В помещении было темно, только сверкали на щите лампочки индикаторов. Люди сидели под ними на разложенных креслах.

— Погибли, — сказал кто-то.

Рохан не узнал этого человека.

— Могу поспорить: в радиусе пяти миль была тысяча рентген. Их уже нет. Можешь быть спокоен.

— Так зачем же мы здесь сидим? — пробурчал другой.

Не по голосу, а по месту, которое занимал говоривший, — на гравиметрическом контроле — Рохан сориентировался, что это боцман Бланк.

— Старик не хочет возвращаться.

— А ты бы вернулся?

— А что еще можно сделать?

Тут было тепло, и в воздухе витал тот особенный аромат хвои, которым кондиционеры старались подавить запах от пластиков, разогревавшихся во время работы реактора. В результате возникла смесь, не имевшая аналогий вне пределов восьмого отсека. Рохан стоял, невидимый, прислонившись спиной к переборке. Он не прятался, просто ему не хотелось вмешиваться в разговор.

— Он может сейчас подобраться... — заговорил

кто-то после короткого молчания.

Лицо говорившего появилось на минуту, когда он наклонился вперед, — полурозовое, полужелтое от света контрольных лампочек, которыми щит реактора, казалось, смотрел на собравшихся под ним людей. Рохан, как и все остальные, сразу же понял, о ком идет речь.

— У нас есть поле и радар, — неохотно ответил боцман.

— Много тебе даст поле, если он подойдет на биллиэрг поражения.

— Радар его не подпустит.

— Кому ты это говоришь? Я-то знаю его, как собственный нож.

— Ну и что?

— То, что у него есть антирад. Системы помех...

— Но ведь он расстроен. Электронный псих...

— Ничего себе псих. Ты был в рубке?

— Нет. Я сидел здесь.

— То-то. А я был. Жаль, ты не видел, как он сшибал наши зонды.

— Значит, что же? Они его перестроили? Он уже под их контролем?

«Все говорят «они», — подумал Рохан. — Как будто это живые разумные существа...»

— А протон его знает. Кажется, нарушилась

только связь.

— Так чего ему по нас бить?

Снова стало тихо.

— Неизвестно, где он? — спросил тот, который не был в рубке.

— Нет. Последнее сообщение было в одиннадцать. Кралик мне говорил. Видели, как он крутился по пустыне.

— Далеко?

— А что, боишься? Километров полтораста отсюда. Для него это час ходу. Если не меньше.

— Может, хватит этого переливания из пустого в порожнее? — сердито вмешался боцман Бланк, чей резкий профиль показался на фоне разноцветных огоньков.

Все замолчали. Рохан медленно повернулся и удалился так же тихо, как и пришел. По дороге он миновал две лаборатории. В большой было темно, из маленькой сквозь иллюминатор, находившийся под потолком, в коридор падал свет. Рохан заглянул внутрь. У овального стола сидели только кибернетики и физики — Язон, Кронотос, Сарнер, Ливин, Зорахан. Еще кто-то, повернувшись к остальным спиной, в тени наклонной переборки программировал большой электронный мозг.

— ...есть два эскалационных решения, одно — аннигиляция, другое — самоуничтожение, остальные — планетного масштаба, — говорил Зорахан.

Рохан не переступил порога. Он снова стоял и подслушивал.

— Первое основано на возможности образования лавинного процесса. Нужен антимат, который войдет в ущелье и останется там.

— Один уже был... — сказал кто-то.

— Если у него не будет электронного мозга, он сможет работать, даже когда температура превысит миллион градусов. Нужен плазменный излучатель, плазма не боится звездных температур. Туча будет действовать так же, как и раньше, — постарается его уничтожить, войти в резонанс с управляющими контурами, но их не будет. Не будет ничего, кроме субъядерной реакции. Чем больше материи примет участия в реакции, тем более бурной она будет. Таким способом можно стянуть в одно место и аннигилировать всю некросферу планеты...

«Некросфера... — подумал Рохан. — Да, ведь кристаллики мертвые... Ученые... Всегда выдумают какое-нибудь красивое новое название».

— Мне больше нравится вариант с самоуни-

чтожением, — сказал Язон. — Но как вы себе это представляете?

— Ну, идея основана на том, чтобы сначала вызвать образование двух больших «тучемозгов», а потом столкнуть их. Нужно заставить тучи отнестись друг к другу, как к конкуренту в борьбе за существование...

— Это я знаю, но как вы хотите это сделать?

— Нелегко, конечно, но возможно, поскольку туча только псевдомозг, а значит, не способна рассуждать...

— Надежнее планетный вариант, с понижением среднего годового облучения... — заговорил Сарнер. — Достаточно четырех водородных зарядов по пятьдесят — сто мегатонн на каждое полушарие, всего максимум восемьсот... Воды океана испарятся, увеличится облачный покров, альбедо возрастет и оседлый симбионт не сможет доставлять нужного для размножения количества энергии...

— Расчеты базируются на непроверенных данных, — запротестовал Язон.

Видя, что начинается спор специалистов, Рохан отступил от двери и пошел дальше. Он возвращался к себе не на лифте, а по крутой стальной лесенке, которой обычно никто не пользовал-

ся. Он прошел несколько отсеков. Видел, как в ремонтном цехе люди Девре возились со сварочными аппаратами около больших, неподвижно чернеющих арктанов. Издалека заметил овальные иллюминаторы госпиталя, в которых горел фиолетовый притемненный свет. Какой-то врач в белом халате бесшумно прошел по коридору, за ним автомат нес набор поблескивающих инструментов. Рохан миновал пустую и темную кают-компанию, клуб, библиотеку, наконец очутился в своем отсеке, прошел каюту астрогатора и задержался, словно желая что-то подслушать, но из-за гладкой двери не вырвалось ни звука, ни луча света, а крышки иллюминаторов были плотно затянуты болтами с медными головками.

Только в каюте Рохан снова почувствовал усталость. Он весь обмяк, тяжело сел на койку, сбросил ботинки и, закинув руки за голову, улегся, глядя в слабо освещенный ночником низкий потолок с делящей его пополам трещинкой на голубом лаке. Он бродил по кораблю не из чувства долга, не из любопытства к разговорам и жизни других людей. Он просто боялся таких ночных часов, потому что мысленно видел картины, которые не хотел вспоминать. Самым тяжелым было воспоминание о человеке, которого он убил,

для того чтобы тот не убил других. Рохан должен был так поступить, но от этого не становилось легче. Он знал, что, если сейчас погасить свет, он снова увидит эту сцену, как тот, со слабой бессмысленной улыбкой идет за прыгающим в его руках стволом вейра, как перешагивает через лежащее на камнях тело без руки (этим мертвецом был Ярг, вернувшийся, чтобы после чудесного спасения так глупо погибнуть), как роняет вейр и падает лицом вниз... Рохан напрасно пытался прогнать эту картину, чувствовал острый запах озона, горячий удар рукоятки, сжатой его потной рукой, слышал стоны людей, которых, задыхаясь, стаскивал в одно место, чтобы связать, как снопы, и каждый раз близкое, знакомое, как будто вдруг ослепшее лицо пораженного потрясало его своим выражением отчаянной беспомощности.

Что-то стукнуло, упала книжка, которую Рохан начал читать еще на Базе, он заложил тогда страницу белым листом, но до сих пор не прочитал ни одной строчки. Он лег поудобнее. Подумал о стратегах, обдумывающих сейчас планы уничтожения туч, и его губы искривила пренебрежительная усмешка. «Это бессмысленно, все вместе... — думал он. — Хотят уничтожить... Мы тоже, мы все хотим уничтожить, но никого этим

не спасем. Регис безлюден, человеку нечего здесь искать. Откуда же это упорство? Ведь точно так же людей могла бы убить буря или землетрясение. Ничье сознательное намерение, ничья враждебная мысль не стояла на нашем пути. Мертвый процесс самоорганизации... Стоит ли расточать все силы и энергию, чтобы его уничтожить, только потому, что мы сразу же приняли его за подстерегающего нас врага, который сначала из-за угла напал на «Кондор», а потом на нас? Сколько таких зловещих, чуждых человеческому пониманию явлений может таить в себе космос? И мы должны везде побывать с уничтожающей мощью на борту кораблей, чтобы разбить все, что несовместимо с нашим разумом? Как они это назвали? Некросфера. Значит, и некроэволюция, эволюция мертвой материи. Может быть, лирянам и было до нее дело. Регис III был в их сфере. Может, хотели его колонизировать, когда их астрофизики предсказали превращение их солнца в Новую... Возможно, это была для них последняя надежда. Если бы мы оказались в таком положении, мы бы, конечно, боролись, разметали бы этот черный кристаллический помет, но сейчас?.. На расстоянии парсека от Базы, в свою очередь, отдаленной от Земли на столько световых лет...

во имя чего мы здесь торчим, теряя людей, для чего ночами стратеги ищут наилучший метод аннигиляции, ведь о мести не может быть и речи...»

Если бы сейчас Хорпах появился перед ним, он бы сказал ему все.

«Каким смешным и одновременно безумным выглядит это «покорение любой ценой», это «героическое упорство человека», это желание отплатить за смерть товарищей, которые погибли, потому что их послали на смерть... Мы были просто неосторожны, слишком понадеялись на наши излучатели и индикаторы, наделали ошибок и теперь расплачиваемся... Мы, только мы виноваты».

Он размышлял так, лежа с закрытыми глазами, которые горели, словно под веками было полно песка. Человек, он понимал это сейчас, еще не поднялся на нужную высоту, еще не заслужил прекрасного звания галактоцентрической фигуры, прославляемой издавна. Дело не в том, чтобы искать только себе подобных и только таких понимать: нужно еще уметь не лезть не в свои нечеловеческие дела. Захватить пустоту, конечно... А почему бы нет... Но не нападать на то, что существует, что за миллионы лет создало

свое собственное, никому и ничему, кроме законов природы, не подчиняющееся равновесие существования, деятельного, активного существования, которое ничем не лучше и не хуже существования белковых соединений, называемых животными или людьми.

Именно такого Рохана, переполненного благородным галактоцентрическим всепониманием любой существующей формы, пронзил словно игла, прокалывающая нервы, повторяющийся высокий крик сигнала тревоги.

Все его рассуждения исчезли, сметенные назойливым воем, заполнившим отсеки. В следующий момент он выскочил в коридор и побежал вместе с другими, в тяжелом ритме усталых шагов, в теплом людском дыхании, и, прежде чем добежал до лифта, почувствовал не каким-то отдельным органом чувств и даже не всем своим существом, а как бы восемнадцатитысячетонным корпусом корабля, молекулой которого стал, толчок, правда, показавшийся очень далеким и слабым, но встряхнувший тело крейсера от кормовых опор до носовых отсеков, удар ни с чем не сравнимой силы, который — он и это почувствовал — приняло и отразило нечто еще большее, чем «Непобедимый».

— Это он! Это он! — услышал Рохан крики.

Люди исчезали в лифтах, двери с шипением закрывались, кто-то грохотал по крутым лесенкам, не в силах дождаться своей очереди, но сквозь мешанину голосов, призывов, свистки боцманов, непрекращающийся крик сирен и топот из верхнего отсека пробился второй, беззвучный и от этого еще более тяжелый толчок следующего удара. Коридорные лампы мигнули. Рохан никогда не думал, что лифт может двигаться так медленно. Он стоял, не замечая, что продолжает изо всех сил втискивать палец в кнопку, а рядом с ним был только один человек, кибернетик Ливин.

Лифт остановился, и, выскакивая из него, Рохан услышал самый тонкий, какой только можно представить, свист, верхние тона которого — он был в этом уверен — уже не могло воспринять человеческое ухо. Словно стонали сразу все титановые соединения крейсера. Рохан влетел в рубку, понимая, что «Непобедимый» ответил ударом на удар.

Но это был уже конец схватки. У экрана, большой и черный на его пылающем фоне, стоял астрогатор. Верхний свет не горел, а сквозь полосы, пересекающие экран и размазывающие изображение, маячил зацепившийся основанием

за грунт гигантский, распухший, разбрасывающий во все стороны шишковатые клубы, внешне совершенно неподвижный гриб взрыва, разметавший на атомы и уничтоживший циклопа, а в воздухе как будто еще висела странная прозрачная дрожь, сквозь которую доносился монотонный голос техника:

— Двадцать шесть в пункте ноль. Девять восемьсот по периметру... Один четыреста двадцать два в поле...

«Тысяча четыреста двадцать два рентгена в поле, значит, излучение пробило силовой барьер», — понял Рохан. Он не знал, что такое возможно. Но, когда взглянул на шкалу мощности, понял, какой заряд использовал астрогатор. Этой энергии хватило бы, чтобы хорошенько вскипятить внутриконтинентальное море средней величины. Что ж, Хорпах предпочитал не рисковать повторными выстрелами. Может, он немного перехватил, но теперь они снова имели только одного противника.

На экранах тем временем разворачивалось невиданное зрелище: похожая на цветную капусту верхушка гриба пылала всеми цветами радуги, от нежно-серебристой зелени до глубокого пурпура. Пустыни — Рохан заметил это только

сейчас — вообще не было видно: как плотный туман ее покрыл выброшенный на десятки метров вверх песок, который висел в воздухе, волнуясь, словно превратился в настоящее море. А техник все еще докладывал отсчеты по шкале:

— Девятнадцать тысяч в пункте ноль... Восемь шестьсот по периметру... один сто два в поле...

Победа, одержанная над циклопом, была принята в глухом молчании — немного чести разбить собственное, да еще самое сильное оружие. Люди начали расходиться, а гриб все еще рос в стратосферу и вдруг вспыхнул у вершины другой гаммой красок, зажженных на этот раз лучами солнца, еще не поднявшегося над горизонтом. Он уже пробил верхние слои холодных облаков и стоял высоко над ними, лилово-золотой, янтарный и платиновый. Отблески с экранов волнами окатывали рубку. Она все время менялась, как будто по белым пультам кто-то разбрасывал охапки земных цветов.

Рохан еще раз удивился, увидев, как одет Хорпах. Астрогатор был в мундире — в том белоснежном парадном мундире, который Рохан последний раз видел на нем во время торжественных проводов на Базе. Наверное, он схватил первое, что попалось под руку. Астрогатор стоял,

держа руки в карманах, его седые волосы взъерошились у висков. Он оглядел присутствующих.

— Рохан, — сказал он неожиданно мягким голосом, — зайдите ко мне.

Рохан инстинктивно выпрямился. Тогда астрогатор повернулся и пошел к дверям. Так они и шли, один за другим, по коридору, а сквозь вентиляционные шахты в шуме нагнетаемого воздуха из нижних отсеков доносился глухой и гневный гул.

Разговор

Рохан вошел в каюту астрогатора, не удивленный его приглашением. Правда, он бывал здесь редко, но после своего возвращения в кратер был вызван на «Непобедимый», и Хорпах разговаривал с ним у себя. Обычно такое приглашение не предвещало ничего хорошего. Правда, тогда Рохан был слишком потрясен катастрофой в ущелье, чтобы бояться гнева астрогатора. Впрочем, тот не упрекнул его ни словом, только очень внимательно расспрашивал обо всех подробностях атаки тучи. В разговоре принимал участие доктор Сакс, который высказал предположение, что Рохан уцелел, так как был в состоянии ступора, оцепенения, при котором угнетается электрическая деятельность мозга, и туча приняла его за уже обезвреженного, за одного из пораженных. Что касается Ярга, то нейрофизиолог объяснил спасение водителя случайностью: убегая, он оказался вне зоны атаки. У Тернера же, который почти до конца пытался защитить себя и других, стреляя из лазеров, мозг работал нормально и привлек к себе внимание тучи. Туча

была совершенно слепа, в человеческом понимании, и человек представлял для нее только некий подвижный объект, проявляющий свое присутствие электрическими потенциалами коры головного мозга. Они даже обсудили с Хорпахом и врачом возможность защиты людей приведением их в состояние «искусственного столбняка» с помощью соответствующего химического препарата. Но Сакс сказал, что такое средство действовало бы слишком поздно, если бы возникла необходимость в «электрическом камуфляже», а посылать людей на операцию в состоянии ступора невозможно. В конце концов разговор не принес тогда конкретных результатов. Рохан решил, что командир, возможно, хочет вернуться к тому же вопросу.

Рохан остановился посреди каюты, раза в два большей, чем его собственная. В одну из стен были встроены пульт непосредственной связи с рубкой и несколько микрофонов, но, кроме этого, ничего не говорило о том, что здесь годами жил командир корабля. Хорпах сбросил мундир и остался в брюках и рубашке-сетке. Сквозь ее ячейки пробивались густые седые волосы его широкой груди. Он уселся немного боком к Рохану, опершись тяжелыми руками о столик,

на котором не было ничего, кроме книжки в потертом кожаном переплете. Подняв глаза с этой незнакомой ему книги на командира, Рохан увидел его словно впервые. Это был смертельно уставший человек, который даже не пытался скрыть, как дрожит его рука, поднятая ко лбу. И тут Рохан, словно озаренный, понял, что вообще не знает Хорпаха, под началом которого служил четвертый год. Ему никогда не приходило в голову удивиться тому, что в каюте астрогатора нет ничего личного, ни одной из тех мелочей, иногда смешных, иногда наивных, которые люди берут с собой в пространство, как память о детстве или доме. В этот момент ему показалось, что он понял, почему Хорпах не имел ничего, почему на стенах отсутствовали какие-нибудь старые фотографии с лицами близких, оставшихся на Земле. Просто астрогатор не нуждался в подобных вещах: он весь был здесь, и Земля не была ему домом. Но, может быть, сейчас, впервые в жизни, он пожалеют об этом? Его тяжелые плечи, руки и шея не поддавались старости. Старой была только кожа на руках, толстая, неохотно складывающаяся в морщины на косточках пальцев. Кожа белела, когда он распрямлял пальцы и смотрел на их легкую дрожь с безразличным и усталым интересом,

словно отмечая что-то до сих пор ему чуждое. Рохану не хотелось смотреть на это. Но командир, слегка наклонив голову, взглянул ему в глаза и с какой-то почти застенчивой улыбкой буркнул:

— Я немного пересолил, а?

Рохана ошеломили не столько эти слова, сколько их тон и все поведение астрогатора. Он не ответил. Стоял молча, а командир, потирая широкой ладонью волосатую грудь, добавил:

— А может, это и лучше.

И через несколько секунд с небывалой для него откровенностью сказал:

— Я просто не знал, что делать...

Это потрясло Рохана. Он как будто и сознавал, что вот уже несколько дней астрогатор так же беспомощен, как все они, но сейчас понял, что не чувствовал этого по-настоящему, верил в глубине души, что астрогатор видит на несколько ходов дальше, чем любой другой человек, что так должно быть. И вот внезапно ему открылся командир как бы в двух планах одновременно. Он видел полуобнаженный торс Хорпаха, его усталое тело, дрожащие руки — существование всего этого прежде не доходило до его сознания — и одновременно услышал слова, подтверждающие правильность этого открытия.

— Садись, мальчик, — сказал командир.

Рохан послушно сел. Хорпах поднялся, подошел к умывальнику, плеснул водой на лицо и шею, быстро вытерся, резко накинул куртку, застегнул ее и уселся напротив Рохана. Глядя ему в глаза своими светлыми, немного слезящимися, словно от сильного ветра, глазами, астрогатор нехотя спросил:

— Как там, с твоим... иммунитетом? Тебя исследовали?

«Значит, только это», — мелькнуло в голове у Рохана. Он откашлялся.

— Да, врачи исследовали меня, но ничего не нашли. Кажется, Сакс был прав с этим ступором.

— Так, так. Больше ничего не говорили?

— Мне нет. Но я слышал, они обсуждали, почему туча нападает на человека только один раз, а потом предоставляет его своей судьбе.

— Это интересно. И что же?

— Лауда считает, что туча отличает нормальных людей от пораженных благодаря разнице в электрической активности мозга. У пораженного активность такая же, как у новорожденного. Во всяком случае, очень похожа. Кажется, в том столбняке, в который я впал, картина та же. Сакс предполагает, что можно сделать тонкую

металлическую сеточку, которая, если надеть ее на голову, будет излучать слабые импульсы того же типа, что и мозг пораженного. Что-то вроде «шапки-невидимки». Возможно, таким образом удалось бы спрятаться от тучи. Но это только предположение. Неизвестно, получится ли... Они хотят провести кое-какие эксперименты. Но у них слишком мало кристалликов, а те, которые должен был собрать циклоп, мы не получили...

— Ну, ладно, — вздохнул астрогатор. — Я не об этом хотел с тобой говорить... То, о чем мы будем говорить, останется между нами. Да?

— Да... — не сразу ответил Рохан, и напряжение вернулось.

Астрогатор теперь не смотрел на него, как будто ему трудно было начать.

— Я еще не принял решения, — вдруг сказал он. — Кто-нибудь другой на моем месте бросил бы монету. Возвращаться — не возвращаться... Но я не хочу. Я знаю, как часто ты не соглашаешься со мной...

Рохан открыл рот, но командир остановил его легким движением руки.

— Нет, нет... Так вот, ты получишь шанс, я даю его тебе. Ты решишь. Я сделаю то, что ты скажешь.

Он взглянул на Рохана и тотчас же спрятал свои глаза под тяжелыми веками.

— Как это... я? — выдавил Рохан. Он ожидал чего угодно, только не этого.

— Да, именно ты. Разумеется, мы договорились, это останется между нами. Ты примешь решение, а я его осуществлю. Я буду отвечать за него перед Базой. Удобные условия, не правда ли?

— Вы это... серьезно? — спросил Рохан, только бы оттянуть время, — он уже понимал, что это серьезно.

— Да. Если бы я тебя не знал, то дал бы тебе поразмыслить. Но я знаю, что ты ходишь и думаешь свое и уже давно принял решение, но, возможно, я так бы его из тебя и не вытянул. Поэтому скажи мне здесь, сейчас. Это приказ. На это время ты становишься командиром «Непобедимого»... Не хочешь сразу? Хорошо. Даю тебе минуту.

Хорпах встал, подошел к умывальнику, потер ладонью щеки, так что заскрипела седая щетина, и, словно ничего не происходило, взял электробритву и начал бриться. Он смотрел в зеркало.

Рохан видел его и одновременно не видел. Первым его чувством был гнев на Хорпаха, который так беспощадно с ним поступил, давая ему право, а вернее, обязанность решения, связывая его

словом и одновременно принимая на себя всю ответственность. Рохан знал достаточно астрогатора, чтобы понимать, что он все обдумал и теперь не отступится от своего...

Секунды бежали, и нужно было говорить. Через мгновение... Сейчас. А он ничего не знал. Все аргументы, которые он так охотно бросил бы астрогатору в лицо, которые как железные кирпичи укладывал во время ночных размышлений, исчезли. Четыре человека умерли почти наверняка. Если бы не это «почти», не нужно было бы ничего взвешивать, выворачивать наизнанку, они просто улетели бы на рассвете. Но теперь это «почти» начало в нем разрастаться. Пока он стоял рядом с Хорпахом, считал, что нужно немедленно стартовать. Сейчас чувствовал, что такой приказ застрянет у него в горле. Знал, что это был бы не конец проблемы Регис, а ее начало. Это не имело ничего общего с ответственностью перед Базой. Те четверо остались бы на корабле, о них бы не забыли. Команда хотела возвращаться. Но он припомнил свою ночную прогулку и понял, что через некоторое время люди начали бы об этом думать, потом говорить. Они говорили бы друг другу: «Видите?! Он бросил четырех человек и стартовал». И только это имело бы значение.

Каждый человек должен был знать, что другие его не оставят ни при каких обстоятельствах. Что можно проиграть все, но команда должна быть на борту — живые и мертвые. Этого правила не было в уставах. Но если бы так не поступали, никто бы не мог летать.

— Слушаю, — сказал Хорпах. Он отложил бритву и сел напротив помощника.

Рохан облизал губы:

— Нужно попробовать...

— Что?

— Найти их.

Вот и случилось. Он знал, что астрогатор не будет противиться. Сейчас он был совершенно уверен, что Хорпах именно на это и рассчитывал, что сделал это намеренно. Зачем? Чтобы, идя на риск, не быть одиноким?

— Тех? Понимаю. Хорошо.

— Но нужен план. Какой-то разумный способ...

— Разумными мы были до сих пор, — сказал Хорпах. — Результаты тебе известны.

— Могу я еще кое-что сказать?

— Слушаю.

— Я был сегодня ночью на совещании стратегов. То есть слышал... Впрочем, я не об этом. Они разрабатывают различные способы уничто-

жения тучи, но задача ведь не в том, чтобы ее уничтожить, нужно только найти тех четверых. Ведь если мы предпримем какое-то новое избиение тучи, то те из них, кто еще жив, из второго такого ада наверняка не выберутся. Никто. Это невозможно.

— Я тоже так думаю, — медленно ответил астрогатор.

— Вы тоже?! Это хорошо... Значит?..

Хорпах молчал.

— Они... Они нашли какой-нибудь выход?

— Они?.. Нет.

Рохан хотел еще о чем-то спросить, но не решился. Слова замерли у него на губах. Хорпах смотрел на него, словно чего-то ждал. Но Рохан ничего не знал. Не думает же командир, что он сам, в одиночку, сумел придумать что-то лучшее, чем все ученые, чем кибернетики и стратеги вместе с их «электронными мозгами». Какая ерунда! А Хорпах терпеливо смотрел на него. Они молчали. Капли воды мерно падали из крана, необычайно громкие в полной тишине. И из этого молчания возникло то, что холодом сжало щеки Рохана. Уже все лицо. Кожа от шеи начала съеживаться, она становилась как бы тесной, когда он смотрел в слезящиеся, невыразимо старые сейчас глаза

Хорпаха. Он уже ничего не видел, кроме этих глаз. Он уже знал.

Он медленно кивнул головой. Как будто сказал «да». «Ты понимаешь?» — спрашивали глаза астрогатора. «Понимаю», — ответил взглядом Рохан. Но по мере того как понимание становилось в нем все отчетливее, он чувствовал, что это невозможно. Что этого никто не имеет права требовать от него, даже он сам. И он продолжал молчать. Молчал, но теперь уже притворяясь, что ни о чем не догадывается, ничего не знает. Цеплялся за наивную надежду, что, раз ничего не сказано, от того, что перешло из глаз в глаза, можно отказаться. Можно солгать, что это недогадливость. Он понимал, чувствовал — Хорпах сам этого никогда ему не скажет. Но астрогатор видел это, видел все. Они сидели неподвижно. Взгляд Хорпаха смягчился. Он уже выражал не ожидание, не безоговорочную настойчивость, а только сочувствие. Он словно говорил: «Понимаю. Хорошо. Пусть будет так». Командир опустил веки. Еще мгновение, и это невысказанное исчезло бы, и они оба могли бы вести себя так, как будто вообще ничего не случилось. Но этот отведенный взгляд все решил. Рохан услышал собственный голос:

— Я пойду.

Хорпах тяжело вздохнул, но Рохан, охваченный паникой, которую возбудило в нем произнесенное им самим слово, не заметил этого.

— Нет, — сказал Хорпах. — Так не пойдешь...

Рохан молчал.

— Я не мог тебе этого сказать... — продолжал астрогатор. — Ни даже искать добровольца. Не имею права. Но ты сейчас сам понимаешь, что мы не можем так улететь. Только в одиночку человек может туда войти... И выйти. Без шлема, без машин, без оружия.

Рохан почти не слышал его.

— Сейчас я объясню тебе свой план. Обдумай его. Можешь от него отказаться, все это по-прежнему остается между нами. Я представляю себе это так. Кислородный прибор из силикона. Никакого металла. Я пошлю туда два вездехода, автоматических. Они стянут на себя тучу, которая их уничтожит. В это время пойдет третий вездеход. С человеком. Это самый рискованный момент, нужно подъехать как можно ближе, чтобы не терять времени на переход через пустыню. Запаса кислорода хватит на восемнадцать часов. Вот фотограммы всего ущелья и окрестностей. Я думаю, не стоит идти дорогой предыдущих экспедиций, нужно подъехать как можно ближе к

северной границе плоскогорья и оттуда пешком спуститься вниз. К верхней части ущелья. Если они вообще еще живы, они только там. Там они могли уцелеть. Местность тяжелая, много пещер и расщелин. Если найдешь всех или кого-нибудь из них...

— Да. Как мне их забрать? — спросил Рохан, испытывая удовлетворение, которое не мог побороть. Здесь план разваливался. Как легко жертвовал им Хорпах...

— У тебя будет нужное средство, слегка дурманящее. Что-то такое есть. Естественно, оно понадобится только в том случае, если они не захотят идти добровольно. К счастью, они в этом состоянии могут ходить.

«К счастью...» — подумал Рохан. Он сжал под столом руки, стараясь, чтобы Хорпах этого не заметил. Он совсем не боялся. Пока нет. Все это было слишком нереально.

— В случае, если туча... заинтересуется тобой, ты должен неподвижно лечь на землю. Я думал о каком-нибудь препарате на этот случай, но он подействовал бы слишком поздно. Остается только этот экран, этот электросимулянт, о котором говорил Сакс...

— Что-нибудь в этом роде уже есть?.. — спросил

Рохан. Хорпах понял скрытый смысл вопроса. Но был по-прежнему спокоен.

— Нет. Но это можно сделать за час. Сеточка, скрытая в волосах. Генератор будет вшит в ворот комбинезона. Теперь... Даю тебе час времени... Дал бы больше, но с каждой минутой шансы спасения тех четверых уменьшаются. И так их слишком мало. Когда решишь...

— Я уже решил.

— Не глупи. Ты что, не слышишь, что я тебе говорю? Я только хотел, чтобы ты понял, нам еще нельзя стартовать...

— Но ведь вы знаете, что я пойду...

— Не пойдешь, если я тебе не позволю. Не забывай, что я еще здесь командир. Перед нами проблема, которая не позволяет считаться с чьим-либо самолюбием.

— Понимаю, — сказал Рохан. — Вы не хотите, чтобы я чувствовал себя вынужденным?.. Ладно. Тогда я... То, что мы сейчас говорим, еще подчиняется нашему договору?

— Да.

— Тогда я хочу знать, что бы вы сделали на моем месте. Поменяемся...

Хорпах мгновение молчал.

— А если бы я тебе сказал, что не пойду?

— Тогда и я не пойду. Но я знаю, что вы скажете правду...

— Значит, не пойдешь? Слово? Нет, нет... Я знаю, что это не нужно...

Астрогатор встал. За ним встал и Рохан.

— Вы мне не ответили.

Астрогатор смотрел на него. Он был выше, крупнее и шире в плечах. Его глаза приобрели то же усталое выражение, что и вначале.

— Можешь идти, — сказал он.

Рохан выпрямился и пошел к двери. Астрогатор сделал такое движение, как будто хотел его задержать, взять за руку. Но Рохан этого не видел. Он вышел, а Хорпах остался у закрытых дверей и долго стоял не двигаясь.

«Непобедимый»

Первые два вездехода сползли с аппарели на рассвете. Поле, пропуская машины, отворилось и вновь замкнулось, поблескивая голубыми огнями. Под кормой крейсера на задней подножке третьего вездехода, в комбинезоне, без шлема, без защитных очков, только в маленькой маске кислородного прибора сидел Рохан, обняв колени руками, — так ему было удобнее смотреть на скачки стрелки секундомера.

В левом верхнем кармане его комбинезона лежали четыре ампулы, в правом — плоские таблетки питательного концентрата, наколенные карманы заполняла всякая мелочь: индикатор излучения, маленький магнитный датчик, компас, микрофотограмметрическая карта местности размером в почтовую открытку, которую нужно было рассматривать в сильную лупу. Рохан был опоясан тонким пластмассовым тросом, его одежда практически не имела металлических частей. Проволочной сетки, скрытой в волосах, он вообще не чувствовал, разве что когда специально шевелил кожей головы. Не чувствовал

он и плывущего в ней тока, но мог проверить работу микрогенератора, вшитого в воротник, приложив к нему палец: твердый цилиндрик мерно постукивал, и, касаясь его, Рохан ощущал этот пульс.

На востоке появилась красная полоса, проснулся ветер, подстегивая песчаные верхушки барханов. Закрывающая горизонт низкая пила кратера медленно тонула в багряном половодье. Рохан поднял голову. Двусторонней связи с кораблем не было, работающий передатчик сразу же выдал бы его присутствие. Но в ухе его торчал маленький, величиной с косточку, приемник. «Непобедимый» мог, во всяком случае какое-то время, посылать ему свои сигналы. Приемник заговорил, Рохану показалось, что голос звучит прямо в голове.

— Внимание, Рохан. Я Хорпах... Носовые индикаторы зарегистрировали увеличение магнитной активности. Вероятно, вездеходы уже под тучей... Высылаю зонд...

Рохан смотрел в светлеющее небо. Он не видел самого старта ракеты, которая вдруг взмыла вертикально вверх, таща за собой полосу белого дыма, окутавшего верхушку корабля, и понеслась на северо-восток. Шли минуты. Из-за горизонта

вылезла уже половина распухшего диска тусклого солнца и уселась верхом на валу кратера.

— Небольшая туча атакует первый вездеход... — снова зазвучал голос в его голове. — Второй пока продвигается беспрепятственно. Первый приближается к воротам... Внимание! Контроль над ним утерян. Оптический тоже — туча его закрыла. Второй подходит к повороту у шестого сужения... Он пока не атакован... Началось!.. Мы потеряли над ним контроль. Его тоже накрыла туча... Рохан! Внимание! Твой вездеход отправляется через пятнадцать секунд. С этого момента ты действуешь по собственному усмотрению! Включаю стартовый автомат... Удачи!

Голос Хорпаха неожиданно отдалился. Его заменило отсчитывающее секунды тиканье. Рохан устроился поудобнее, уперся ногами, вложил руку в эластичную петлю, прикрепленную к верхнему поручню вездехода... Легкая машина вздрогнула и плавно двинулась вперед. Хорпах держал всех людей внутри корабля. Рохан был ему за это почти благодарен, он бы не вынес никакого прощания. Прилепившись к прыгающей подножке вездехода, он видел только огромную, медленно уменьшающуюся колонну «Непобедимого». Голубые вспышки, затрепетавшие на

мгновение на склонах барханов, сообщили ему, что машина пересекает границу силового поля. Сразу же после этого скорость возросла, и рыжее облако, взбитое колесами, заслонило все, — он едва видел небо. Это было не слишком удачно, на него могли напасть незаметно. И, вместо того чтобы сидеть, как было запланировано, он повернулся, приподнялся и, держась за поручень, встал на подножке. Теперь он мог видеть поверх приплюснутого гребня машины бегущую навстречу пустыню. Вездеход, подскакивая, мчался с максимальной скоростью, иногда машину бросало так сильно, что Рохан был вынужден изо всех сил прижиматься к ее поверхности. Двигатель работал неслышно, только ветер свистел да зерна песка летели в глаза, а с обеих сторон машины взлетали рыжие фонтаны, образуя непроницаемую стену, и Рохан даже не заметил, как оказался вне кольца кратера. Очевидно, вездеход проскочил по одной из плоских перемычек северного вала.

Неожиданно Рохан услышал приближающийся певучий звук. Это был передатчик телезонда, летящего на такой высоте, что Рохан не мог его увидеть, хотя изо всех сил напрягал зрение. Зонд пришлось запустить высоко, чтобы не привлечь

внимания тучи: его присутствие было неизбежно, иначе с корабля нельзя было бы управлять движением вездехода.

На заднюю стенку машины специально вынесли спидометр, чтобы облегчить Рохану ориентировку. Он проехал уже девятнадцать километров и с минуты на минуту ожидал появления первых скал. Но низкий солнечный диск, висевший до сих пор с правой стороны и едва пробивавший своим светом завесу пыли, вдруг откатился назад. Значит, вездеход поворачивал влево. Рохан напрасно пытался сообразить, совпадает ли это с разработанным планом или в рубке заметили какой-то непредвиденный маневр тучи и пытаются его увести от нее подальше.

Через некоторое время солнце исчезло за первым, отлогим скальным хребтом. Потом снова появилось. В его косых лучах местность выглядела дико и не походила на то, что Рохан помнил по своей последней экспедиции.

Вездеход снова стало сильно трясти, и Рохан несколько раз больно ударился грудью. Ему пришлось напрячь все силы, чтобы жестокие толчки не сбросили его с узкой подножки. Колеса танцевали на камнях, выбрасывали высоко вверх гравий, с шумом скатывавшийся вниз по скло-

нам, иногда яростно буксовали. Рохану казалось, что эту дьявольскую езду видно за многие километры, и он уже собрался остановить машину — на уровне груди торчала выведенная наружу ручка тормоза — и соскочить. Но в этом случае его ожидала многокилометровая прогулка, и ее продолжительность уменьшала бы и без того ничтожные шансы дойти до цели. Стиснув зубы, судорожно вцепившись в поручни, которые уже не казались ему такими надежными, как раньше, он, прищурившись, смотрел вперед поверх плоской крыши машины.

Пение радиозонда иногда затихало, но он еще кружился над Роханом; вездеход ловко маневрировал, обходя нагромождение каменных развалин, иногда наклонялся, замедляя движение, и снова рвался вперед на полной мощности.

Спидометр показывал, что пройдено двадцать семь километров. По вычерченной на карте трассе надо было пройти шестьдесят, но из-за непрерывных зигзагов и поворотов дорога, конечно, удлинялась. Теперь песок совершенно исчез. Огромное почти негреющее солнце висело тяжело и грозно, касаясь диском каменной стены. Подпрыгивающая машина продиралась через осыпи, иногда скользя вместе со скрежещущей

лавой, колеса скрипели и бессильно терлись о камни на все возрастающем уклоне. Двадцать девять километров он ничего не слышал, кроме певучего сигнала зонда. «Непобедимый» молчал. Почему? Ему казалось, что обрисованный черными линиями неясный обрыв, видневшийся под красным солнцем, это и есть верхний обрез ущелья, в которое ему нужно спуститься, но не здесь... Значительно выше... С севера... Тридцать километров... Он не видел и следа черной тучи. Пожалуй, она уже расправилась с теми машинами. Или просто бросила их, удовлетворившись тем, что отсекла их от корабля, нарушив связь. Вездеход метался, как затравленный зверь. Временами от рева двигателя, работавшего на максимальных оборотах, у Рохана к горлу подкатывал комок. Скорость по-прежнему падала, но он все же продвигался на удивление хорошо. Может, имело смысл взять вездеход на воздушной подушке. Но это была слишком большая и тяжелая машина. И вообще не стоило об этом думать, все равно сейчас ничего не изменишь...

Рохан хотел посмотреть на часы. Сделать этого не удалось, нельзя было ни на мгновение оторвать руку от поручня. Согнув ноги, он попытался амортизировать резкие толчки, которые перево-

рачивали ему внутренности. Внезапно машина задрала нос и одновременно рванулась вбок и вниз, завизжали тормоза, камни летели со всех сторон, громко барабаня по тонкому панцирю, вездеход судорожно свернул, его занесло, некоторое время тащило боком через осыпь, наконец это движение прекратилось...

Машина постепенно выпрямилась и снова упорно поползла вверх по склону. Он уже узнавал черноватые, похожие на заплаты, отвратительные заросли, покрывающие крутые скалы. До начала ущелья оставалось около километра. Тридцать четвертый километр...

Склон, который еще предстояло преодолеть, выглядел, как море хаотически нагроможденных развалин. Казалось, машине не удастся найти среди них дорогу. Рохан уже перестал высматривать возможные проходы, — все равно он не мог управлять маневрами вездехода. Он старался теперь не спускать глаз с окружающих бездну скал. В любой момент оттуда могла появиться туча.

— Рохан... Рохан... — услышал он вдруг. Сердце забилось сильнее. Он узнал голос Хорпаха. — Вероятно, вездеход не довезет тебя до цели. Отсюда мы не можем достаточно точно оценить наклон ската, но думаем, что тебе удастся проехать еще

пять-шесть километров. Когда вездеход застрянет, пойдешь дальше пешком. Повторяю...

Хорпах еще раз передал то же самое. «Максимум сорок два-сорок три километра... Остается около семнадцати. По такой местности это самое малое четыре часа, если не больше, — мгновенно прикинул Рохан. — Но, может, они ошибаются, может, вездеход пройдет...»

Голос пропал, и снова были слышны только ритмично повторяющиеся певучие сигналы зонда. Рохан стиснул зубами мундштук маски, который при резких бросках больно натирал губы.

Солнце уже не касалось ближайшей горы, но висело еще невысоко. Он видел большие и маленькие камни, скалы, временами их холодная тень накрывала его. Машина шла теперь гораздо медленнее. Подняв глаза, Рохан увидел призрачные перистые облака, тающие в небе. Над ним горело несколько звезд. Вдруг с вездеходом произошло что-то странное. Его задняя часть осела, нос взлетел наверх, он весь дрожал, как конь, вставший на дыбы... Секунда — и он, наверное, рухнул бы, подмяв под себя Рохана, если бы тот стремительно не прыгнул в сторону. Он упал на четвереньки, почувствовав через толстые защитные перчатки и наколенники болезненный удар,

его проволокло метра два по камням, наконец ему удалось задержаться. Колеса вездехода еще раз взвизгнули, и машина замерла.

— Внимание... Рохан... Ты на тридцать девятом километре. Машина дальше не пройдет. Тебе придется идти пешком. Сориентируешься по карте... Вездеход останется здесь на тот случай, если ты не сможешь вернуться иначе... Ты на пересечении координат сорок шесть и сто девяносто два...

Рохан медленно встал. Все тело у него болело, но трудными были только первые шаги, постепенно он разошелся. Он хотел как можно скорее уйти от застрявшего между двумя каменными плитами вездехода. Дойдя до высокого обелиска, он сел, вынул из кармана карту и попробовал сориентироваться. Это было нелегко. Наконец он определил свое место. От верхней границы ущелья его отделял какой-нибудь километр по прямой, но нельзя было даже мечтать, что здесь удастся спуститься вниз, — склоны ущелья покрывала монолитная металлическая чаща. Поэтому он начал карабкаться наверх, все время раздумывая, не попробовать ли ему спуститься на дно ближе намеченной точки. До нее пришлось бы идти не меньше четырех часов. Даже если бы ему удалось вернуться вездеходом, все равно

необходимо было рассчитывать на пятичасовой обратный путь, а сколько времени займет спуск в ущелье, не говоря уже о поисках? Неожиданно весь план показался ему лишенным крупицы здравого смысла. Он был бесполезен, этот героический жест, которым Хорпах мог успокоить собственную совесть. На какое-то время его охватила ярость — дал себя обвести, как какой-нибудь сопляк, астрогатор все так устроил... От ярости он почти не видел ничего вокруг. Постепенно Рохан успокоился. «Возвращения нет, — повторял он себе. — Попробую. Если мне не удастся спуститься, если никого не найду до трех часов, вернусь».

Часы показывали четверть восьмого. Рохан старался идти большими равномерными шагами, но не слишком быстро, так как при любых условиях расход кислорода увеличивался. Он надел компас на запястье, чтобы не сбиться с нужного направления. Однако ему пришлось несколько раз обходить трещины с совершенно вертикальными краями. Сила тяжести на Регисе была значительно меньше, чем на Земле, это давало относительную свободу движений даже в такой тяжелой местности. Солнце поднялось. Слух Рохана, привыкший к постоянному аккомпанементу всех тех звуков, которыми, словно защитным

барьером, его окружали в прежних экспедициях машины, был теперь очень обостренным. Время от времени он слышал только ритмичное и очень ослабевшее пение зонда, зато каждый порыв ветра, рвущегося на скальных гранях, привлекал его внимание. Ему казалось, что он слышит слабое, так хорошо запомнившееся гудение. Постепенно Рохан вошел в ритм и мог спокойно размышлять, автоматически ступая с камня на камень. В кармане у него лежал шагомер, он не хотел смотреть на его шкалу слишком часто, решил, что сделает это только через час. Но не выдержал и вынул похожий на часы приборчик гораздо раньше. Он испытал болезненное разочарование: не удалось пройти и трех километров. Ему приходилось лезть слишком высоко, и это его задерживало. «Значит, не три, не четыре часа, а минимум еще шесть...» — подумал Рохан. Он вынул карту и, опустившись на колени, сориентировался еще раз. Верхний край ущелья виднелся в каких-нибудь семистах — восьмистах метрах на востоке, Рохан все время двигался более или менее параллельно его направлению. В одном месте черная чаща ущелья разделялась тонкой извивающейся полосой, вероятно, руслом высохшего ручья. Он пытался рассмотреть ее получше. Стоя на кам-

нях, в порывах ветра, свистящего над головой, он несколько минут колебался. Еще не зная, что будет делать, он встал, машинально спрятал карту в карман и пошел перпендикулярно направлению, которого придерживался до сих пор, прямо к обрыву ущелья.

Он приближался к молчащим ободранным скалам так осторожно, как будто в любой момент под ним могла разверзнуться земля. Отвратительный страх сжимал его сердце. Но он шел, по-прежнему размахивая руками, которые казались ужасно пустыми. Вдруг он остановился и поглядел вниз, в ту сторону, где стоял «Непобедимый». Рохан не мог его увидеть, корабль находился за горизонтом, он знал об этом, но смотрел на рыжее небо, медленно заполнявшееся клубящимися облаками. Пение сигналов зонда стало таким слабым, что он не был уверен, не иллюзия ли это. Почему молчал «Непобедимый»?

«Потому что больше не о чем говорить», — ответил он сам себе. Похожие на гротескные, съеденные эрозией статуи, торчали вершины скал. Ущелье открылось перед ним, как огромная, залитая тьмой щель, солнечные лучи еще не достигали даже половины черных скал. Кое-где сквозь щетину, покрывавшую их, пробивались

белые, словно известковые, иглы. Он одним взглядом охватил все огромное пространство, до самого каменного дна, лежащего на глубине полутора километров, и почувствовал себя таким нагим, таким беззащитным, что инстинктивно присел, чтобы слиться с камнями, стать одним из них. Это было бессмысленно, ему не грозило, что его увидят. То, чего он должен был бояться, не имело глаз. Лежа на слабо нагретой каменной плите, он смотрел вниз. Фотограмметрическая карта была бесполезно точной, она показывала местность с высоты птичьего полета, в соответствующем уменьшении. Нечего было и думать о спуске по узкой просеке между двумя массивами черных зарослей. Для этого понадобилось бы, по меньшей мере, метров сто троса, и все равно еще потребовались бы какие-нибудь крюки, молоток, а у него ничего такого не было, он не готовился к скалолазанью. Сначала этот узкий желобок спускался довольно плавно, дальше он обрывался, исчезал с глаз нависшим горбом лавы и появлялся далеко внизу, едва видный сквозь синеватую завесу воздуха. Ему в голову пришла идиотская мысль, что, если бы он имел парашют... Он упорно разглядывал склоны по обе стороны от места, где лежал, втиснувшись под большой грибовид-

ный камень. Только теперь он почувствовал, что из пустоты, которая под ним открывалась, плавно поднимается струя нагретого воздуха. В самом деле, контуры противоположных склонов слегка дрожали. Заросли были аккумулятором солнечной энергии. На юго-западе он отыскал вершины столбов, основания которых образовывали каменные ворота — место катастрофы. Он не узнал бы их, но в отличие от всех остальных скал они были абсолютно черными и блестели, словно покрытые толстым слоем глазури, — их поверхность наверняка кипела во время битвы циклопа с тучей... Но ни вездеходов, ни даже следов атомного взрыва он не смог рассмотреть из своего укрытия. Он лежал так довольно долго, и внезапно его охватило отчаяние: ему нужно спуститься вниз, а дороги нет. Вместо облегчения от того, что можно возвратиться и сказать астрогатору, что он сделал все возможное, — пришла решимость.

Он встал. Какое-то движение в глубине ущелья, схваченное краем глаза, снова прижало его к камню, но он выпрямился. «Если все время падать ничком, много не сделаешь», — подумал он. Теперь он шел по самому краю скалы, пытаясь найти проход. Через каждые несколько сотен

шагов он свешивался в пустоту и видел все ту же картину — там, где склон спускался плавно, его облепляла черная чаща, там, где он был от нее свободен, — падал вертикально. Один раз из-под его ноги выскочил камень и покатился вниз, потащив за собой другие; небольшая лавина с грохотом стремительно ударила в косматую стену в каких-нибудь ста шагах под ним. Оттуда выползла полоса сверкающего в солнечных лучах дыма, развалилась в воздухе и мгновение висела, будто всматриваясь, а он весь помертвел. Потом дым поредел и бесшумно впитался в поблескивающую чащу.

Было около девяти, когда, выглянув из-за очередного камня, он заметил внизу, на самом дне ущелья, которое тут значительно расширялось, — светлое движущееся пятнышко. Дрожащей рукой он достал из кармана маленький бинокль, взглянул...

Это был человек. Слишком маленькое увеличение не позволяло увидеть его лицо, но Рохан хорошо видел равномерные движения ног. Человек шел медленно, слегка прихрамывая, припадая на поврежденную ногу. Окликнуть его? Рохан не решился. Правда, он попробовал, но голос застрял в горле. Он ненавидел себя за

этот проклятый страх, но знал, что теперь уже наверняка не уйдет. Он хорошо запомнил направление, в котором двигался человек, — вверх по расширяющейся долине, к беловатым кучам осыпей — и побежал в ту же сторону, перепрыгивая через камни и зияющие трещины. Скоро ему стало не хватать воздуха и сердце заколотилось, как в лихорадке. «Это сумасшествие, так нельзя...» — подумал Рохан беспомощно. Он замедлил шаг, и в этот момент перед ним открылась, словно приглашая, широкая расщелина. Ниже с обеих сторон ее охватывали черные заросли. Внизу наклон увеличивался... Может, там навес?

Все решило время — было почти половина десятого. Он начал спускаться, сначала лицом к пропасти, потом, когда склон стал слишком крутым, повернулся и спускался дальше, помогая себе руками. Черная чаща была близко и, казалось, излучала неподвижное молчаливое тепло. В висках у него стучало. Он остановился на выступе скалы, вбил левый ботинок между ним и другим выступом и посмотрел в пропасть. Под ним в каких-нибудь сорока метрах тянулся широкий карниз, от которого отходила четкая обнаженная каменная гряда, возвышавшаяся над растопыренными щетками черных кустов.

Но от этого спасительного карниза его отделял воздух. Он взглянул вверх: позади уже добрых двести метров, а то и больше. Ему казалось, что удары сердца сотрясают воздух. Он несколько раз моргнул. Медленно, слепыми движениями начал разматывать трос. «Не будь же ты таким психом...» — сказало что-то в нем. Двигаясь боком, он добрался до ближайшего куста. Его острые побеги были покрыты налетом ржавчины. Рохан дотронулся до куста, ожидая чего угодно. Но ничего не случилось. Он услышал лишь сухой скрипучий шелест, потянул сильнее, — куст сидел надежно; он обвязал его тросом у основания, потянул еще раз... Во внезапном приступе смелости обмотал второй и третий кусты, уперся, дернул изо всех сил. Они прочно вцепились в потрескавшийся камень. Рохан начал скользить, все еще опираясь ногами о скалу, но потом сорвался и повис. Он все быстрее пропускал трос под коленом, притормаживая его правой рукой, и наконец осторожно опустился на карниз. Теперь он попробовал освободить трос, потянув его за один конец. Кусты не пускали. Он подергал еще несколько раз. Трос зацепился. Тогда он уселся на полку верхом и принялся тянуть изо всех сил. Вдруг трос с ядовитым свистом рассек воздух и хлестнул Рохана по

шее. Его аж затрясло. Потом Рохан несколько минут сидел, ноги у него обмякли, и он не решался продолжать путешествие. Зато он снова увидел фигурку, двигавшуюся внизу. Она стала немного больше. Его удивило, что она такая светлая. Было также что-то причудливое в форме головы, вернее, головного убора этого человека.

Он ошибался, если думал, что худшее уже позади. Впрочем, он этого не думал. У него просто была такая надежда, но, как оказалось, ложная.

Дальше дорога была гораздо легче технически, но мертвые, ржаво похрустывающие кусты сменились другими, лоснящимися какой-то жирной чернью. Их проволочные клубки, словно мелкими плодами, были осыпаны утолщениями, которые он тотчас узнал.

Время от времени от них отделялись слабо жужжащие дымки, кружились в воздухе, тогда он замирал, но ненадолго, иначе ему никогда не удалось бы достичь дна ущелья. Некоторое время он двигался сидя верхом на гряде, потом гряда стала шире, менее крутой, и он мог идти, правда не без помощи рук. Он едва отдавал себе отчет в последовательности этапов этого длительного спуска, поскольку его внимание было разделено — ему приходилось смотреть одновременно в обе

стороны. Иногда ему приходилось передвигаться так близко от роящихся кустов, что их бугристые стержни цеплялись за складки комбинезона. Но ни разу проплывающие по верху облачка, переливающиеся в лучах солнца огоньками, не приблизились к нему.

Когда он наконец добрался до осыпи, всего в нескольких десятках шагов от дна, белеющего похожими на высохшие кости голышами, было около двенадцати. Он уже миновал зону черных кустов, которую наполовину освещало высокое солнце. Теперь он мог бы оценить величину пройденного пути, но даже не обернулся. Он побежал вниз, стараясь переносить тяжесть тела с ноги на ногу, с камня на камень как можно быстрее, но огромная масса неустойчивой осыпи с грохотом начала сползать вместе с ним, грохот становился все сильнее, и вдруг у самого высохшего потока осыпь под ним развалилась, он упал, от удара у него сдвинулась кислородная маска. Он сразу же вскочил, не обращая внимания на ушибы, так как боялся, что потеряет человека, которого видел сверху, — оба склона, особенно противоположный, были усеяны черными дырами пещер. Но что-то остановило его, и, не отдавая себе отчета, он снова бросился на острые

камни и остался лежать, раскинув руки. На него упала легкая тень, и с нарастающим монотонным гудением, охватывающим все регистры — от свиста до басовых нот, — его окутало черное бесформенное облако. Наверное, он должен был закрыть глаза, но не сделал этого. Последней его мыслью было: «Только бы аппаратик, вшитый в воротник, не пострадал при резком падении». Потом он приказал себе погрузиться в полную неподвижность. Он не шевелил даже зрачками, но видел, как роящаяся туча повисла над ним, как выпустила вниз лениво извивающееся щупальце, он увидел его вблизи, оно выглядело как горловина чернильно поблескивающего смерча. Кожей головы, щек, всего лица он почувствовал прикосновение теплого воздуха, как будто раздробленное на миллионы струек дыхание. Что-то пошевелило его комбинезон, его окружил почти полный мрак. Потом это изгибающееся, как миниатюрный смерч, щупальце втянулось обратно в тучу. Жужжание стало резче. От него заломило зубы, оно было где-то внутри черепа. Потом ослабло. Туча почти вертикально пошла вверх, превратилась в черный туман, охвативший оба склона, распалась на отдельные вращающиеся концентрические клубы, заползла в неподвиж-

ную шубу зарослей и исчезла.

Он еще долго лежал без движения, как мертвый. В голове мелькнула мысль, что, может быть, это уже случилось. Что, может, отныне он не будет знать, ни кто он, ни откуда здесь появился, ни что должен делать, и от этой мысли его охватил такой страх, что он резко сел. Вдруг ему захотелось смеяться. Ведь если он мог так думать, значит уцелел. Значит, она ему ничего не сделала, он ее обманул. Он старался сдержать этот поднимающийся в горле щекочущий идиотский смех, который начал его трясти. «Это только истерика», — подумал Рохан, поднимаясь с колен. Он был уже почти спокоен, по крайней мере ему так казалось. Он поправил кислородную маску и осмотрелся. Человека, которого он заметил сверху, не было. Но Рохан услышал его шаги. Тот уже исчез за перегородившей половину ущелья скалой. Рохан побежал за ним. Топот приближался и казался удивительно громким. Как будто человек шел в железных ботинках. Рохан бежал, чувствуя, как иголочки боли пронзают ногу, от щиколотки до колена. «Наверное, подвернул...» — подумал он, отчаянно загребая руками; снова не хватало воздуха, Рохан почти задыхался, когда увидел того.

Человек шел прямо, большими механическими шагами, ступая с камня на камень. Близкие скалы щелкающим эхом повторяли его шаги. И вдруг все замерло в Рохане. Это был робот, а не человек. Один из арктанов. Рохан совсем не думал об их судьбе, о том, что стало с ними после катастрофы; во время нападения тучи они находились в среднем вездеходе. До робота оставалось всего несколько десятков шагов. Рохан заметил, что левая рука робота бессильно повисла, она была переломана, а его когда-то блестящий выпуклый панцирь исцарапан и покрыт вмятинами. Разочарование было велико, но через мгновение Рохан приободрился при мысли, что будет иметь в дальнейших поисках хоть такого товарища. Он хотел окликнуть робота, но что-то удержало его. Он прибавил шагу, обогнал арктана и, встав на его дороге, ждал, но двухсполовинойметровый гигант словно не замечал его. Вблизи Рохан увидел, что похожая на тарелкообразное ухо радарная антенна разбита, а там, где находился раньше объектив левого глаза, зияет дыра с неровными краями. Но шел робот, уверенно ступая своими огромными ногами, немного прихрамывая на левую. Рохан позвал его, когда расстояние между ними сократилось до нескольких метров, но

машина шла прямо на него, как слепая, и в последний момент ему пришлось уступить дорогу. Он подскочил к арктану и хотел схватить его за металлическую лапу, тот безразличным и плавным движением вырвался и продолжал шагать дальше. Рохан понял, что арктан тоже стал жертвой атаки и рассчитывать на него нельзя. Но ему тяжело было оставить беспомощную машину одну, и, кроме того, он заинтересовался, куда робот направляется. Тот шел, выбирая по возможности ровную дорогу, будто имел определенную цель.

После короткого размышления, во время которого робот ушел вперед, Рохан решился и побежал за ним. Арктан дошел до основания осыпи и начал карабкаться на нее, не обращая ни малейшего внимания на потоки камней, вылетающих из-под его больших ступней. Он взобрался примерно до половины осыпи, но свалился и съехал вниз, все еще перебирая в воздухе ногами. В другое время Рохан бы, пожалуй, расхохотался. Потом арктан поднялся и снова начал восхождение. Рохан повернулся и ушел, но до него еще долго доносились грохот камней и повторяющиеся тяжелые металлические щелчки, которые многократным эхом отражались от стен ущелья.

Теперь он двигался быстро, дорога по плос-

ким камням, выстилающим ложе потока, была довольно ровной и слегка спускалась вниз. Никаких следов тучи не было, только временами слабое дрожание воздуха над склонами свидетельствовало о деятельности, бурлящей в черных зарослях. Так он дошел до самой широкой части ущелья, переходящего здесь в долину, окруженную отлогими возвышенностями. Каменные ворота находились в каких-нибудь двух километрах отсюда. Только теперь Рохан понял, как ему будет не хватать ольфактометрического индикатора, который помог бы в поисках человеческих следов, но для пешехода это был слишком тяжелый прибор. Рохан задержался и начал осматривать скалы. О том, чтобы кто-нибудь мог спрятаться в самой металлической чаще, не было и речи. Оставались только гроты, пещеры и котловины, которых отсюда он насчитал четыре; их загораживали от него высокие выступы с вертикальными стенами, обещающие, что восхождение будет нелегким. Поэтому он решил сначала осмотреть гроты. Уже до этого на корабле он вместе с врачами и психологами решил, где нужно искать беглецов, где они могли бы спрятаться. Но, по сути дела, это совещание дало ему немного, так как предвидеть поведение человека,

пораженного амнезией, было практически невозможно. То, что эти четверо ушли от остальных людей Реньяра, говорило об их активности: то, что следы этих четверых на всем прослеженном пути не разошлись, позволяло рассчитывать, что их удастся найти всех вместе. Естественно, если они вообще были живы и если выше каменных ворот не разошлись в разные стороны.

Рохан по очереди осмотрел два маленьких и четыре больших грота, входы которых были легко доступны, требовалось только несколько минут безопасного восхождения по большим каменным плитам, стоящим наклонно. В последнем из гротов он наткнулся на частично залитые водой металлические обломки, которые сначала показались ему скелетом второго арктана, но они были страшно старые и не напоминали ни одну из знакомых ему конструкций. В неглубокой луже, видной благодаря тому, что немного дневного света отражалось от гладкого, словно полированного потолка, покоился странный продолговатый предмет, отдаленно напоминающий крест пятиметровой длины. Его наружные пластины давно распались и образовали на дне рыжий от ржавчины ил.

Рохан не мог себе позволить долго рассматри-

вать необычную находку, вероятно являющуюся остатками одного из макроавтоматов, уничтоженных победившей в мертвой эволюции тучей. Он лишь запомнил его форму, размазанные контуры каких-то ячеек и стержней, которые служили скорее для полетов, чем для ходьбы. Часы торопили, и он, не оттягивая, начал осматривать следующие пещеры. Их было так много, что в высоких стенах скал они казались залитыми тьмой окнами зданий; а коридоры и подземные галереи, часто затопленные водой, то и дело обрывающиеся вертикальными колодцами и водопадами с журчащими ледяными потоками, шли так круто, что он не решался далеко в них углубляться. Впрочем, у него был только небольшой фонарик, дававший сравнительно мало света, бессильный разогнать тьму, особенно в обширных многоэтажных пещерах с высокими потолками, — он и в такие попал несколько раз.

Наконец, просто падая от усталости, он уселся на огромном, нагретом солнечными лучами, плоском камне у входа из только что обследованной пещеры и начал жевать плитку концентрата, запивая сухие куски водой из ручья. Раза два ему показалось, что он слышит шум приближающейся тучи, но это были только отголоски сизифовых

усилий арктана. Перекусив, он почувствовал себя значительно бодрее. Самым удивительным для него самого было то, что он все меньше внимания обращал на грозное соседство, — черные заросли облепили склоны целиком.

Он опустился с возвышения перед пещерой, где отдыхал, и сразу заметил что-то вроде тонкой ржавой ленты на сухих камнях по другую сторону долины. Добравшись туда, он узнал следы крови. Кровь уже совершенно засохла, изменила свой цвет, и, если бы не удивительная белизна скалы, похожей на известняк, он, наверно, ничего бы не заметил. Он попробовал определить, в каком направлении шел раненый, но из этого ничего не вышло. Тогда он наугад пошел вверх по ущелью, рассуждая, что человек, возможно, раненный во время схватки циклопа с тучей, удалялся от ее центра. Следы петляли, в нескольких местах пропадали и наконец привели его к пещере, которую он осмотрел одной из первых. Тем больше было его удивление, когда он обнаружил рядом с входом в нее узкую расщелину, похожую на колодец, которой раньше не заметил. Кровавый след вел туда.

Рохан опустился на колени и наклонился над полутемным отверстием, и, хотя он подготовил-

ся к самому худшему, ему не удалось сдержать глухого восклицания. Прямо на него пустыми светлыми глазами смотрело окровавленное лицо Бенигсена. Он узнал его сразу по золотой оправе очков, стекла которых по слепой иронии случая уцелели и чисто поблескивали в свете, отраженном от известняковой плиты, наклонившейся над каменной могилой. Геолог висел, застряв между двумя камнями. Рохан не хотел оставлять его так, но, когда он попробовал вытащить труп, почувствовал сквозь толстый материал комбинезона, как тело расползается под руками. Разложение, ускоренное действием солнца, которое заглядывало сюда, сделало свое дело. Рохан только расстегнул «молнию» нагрудного кармана комбинезона и вынул из него личный знак ученого. Прежде чем уйти, он, напрягая все силы, придвинул одну из ближних каменных плит и накрыл ею могилу.

Это был первый. Уже отдалившись от этого места, Рохан подумал, что надо было определить радиоактивность останков. Ее уровень в какой-то мере мог бросить свет на судьбу самого Бенигсена и других, — высокий уровень радиоактивности доказывал бы, что умерший находился близко от атомной битвы. Но он забыл это сделать, а сейчас

ничто не заставило бы его снова поднять могильный камень. Одновременно Рохан понял, какую большую роль в его поисках играет случай, ведь ему казалось, что это место он осмотрел очень внимательно.

Новая мысль заставила его поспешно вернуться по кровавому следу в поисках его начала. След шел почти по прямой линии вниз, словно направляясь к месту побоища. Геолог потерял огромное количество крови, и было непонятно, каким образом он мог уйти так далеко. Камни, на которые с момента катастрофы не упало ни капли дождя, были обильно залиты кровью. Рохан вскарабкался по шатким большим глыбам и очутился в обширной неглубокой впадине под обнаженным каменным выступом. Первое, что он увидел, была неестественно большая подошва металлической стопы робота. Он лежал боком почти разрубленный, очевидно, очередью из вейра. Немного дальше, опершись о скалу, полусидел, сложившись почти пополам, человек в черном от копоти шлеме. Он был мертв. Излучатель еще держался в его обвисшей руке, касаясь блестящим стволом земли. Рохан не решился сразу притронуться к мертвецу, он пытался, присев, заглянуть ему в лицо, но оно было так же обезоб-

ражено разложением, как и у Бенигсена. Наконец он узнал широкую плоскую геологическую сумку, висевшую у человека через плечо. Это был сам Реньяр, руководитель экспедиции, атакованной в кратере. Измерение радиоактивности показало, что арктан разбит выстрелами из вейра, индикатор регистрировал характерное присутствие редкоземельных элементов. Рохан хотел взять личный знак ученого, но на это у него не хватило духа. Он только отстегнул сумку, — при этом не нужно было прикасаться к телу. В сумке лежали образцы минералов.

Подумав, Рохан отодрал ножом прикрепленную к сумке монограмму геолога, спрятал ее в карман и, глядя сверху на застывшую картину, попытался понять, что же здесь произошло. По всей вероятности, Реньяр стрелял в робота. Возможно, тот напал на него или Бенигсена. Впрочем, мог ли человек, пораженный амнезией, защищаться от нападения? Рохан понимал, что не разгадает загадки, а в перспективе у него были дальнейшие поиски. Он снова взглянул на часы: скоро пять. Если он рассчитывал на собственный запас кислорода, пора было подумать о возвращении. Рохану пришло в голову, что он может вывернуть кислородные баллоны из аппарата

Реньяра. Он снял аппарат с трупа, убедился, что один баллон еще полон, и, оставив свой пустой, начал наваливать камни вокруг останков. Это заняло у него целый час, но мертвый уже щедро с ним расплатился, отдав свой запас кислорода. Когда невысокий курган был готов, Рохан подумал, что хорошо было бы вооружиться, наверно, еще заряженным излучателем. Но идея возникла слишком поздно, ему пришлось уйти ни с чем.

Было уже почти шесть. Он так устал, что едва двигал ногами. У него оставалось еще четыре тонизирующие таблетки, он принял одну и через минуту встал, чувствуя прилив сил. Он не имел ни малейшего понятия, откуда начать дальнейшие поиски, и пошел прямо к каменным воротам. До них оставалось около километра, когда индикатор показал возрастающий уровень радиоактивности. Пока он был довольно низким, и Рохан шел дальше, внимательно оглядываясь по сторонам. Поскольку ущелье поднималось круто, лишь некоторые скалы носили следы плавления. По мере того как он приближался к месту схватки, этой характерной потрескавшейся глазури становилось все больше. Потом он увидел огромные камни, целиком покрытые застывшими пузырями, их поверхность вари-

лась в атомном котле. Здесь ему уже нечего было делать, но он шел вперед; индикатор щелкал все быстрее, стрелка металась как сумасшедшая, танцуя по шкале. Наконец он издали заметил остатки каменных ворот. Черная прежде шуба металлических зарослей превратилась в испепеленные лохмотья; в глубине, в скалистых стенах, виднелись огромные светлые проломы. Рохан поспешно вернулся.

И снова ему на помощь пришел случай. Когда он уже поднимался к следующим, значительно более широким каменным воротам, вблизи от места, которое он уже проходил, он заметил блеск какого-то металлического предмета. Это был алюминиевый редуктор кислородного прибора. В неглубокой расщелине между скалой и ложем высохшего потока темнела спина в обгоревшем комбинезоне. Труп был без головы. Страшная сила взрывной волны перебросила человека через груду камней и раздробила его о скалу. Поодаль лежала совершенно целая кобура, из нее торчал сверкающий, словно только что вычищенный вейр. Рохан взял его себе. Он пытался опознать убитого, но это ему не удалось. Он снова пошел вверх по ущелью. Свет на его восточном склоне становился уже красным и, словно пылающий

занавес, подымался все выше, по мере того как солнце опускалось за горный хребет. Было без четверти семь. Рохан не знал, что делать. До сих пор ему везло, во всяком случае в том смысле, что он выполнил задание и мог возвращаться. В смерти четвертого человека он был совершенно уверен. Но, в конце концов, он почти наверняка знал это еще на «Непобедимом». Он пришел сюда, чтобы убедиться. Имел ли он право возвращаться? Запаса кислорода, которым он был обязан Реньяру, хватало еще на шесть часов. Но наступала ночь, во время которой он ничего не мог делать, если не из-за тучи, то хотя бы потому, что силы его были на исходе. Рохан принял очередную тонизирующую таблетку и, ожидая, когда она подействует, попытался составить какой-нибудь разумный план дальнейших действий.

Высоко над ним, у края скал, черные заросли заливало багровое зарево захода, в котором острия отдельных кустов искрились и переливались глубоким фиолетовым светом.

Рохан все еще не мог ничего решить. Сидя под большим изломом, он услышал надвигающееся издали тяжелое гудение тучи. Странно — он совсем не испугался. Его отношение к ней в течение одного этого дня удивительно переменилось.

Он знал, во всяком случае думал, что знает, что именно он может себе позволить как альпинист, которого не пугает смерть, подстерегающая его на леднике. По правде говоря, Рохан сам еще не очень хорошо разобрался в происшедшей перемене, его память не отметила, в какой момент он заметил мрачную красоту черных зарослей, переливавшихся всеми оттенками фиолетового цвета. Но теперь, уже рассмотрев черные тучи — а их было две, они выползли из обоих склонов ущелья, — он даже не шевельнулся, не пытался спрятаться, прижимая лицо к камням. В конце концов положение, которое он занимал, не имело значения, если только маленький аппаратик еще работал. Сквозь материал комбинезона он коснулся кончиками пальцев его круглого, как монета, донышка и почувствовал легкие толчки. Он не хотел испытывать судьбу и уселся поудобнее, чтобы лишний раз не менять положения.

Тучи занимали сейчас обе стороны ущелья. В их черных клубах происходило какое-то упорядоченное движение, они сгущались по краям, образуя почти вертикальные колонны, а их внутренние части вытягивались и сближались все больше. Казалось, какой-то гигантский скульптор с необыкновенной быстротой формировал их

невидимыми движениями. Несколько коротких разрядов пронзили воздух между ближайшими точками туч, казалось, рвавшихся друг к другу, но каждая осталась на своей стороне, вибрируя центральными клубами во все убыстряющемся темпе. Блеск этих молний был удивительно темным, он на мгновение освещал обе тучи — застывшие в полете миллиарды серебристо-черных кристалликов. Потом, когда скалы повторили несколько раз эхо ударов, слабое и приглушенное, словно их покрыл поглощающий звук материал, обе черные тучи, дрожа, напрягаясь до предела, соединились и перемешались. Сразу потемнело, как будто зашло солнце, и одновременно в воздухе появились неясные изгибающиеся линии, и Рохан только через некоторое время понял, что это гротескно изуродованное отражение дна ущелья.

Воздушные зеркала волновались и таяли под покровом тучи; вдруг он увидел гигантскую, уходящую головой во тьму человеческую фигуру, которая неподвижно смотрела на него, хотя само изображение непрерывно дрожало и колебалось, гаснущее и вновь вспыхивающее в таинственном ритме. И снова ушли секунды, прежде чем он узнал собственное отражение, висящее в пустоте

между боковыми полотнищами тучи. Он был так удивлен, до такой степени поражен непонятными действиями тучи, что забыл обо всем. У него блеснула мысль, что, возможно, туча знает о нем, о микроскопическом присутствии последнего живого человека среди камней ущелья.

Но и этой мысли он не испугался. Не потому, что она была слишком неправдоподобна — он уже ничто не считал невозможным, — просто он жаждал участвовать в этой мрачной мистерии, значение которой — в этом он был уверен — не поймет никогда. Его гигантское отражение, сквозь которое слабо просвечивали далекие склоны верхней части ущелья, куда не достигала тень тучи, таяло. Одновременно из тучи высунулись бесконечные щупальца, если какое-нибудь втягивалось обратно, его место занимали другие. Из них пошел черный дождь, становившийся все более густым. Мелкие кристаллики падали и на Рохана, легко ударяли его в голову, осыпались по комбинезону, собирались в складках. Черный дождь все еще шел, а голос тучи, это всеобъемлющее, охватившее не только долину, но, казалось, всю атмосферу планеты гудение, усиливался.

В туче образовывались локальные вихри, окна, сквозь которые просвечивало небо; черный

покров разорвался посредине и двумя валами, тяжело, как бы неохотно, попятился к зарослям, заполз в неподвижную чащу и растворился в ней. Рохан по-прежнему сидел без движения. Он не знал, можно ли стряхнуть кристаллики, которыми был обсыпан. Множество их лежало на камнях, все, до сих пор белевшее как кость, ложе ручья было словно забрызгано черной краской. Он осторожно взял один из треугольных кристалликов, и тот будто ожил, деликатно дунул на руки теплой струей и, когда Рохан инстинктивно разжал руку, взлетел в воздух.

Тогда, будто по сигналу, все вокруг зароилось. Это движение только в первый момент представлялось хаотичным. Черные точки образовали над самой землей слой дыма, сконцентрировались, объединились и столбами пошли наверх. Казалось, скалы задымились какими-то жертвенными факелами несветящегося пламени. Потом произошло что-то еще более непонятное. Когда взлетающий рой повис, как огромный пушистый черный шар, над серединой ущелья, на фоне медленно темнеющего неба, тучи снова вынырнули из зарослей и стремительно бросились на него. Рохану показалось, что он слышит скрежещущий звук воздушного удара, но это была иллюзия.

Он уже решил, что наблюдает схватку, что тучи извергли из себя и сбросили на дно ущелья этих мертвых «насекомых», от которых хотели избавиться, но понял, что ошибается. Тучи разошлись, и от пушистого шара не осталось и следа. Они поглотили его. Мгновение, и снова только вершины скал кровоточили под последними лучами солнца, а раскинувшаяся долина снова стала пустынной.

Рохан поднялся на ослабевшие ноги. Он вдруг показался себе смешным с этим поспешно взятым у мертвеца излучателем; больше того — он чувствовал себя ненужным в этой стране абсолютной смерти, где могли победить только мертвые формы, победить для того, чтобы совершать таинственные действия, которых не должны были видеть ничьи чужие глаза. Не с ужасом, но с полным ошеломления удивлением участвовал он мгновение назад в том, что произошло. Он знал, что никто из ученых не в состоянии разделить его чувств, но хотел вернуться теперь уже не только как вестник гибели товарищей, но и как человек, который будет добиваться, чтобы планету оставили нетронутой. «Не все и не везде существует для нас», — подумал он, медленно спускаясь вниз. Светлые сумерки позволили ему

быстро дойти до поля битвы. Там ему пришлось ускорить шаги, так как излучение остекленевших скал, кошмарными силуэтами встающих в густеющих сумерках, становилось все сильнее. Наконец он побежал. Отзвук его шагов от одних каменных стен передавался другим, и в этом непрерывном эхе, в этом гуле, усиливавшем его торопливость, он прыгал с камня на камень. Он миновал неузнаваемые, расплавившиеся обломки машин, выскочил на крутой склон, но и здесь индикатор пылал ярким рубиновым огнем.

Задерживаться было нельзя. Он задыхался, но не снизил темпа, только до предела открыл вентиль редуктора. Если даже кислород кончится у выхода из ущелья, если придется дышать воздухом планеты, все равно это наверняка лучше, чем оставаться лишние минуты здесь, где каждый сантиметр скалы выбрасывал смертоносное излучение. Кислород бил ему в горло холодной волной. Бежать было легко, поверхность застывшего потока лавы, который оставил на пути своего поражения отступающий циклоп, местами была гладкой почти как стекло. К счастью, на нем были горные ботинки с шипами, и он не скользил. Теперь совсем стемнело, только кое-где выглядывающие из-под остекленевшей оболочки

светлые камни показывали дорогу вниз, только вниз. Он знал, что впереди по крайней мере еще три километра такого пути. Делать какие-либо вычисления при этой сумасшедшей гонке было не совсем удобно, но он время от времени посматривал на пульсирующий огонек индикатора. Он мог здесь быть еще около часа, тогда доза не превысит двухсот рентгенов. Ну пусть час с четвертью, но если и после этого он не доберется до начала пустыни, спешить будет уже некуда.

Где-то на двадцатой минуте наступил кризис. Сердце он чувствовал как жестокое, непреодолимое существо, которое раздирало и сжимало ему грудь, кислород жег горло пылающим огнем, в глазах мелькали искры, но самым плохим было то, что он начал спотыкаться. Правда, излучение стало немного слабее, индикатор тлел в темноте как гаснущий уголек, но он знал, что должен бежать, бежать дальше, а ноги уже отказывались слушаться. Все его мышцы работали на пределе, все в нем кричало, требовало остановиться, стоять, а то и рухнуть на кажущиеся такими холодными, такими безопасными глыбы потрескавшегося стекла. Он хотел посмотреть вверх, на звезды, споткнулся и полетел вперед, едва успев выставить руки. Всхлипывая, он глотал

воздух. С трудом приподнялся, встал, несколько шагов пробежал, качаясь из стороны в сторону, потом нужный ритм вернулся и понес его. Он уже потерял ощущение времени. Как он вообще ориентировался в этой глухой тьме? Он забыл о мертвых, которых нашел, о костяной улыбке Бенигсена, о Реньяре, лежащем под камнями рядом с разбитым арктаном, о безголовом, которого ему не удалось опознать, забыл даже о туче. Мрак давил на него, наливал кровью его глаза, напрасно искавшие большое звездное небо равнины, песчаная пустота которой казалась ему избавлением. Соленый пот заливал лицо, он бежал вслепую, увлекаемый силой, неисчезающему присутствию которой в себе мгновениями еще мог удивляться. Этот бег, эта ночь, казалось, не имели конца.

Рохан уже ничего не видел, когда вдруг ему стало гораздо тяжелее передвигать ноги, он несколько раз провалился, почувствовал последний приступ отчаяния, поднял голову и вдруг понял, что он в пустыне. Он еще заметил звезды над горизонтом, потом, когда ноги его подогнулись, поискал шкалу индикатора, но не увидел ее, она была темной, молчала, — он оставил смерть за спиной, в глубине застывшего корыта лавы,

— это была последняя его мысль. Он почувствовал лицом шершавый холод песка и погрузился не в сон, а в оцепенение. Все тело еще отчаянно работало, ребра ходили ходуном, сердце разрывалось, но сквозь этот мрак полного изнурения он проваливался в другой мрак, более глубокий, и, наконец, потерял сознание.

Рохан очнулся сразу, не понимая, где находится. Пошевелил руками, почувствовал холод песка, высыпавшегося из ладони, сел и невольно застонал. Ему было душно. Светящаяся стрелка манометра на кислородном приборе показывала нуль. В другом баллоне давление было восемнадцать атмосфер. Он переключил вентиль и встал. Был час ночи. Звезды резко сверкали в черном небе. Он определил по компасу нужное направление и пошел прямо вперед. В три он принял последнюю таблетку. Незадолго до четырех у него кончился кислород. Он отшвырнул кислородный прибор, сделал неуверенный вдох, но, когда холодный предрассветный воздух наполнил его легкие, пошел быстрее, стараясь не думать ни о чем, кроме этого похода через барханы, в которые он то и дело проваливался по колено. Он шел как пьяный и не знал, действие ли это газов атмосферы или просто усталость. Он подсчитал,

что если будет делать четыре километра в час, то доберется до корабля в одиннадцать утра. Рохан попробовал определить скорость шагомером, но ничего не получилось.

Гигантская белая полоса Млечного Пути делила небо на две неравные части. Он уже привык к призрачному свету звезд, который позволял ему обходить самые большие барханы. Он шел и шел, пока не заметил на фоне горизонта какой-то угловатый силуэт, казавшийся странным правильным пространством без звезд. Еще не понимая, что это, он повернул в ту сторону, побежал, проваливаясь все глубже, и наконец вытянутыми руками, словно слепец, ударился о твердый металл. Это был вездеход, пустой, возможно один из тех, которые накануне утром выслал Хорпах, а может, какой-нибудь другой, например брошенный группой Реньяра. Рохан не думал об этом, просто стоял, задыхаясь, обнимая плоский лоб машины обеими руками. Усталость тянула к земле. Упасть около машины, заснуть рядом с ней, чтобы утром, с солнцем, отправиться в путь...

Рохан медленно вскарабкался на броневую крышу, на ощупь нашел рукоять люка и открыл его. Зажегся свет. Он сполз на сиденье. Да, теперь

он уже знал, что немного опьянел, наверняка отравленный метаном, он никак не мог отыскать стартер, не помнил, не знал ничего... Наконец рука сама нашла потертую ручку, толкнула ее, двигатель негромко мяукнул и заработал. Он откинул крышку гирокомпасов, теперь он знал наверняка только одну цифру — курс возвращения. Некоторое время вездеход шел в темноте. Рохан забыл о существовании фар...

В пять было еще темно. Он увидел прямо перед собой, далеко, среди белых и голубоватых звезд, одну, висящую над самым горизонтом, рубиновую. Он тупо уставился на нее. Красная звезда?.. Не было таких... Ему казалось, что рядом с ним кто-то сидит, наверное Ярг. Рохан хотел спросить его, что это может быть за звезда, и вдруг — будто его ударили — понял. Это был носовой огонь крейсера. Он направил вездеход прямо на эту рубиновую капельку. Она постепенно поднималась, пока не стала ярко горящим шариком, в отсвете которого переливался панцирь звездолета. Между приборами замигал красный огонек и раздался звонок, сигнализируя о близости силового поля. Рохан выключил двигатель. Машина сползла по склону бархана и остановилась. Он не был уверен, что сумеет забраться в вездеход, если

вылезет из него. Поэтому он залез в ящик и достал ракетницу. Она прыгала у него в руке. Рохан оперся локтем о руль, сжал запястье другой рукой и потянул спусковой крючок. Оранжевая черта пронзила темноту. Черта кончилась взрывом, выбросившим яркие звездочки, — ракета ударилась в стену силовой защиты. Он стрелял раз за разом, пока не услышал сухие щелчки ударника. Кончились патроны. Но его уже заметили. Почти сразу же на вершине корабля вспыхнули два больших прожектора и, лизнув песок белыми языками, скрестились на вездеходе. Одновременно осветилась аппарель, и, как холодный огненный столб, вспыхнула шахта пассажирского подъемника. Трапы мгновенно заполнились бегущими людьми, под кормой на барханах заметались огоньки. Голубые светлячки показали проход внутрь поля.

Ракетница выпала из рук Рохана. Он не помнил, как сполз по холодному боку машины, и, пошатываясь, преувеличенно большими шагами, неестественно выпрямившись, стиснув кулаки, чтобы подавить неприятную дрожь в пальцах, пошел прямо к кораблю, который стоял в половодье огней на фоне бледного неба такой величественной неподвижной громадой, как

будто и в самом деле был непобедим.

Закопане, июнь 1962 — июнь 1963